

СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА.

Х.

СОЧИНЕНІЯ

Александра Пушкина.

ТОМЪ ДЕСЯТОЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. ГЛАЗУНОВА И К^О.

MDCCCXLI.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, представлено было въ
Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
Санктпетербургъ, Апрѣля 29 дня 1840 года.

Ценсоръ Никитенко.

ОГЛАВЛЕНІЕ ДЕСЯТАГО ТОМА.

—

ПОВѢСТИ.

Арапъ Петра Великаго	3
Лѣтопись села Горохина	71
Дубровскій	103
Египетскія ночи	243
Сцены изъ Рыцарскихъ временъ	271

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

АРАПЪ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ НЕОКОНЧЕННАГО РОМАНА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Въ числѣ молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ Великимъ въ чужіе края для пріобрѣтенія свѣдѣній, необходимыхъ государству преобразованному, находился его крестникъ, арапъ Ибрагимъ. Онъ обучался въ Парижскомъ военномъ училищѣ, выпущенъ былъ капитаномъ артиллеріи, отличился въ Испанской войнѣ — и, тяжело раненный, возвратился въ Парижъ. Императоръ, посреди обширныхъ своихъ трудовъ, не переставалъ осведомляться о своемъ любимцѣ и всегда получалъ лестные отзывы на счетъ его успѣховъ и поведенія. Петръ былъ чрезвычайно имъ

доволенъ и неоднократно звалъ его въ Россію; но Ибрагимъ не поропился. Онъ опговаривался подъ различными предлогами: по раноу, по желаніемъ усовершенствоватъ свои познанія, по недоспапкомъ въ деньгахъ — и Петръ снисходительствовалъ къ его просьбамъ, просилъ его заботиться о здоровьи, благодарилъ за ревность къ ученью — и, крайне бережливый въ собственнѣхъ своихъ расходахъ, не жалѣлъ для него своей казны, присовокупляя къ червонцамъ опеческіе совѣшы и предостерегательныя наспавленія. По свидѣтельству всѣхъ историческихъ записокъ, ничто не могло сравниться съ легкомысліемъ, безумствомъ и роскошью Французовъ того времени. Последніе годы царствованія Людовика XIV, ознаменованные спрогой набожностію, важностію и приличіемъ Двора, не оставили никакихъ слѣдовъ. Герцогъ Орлеанскій, соединяя многія блестящія качества съ пороками всякаго рода, къ несчастію, не имѣлъ и пѣни лицемѣрія. Оргіи Пале-Рояля не были пайною для Парижа; примѣръ былъ заразителенъ. На шу пору явился Law; алчность къ деньгамъ соединилась съ жаждоу наслажденій и разсѣянности; имѣнія исчезали, нравственность гнила; Французы смѣялись и разсипывали — и государство распадалось подъ игривые припѣвы сапирическихъ водевилей.

Между-тѣмъ общество предспавляло картину самую занимательную. Образованность и пошренность веселились сблизили всѣ соспоянiя. Богатство, любезность, слава, шаланшы, самая спранность — все, что подавало пищу любопытству или обѣщало удовольствiе, было принято съ одинаковой благосклонностию. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинетъ и являлись въ кругу большого свѣта угождать модѣ, управляя ея мнѣнiями. Женщины царствовали, но уже не пребовали обожанiя. Поверхностная вѣжливостъ замѣнила глубокое къ нимъ почтенiе. Проказы герцога Ришельё, Алживиада новѣйшихъ Авинь, принадлежатъ Истории и даютъ понятiе о нравахъ сего времени.

Tems fortuné, marqué par la licence,
 Où la folie, agitant son grelot,
 D'un pied léger parcourt toute la France,
 Où nul mortel ne daigne être dévot,
 Où l'on fait tout excepté pénitence.

Появленiе Ибрагима, его наружность, образованность и природный умъ возбудили въ Парижѣ общее вниманiе. Всѣ дамы желали видѣть у себя *le Negre du Czar*, и ловили его на-перехватъ. Регентъ приглашалъ его неразъ на свои

веселые вечера; онъ присуществовалъ на ужинахъ, одушевленныхъ молодостию Аруэша и старостию Шольё, разговорами Монпескьё и Фонпенеля; не пропускалъ ни одного бала, ни одного праздника, ни одного первого представленія, и предавался общему вихрю со всею пылкостью своихъ лѣтъ и своей породы. Но мысль, промѣнявъ эпоху разсвѣтаніе, эти блестящія забавы на просмотру Петербургскаго Двора, не одна ужасала Ибрагима; другія, сильнѣйшія узы привязывали его къ Парижу: молодой Африканецъ любилъ.

Графиня L., уже не въ первомъ цвѣтѣ лѣтъ, славилась еще своею красотою. Семнадцать лѣтъ, при выходѣ ея изъ монастыря, выдали ее за челоуѣка, котораго она не успѣла полюбить и котораго въ послѣдствіи о томъ не заботился. Молва приписывала ей любовниковъ; но, по снисходительному уложенію свѣта, она пользовалась добрымъ именемъ, ибо нельзя было упрекнутьъ ее въ какомъ-нибудь смѣшномъ или соблазнительномъ приключеніи. Домъ ея былъ самый модный: у нея соединялось лучшее Парижское общество. Ибрагима представилъ ей молодой Мервиль, почитаемый вообще послѣднимъ ея любовникомъ, что и спарался онъ дасть почувствовать всѣми способами.

Графиня приняла Ибрагима учтиво, но безъ всякаго особеннаго вниманія; эпо польспило ему. Обыкновенно смопрѣли на молодаго Негра какъ на чудо, окружали его, осыпали привѣспвіями и вопросами — и эпо любопытспво, хопя и прикрыпое видомъ благосклонности, оскорбляло его самолюбіе. Сладоспное вниманіе женщинъ, почпи единспвенная цѣль нашихъ усилий, не полько не радовало его, но даже исполняло горечью и негодованіемъ. Онъ чувспвовалъ, что онъ для нихъ родъ какого-то рѣдкаго звѣря, пворенія особеннаго, чужаго, случайно перенесеннаго въ міръ, не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Онъ даже завидовалъ людямъ, никѣмъ незамѣченнымъ и почиталъ ихъ ничпожеспво благополучіемъ.

Мысль, что природа не создала его для взаимной спраспи, избавила его опть самонадѣянности и припязаній самолюбія, что придавало рѣдкую прелеспь обращенію его съ женщинами. Разговоръ его былъ проспъ и важенъ; онъ понравился графинѣ L., копорой надоѣли важныя шупки и понкіе намеки Французскаго оспроумія. Ибрагимъ часпо бывалъ у нея. Мало по малу она привыкла къ наружности молодаго Негра и даже спала находить что-то пріятное въ эпой курчавой головѣ, чернѣющей посреди пудреныхъ

париковъ ея госпоиной (Ибрагимъ былъ ранень въ голову и вмѣсто парика носилъ повязку). Ему было 27 лѣтъ опть-роду; онъ былъ высокъ и спроенъ — и' не одна красавица заглядывалась на него съ чувспвомъ болѣе лесшнымъ, нежели просное любопышпшво; но предупрежденный Ибрагимъ или ничего не замѣчалъ, или видѣлъ одно лишь кокепшво. Когда же взоры его встрѣчались со взорами графини, недовѣрчивость его исчезала. Ея глаза выражали шакое милое добродушіе, ея обхождение съ нимъ было шакъ проспо, шакъ непринужденно, что невозможно было въ ней подозрѣвать и шѣни кокепшва или насмѣшливости.

Любовь не приходила ему на умъ, а уже видѣшь графиню каждый день было для него необходимо. Онъ повсюду искалъ ея встрѣчи, и встрѣча съ нею казалась ему каждый разъ неожиданною милоспію Неба. Графиня, прежде-нежели онъ самъ, угадала его чувспва. Что ни говори, а любовь безъ надеждъ и шребованій прогаешъ сердце женское вѣрнѣе всѣхъ расчешовъ оболѣщенія. Въ присушпшвіи Ибрагима, графиня слѣдовала за всѣми его движеніями, велушивалась во всѣ его рѣчи; безъ него она задумывалась и впадала въ обыкновенную свою разсѣянность. Мервиль пер-

вѣй замѣшилъ эту взаимную склонность — и поздравилъ Ибрагима. Ничто такъ не воспламеняетъ любви, какъ ободрительное замѣчаніе посторонняго; любовь слѣпа и, не довѣря самой себѣ, шоропливо хватается за всякую опору.

Слова Мервиля пробудили Ибрагима. Возможною обладать любимую женщиною доселѣ не представлялась его воображенію; надежда вдругъ озарила его душу; онъ влюбился безъ-памяти. Напрасно графиня, испуганная изступленіемъ его спраспи, хотѣла прошивопоставить ей увѣщанія дружбы и совѣты благоразумія: она сама ослабѣвала

Ничто не скрывается отъ взоровъ наблюдательнаго свѣта. Новая связь графини спала скоро всѣмъ извѣстна. Нѣкоторыя дамы изумлялись ея выбору; многимъ казался онъ очень естественнымъ. Однѣ смѣялись, другія видѣли съ ея спороны непроницаемую неоспорожность. Въ первомъ упоеніи спраспи Ибрагимъ и графиня ничего не замѣчали; но вскорѣ двусмысленныя шулки мушкетъ и колкія замѣчанія женщинъ спали до нихъ доходили. Важное и холодное обращеніе Ибрагима доселѣ ограждало его отъ

подобныхъ нападеній; онъ выносилъ ихъ неперпѣливо и не зналъ чѣмъ опразить. Графиня, привыкшая къ уваженію свѣта, не могла хладнокровно видѣть себя предметомъ сплетней и насмѣшекъ. Она по со слезами жаловалась Ибрагиму, по горько упрескала его, по умоляла за нее не вступапья, чпобъ напраснымъ шумомъ не погубить ея совершенно.

Новое обстоятельство еще болѣе запушало ея положеніе: обнаружилось слѣдствіе неоспорожной любви. Графиня съ опчаяніемъ объявила о помъ Ибрагиму. Упѣшенія, совѣпы, предложенія — все было испощено и все опвергнуто. Графиня видѣла неминуемую гибель и съ опчаяніемъ ожидала ее.

Какъ скоро положеніе графини спало извѣстно, полки начались съ новою силою; чувствительныя дамы ахали опъ ужаса; муцины бились объ-закладъ, кого родить графиня: бѣлаго ли, или чернаго ребенка. Эпиграммы сыпались на счепъ ея мужа, копорый одинъ во всемъ Парижѣ ничего не зналъ и ничего не подозрѣвалъ.

Роковая минуша приближалась. Состояніе графини были ужасно. Ибрагимъ каждый день былъ у нея. Онъ видѣлъ, какъ силы душевныя и шѣ-

лесныя поспешенно въ ней исчезали. Ея слезы, ея ужась возобновлялись поминутно. Наконецъ она почувствовала первыя муки. Мѣры были приняты наскоро. Графа нашли сносомъ удалишь. Докторъ пріѣхалъ. Дня за два передъ симъ уговорили бѣдную женщину уступить въ чужія руки новорожденнаго ея младенца; за нимъ послали повѣреннаго. Ибрагимъ находился въ кабинетѣ близъ самой спальни, гдѣ лежала несчастная графиня. Не смѣя дышать, онъ слышалъ ея глухія сненанья, шепотъ служанки и приказанія доктора. Она мучилась долго. Каждый спонтъ ея раздиралъ душу Ибрагиму; каждый промежутокъ молчанія обливалъ его ужасомъ.... Вдругъ онъ услышалъ слабый крикъ ребенка — и, не имѣя силы удержавъ своего воспора, бросился въ комнату графини.... Черный младенецъ лежалъ на постелѣ въ ея ногахъ. Ибрагимъ къ нему приблизился. Сердце его билось сильно. Онъ благословилъ сына дрожащею рукою. Графиня слабо улыбнулась и просянула ему слабую руку.... но докторъ, опасаясь для больной слишкомъ сильныхъ потрясеній, отпацилъ Ибрагима отъ ея постели. Новорожденнаго положили въ крышную корзину и вынесли изъ дому по пошпенной лѣспницѣ. Принесли другаго ребенка и поспавили его колыбель въ спальнѣ. Ибрагимъ уѣхалъ, не

много успокоенный. Ждали графа. Онъ возвратился поздно, узнавъ о счастливомъ разрѣшеніи супруги и былъ очень доволенъ. Такимъ образомъ публика, ожидавшая соблазнительнаго шума, обманулась въ своей надеждѣ и была принуждена упѣшипсья единымъ злословіемъ. Все вошло въ обыкновенный порядокъ.

Но Ибрагимъ чувствовалъ, что судьба его должна была перемѣниться, и что связь его рано или поздно могла дойти до свѣдѣнія графа L. Въ такомъ случаѣ, что бы ни произошло, гибель графини была неизбежна. Ибрагимъ любилъ спрасно и также былъ любимъ; но графиня была своенравна и легкомысленна: она любила не въ первый разъ. Отверженіе, ненависть могли замѣнить въ ея сердцѣ чувства самыя нѣжныя. Ибрагимъ предвидѣлъ уже минушу ея охлажденія. Доселѣ онъ не вѣдалъ ревности, но съ ужасомъ ее предчувствовалъ; онъ воображалъ, что спрэданія разлуки должны быть менѣе мучительны — и уже намѣревался разорвать несчастную связь, оставить Парижъ и отправиться въ Россію, куда давно призывали его и Петръ и темное чувство собственнаго долга.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Дни, мѣсяцы проходили — и влюбленный Ибрагимъ не могъ рѣшиться оставить женщину, оболыщенную имъ. Графиня часъ-отъ-часу болѣе къ нему привязывалась. Сынъ ихъ воспитывался въ опдаленной провинціи. Слепни свѣта спали упихать, и любовники начали наслаждаться большимъ спокойствіемъ, молча, помня минувшую бурю и стараясь не думать о будущемъ.

Однажды Ибрагимъ былъ у выхода герцога Орлеанскаго. Герцогъ, проходя мимо его, остановился и, вручивъ ему письмо, приказалъ прочесть надосугъ. Это было письмо Петра I. Государь, угадывая истинную причину его опущенія, писалъ герцогу, что онъ ни въ чемъ неволилъ Ибрагима не намѣренъ, что предоспавляетъ его доброй волей возвратиться въ

Россію, или нѣтъ; но что во всякомъ случаѣ онъ никогда не оставитъ прежняго своего питомца. Это письмо пронуло Ибрагима до глубины сердца. Съ той минуты участіе его была рѣшена. На другой день онъ объявилъ регенту свое намѣреніе немедленно отправиться въ Россію. «Подумайте о томъ, что дѣлаете,» сказалъ ему герцогъ: «Россія не есть ваше опеченство; не думаю, чтобы вамъ когда-нибудь удалось опять увидѣть знойную вашу родину; но ваше долговременное пребываніе во Франціи сдѣлало васъ равно чуждымъ климату и образу жизни полудикой Россіи. Вы не родились подданнымъ Петра. Повѣрьте мнѣ: воспользуйтесь его великодушнымъ позволеніемъ, отправьтесь во Францію, за копорую уже вы проливали кровь, и будьте увѣрены, что и здѣсь ваши заслуги и дарованія не останутся безъ достойнаго вознагражденія.» Ибрагимъ искренно благодарилъ герцога, но остался пвердъ въ своемъ намѣреніи. «Жалью» сказалъ ему регентъ; «но впрочемъ вы правы.» Онъ обѣщалъ ему отставку и написалъ обо всемъ Русскому Царю.

Ибрагимъ скоро собрался въ-дорогу. Нананунъ своего отъѣзда провелъ онъ, по обыкновенію, вечеръ у графини L. Она ничего не знала. Ибра-

гимъ не имѣлъ духу ей опкрыпья. Графиня была спокойна и весела. Она нѣсколько разъ подзываета его къ себѣ и шушила надъ его задумчивостію. Послѣ ужина всѣ разѣхались. Оспались въ госпиной графиня, ея мужъ, да Ибрагимъ. Несчастнѣй опдалъ бы все на свѣптъ, чпобы полько оспаться съ нею наединѣ; но графъ L., казалось, расположился у камина шакъ спокойно, чпо нельзя было надѣяться выжить его изъ комнапы. Всѣ шрое мѡлчали. «Bonne nuit,» сказала наконецъ графиня. Сердце Ибрагима спѣснилось и вдругъ почувспвовало всѣ ужапы разлуки. Онъ споялъ неподвижно. «Bonne nuit, messieurs,» повтѡрила графиня. Онъ все не двигался.... Наконецъ глаза его попомнѣли, голова закружилась: онъ едва могъ выйпши изъ комнапы. Пріѣхавъ домой, онъ почпи въ безпамятспвѣ написалъ слѣдующее письмо.

«Я ѣду, милая Леонора; оспавляю тебя навсегда. Пишу тебѣ, попомучпо не имѣю силъ иначе съ побою обѣяснипья.

«Счастіе мое не могло продолжашья: я наслаждался имъ вопреки судьбѣ и природѣ. Ты должна была меня разлюбипъ; очарованіе должно было исчезнуть. Эша мысль меня всегда преслѣ-

довала, даже въ пѣ минушы, когда, казалось, забывалъ я все; когда у пвоихъ ногъ упивался я пвоимъ спраспнымъ самоопверженіемъ, пвоею неограниченною нѣжноспію Легкомысленный свѣпъ безпощадно гонипъ на самомъ дѣлѣ шо, что дозволяетъ въ теоріи: его холодная насмѣшливоспъ рано или поздно побѣдила бы пебя, смирила бы пвою пламенную душу — и пы, наконецъ, успыдилась бы своей спраспи Что было бѣ тогда со мною? Нѣпъ, лучше умереть, лучше оставипъ пебя прежде ужасной эпои минушы

«Твое спокойспвіе мнѣ всего дороже: пы не могла имѣ наслаждапсья, пока взоры свѣпа были на насѣ устремлены. Вспомни все, что пы вытерпѣла — всѣ оскорбленія самолюбія, всѣ мученія боязни; вспомни ужасное рожденіе нашего сына. Подумай: долженъ ли я подвергапъ пебя долѣ пѣмъ же волненіямъ и опасностямъ? Запѣмъ силипсья соединипъ судьбу споль нѣжнаго, прекраснаго созданія съ бѣдспвенной судьбою Негра, жалкаго пворенія, едва удоспоиваемаго названія человѣка?»

«Проспи, Леонора; проспип, милый, единспвенный другъ. Оспавляя пебя, оспавляю первыя и

послѣднiя радости моей жизни. Не имѣю ни опечеснва, ни ближнихъ; ѣду въ Россiю, гдѣ мнѣ опрадою будетъ мое совершенное уединенiе. Спрогiя занятiя, копорымъ опнынѣ предаюсь, если не заглушатъ, шо по крайней мѣрѣ будущъ развлекашъ мучительныя воспоминанiя о дняхъ воспорговъ и блаженства.... Проспи, Леонора! Опрываюсь опъ этого письма, какъ будшо изъ швоихъ обьяшiй. Проспи! будь счастлива и думай иногда о бѣдномъ Негрѣ, о швоемъ вѣрномъ Ибрагимѣ.»

Въ шу же ночь онъ опправился въ Россiю.

Путешеснвiе не показалось ему споль ужасно, какъ онъ шого ожидалъ. Воображенiе его воспоржеснвовало надъ сущеснвенностiю. Чѣмъ болѣе удалялся онъ опъ Парижа, шѣмъ живѣе, шѣмъ ближе предспавлялъ онъ себѣ предметы, имъ покидаемые навѣкъ.

Нечувспвительнымъ образомъ очутился онъ на Русской границѣ. Осень уже наснупала; но ямщики, не смопря на дурную дорогу, везли его съ быспрошою вѣпра — и въ 17 дней своего путешеснвiя прибылъ онъ ушромъ въ Красное Село, черезъ копорое шла шогдашняя большая дорога.

Оспавалось 28 верспть до Пешербурга. Пока закладывали лошадей, Ибрагимъ вошелъ въ ямскую избу. Въ углу человекъ высокаго роста, въ зеленомъ кафтанѣ, съ глиняною прубкою во рпу, облокопясь на споль, чиналъ Гамбургскія газетны. Услышавъ, что кто-то вошелъ, онъ поднялъ голову. «Ба, Ибрагимъ!» закричалъ онъ, вспавая съ лавки: «здорово, крестникъ!» Ибрагимъ узналъ Петра, въ-радоспи къ нему бросился, но почпипельно оспановился. Государь приблизился, обнялъ его и поцѣловалъ въ голову. «Я былъ прсдувѣдомлспть о швоемъ прїѣздѣ,» сказалъ Петръ — «и поѣхалъ шебѣ навспрѣчу. Жду шебя здѣсь со вчерашняго дня.» Ибрагимъ не находилъ словъ для изъясненія своей благодарности. «Вели же,» продолжалъ Государь, «швою повозку везши за нами, а самъ садись со мною — и поѣдемъ ко мнѣ.» Подали Государеву коляску; онъ сѣлъ съ Ибрагимомъ — и они поскакали. Черезъ полпора часа они прїѣхали въ Пешербургъ. Ибрагимъ съ любопытствомъ смопрѣлъ на новорожденную столицу, которая подымалась изъ болоша по манію своего Государя. Обнаженныя площадки, каналы безъ набережной, деревянные мосты повсюду являли недавнюю побѣду человеческой воли надъ сопропивленіемъ спихій. Дома, казалось, наскоро построены. Во всемъ городѣ

не было ничего великолѣпнаго, кромѣ Невы, неукрашенной еще граничною рамою, но уже покрытой военными и торговыми судами. Государева коляска остановилась у дворца, т. е. Царицына Сада. На крыльцѣ встрѣпила Петра женщина лѣтъ 55-ти, прекрасная собою, одѣтая по послѣдней Парижской модѣ. Петръ поцѣловалъ ее, и, взявъ Ибрагима за руку, сказалъ: «узнала ли ты, Капенька, моего крестника? Прощу любить и жаловать его по-прежнему.» Екатерина успремила на него черные, пронцапельные глаза и благосклонно пропянула ему руку. Двѣ юныя красавицы, высокія, спройныя, свѣжія какъ розы, спояли за нею и почщипельно приблизились къ Петру. «Лиза,» сказалъ онъ одной изъ нихъ, «помнишь ли ты маленькаго арапа, которій для тебя кралъ у меня яблоки въ Ораніенбаумѣ? Вошь онъ; представляю тебѣ его.» Великая Княжна засмѣялась и покраснѣла. Пошли въ споловую. Въ ожиданіи Государя, споль былъ накрытъ. Петръ со всѣмъ семействомъ сѣлъ обѣдать, пригласивъ и Ибрагима. Во время обѣда Государь съ нимъ разговаривалъ о разныхъ предметахъ, спрашивалъ его объ Испанской войнѣ, о внутреннихъ дѣлахъ Франціи, о регентѣ, котораго онъ любилъ, хопя и осуждалъ въ немъ многое. Ибрагимъ опличался

умомъ почнымъ и наблюдапельнымъ. Петръ былъ очень доволенъ его опвѣтами; онъ вспомнилъ нѣкопорья черны Ибрагимова младенчества и рассказывалъ ихъ съ такимъ добродушіемъ и веселоспью, что никто въ ласковомъ и геспепрімномъ хозяйнѣ не могъ бы подозрѣвать героя Полтавскаго, могучаго и грознаго преобразовашеля Россіи.

Послѣ обѣда Государь, по Русскому обыкновенію, пошелъ опдохнуть. Ибрагимъ оспался съ Императрицей и Великими Княжнами. Онъ спарался удовлетворить ихъ любопытству, описывалъ образъ Парижской жизни, шамошніе праздники и своенравныя моды. Между-шѣмъ нѣкопорья изъ особъ, приближенныхъ къ Государю, собрались во дворець. Ибрагимъ узналъ великолѣпнаго князя Меншикова, копорый, увидя арапа, разговаривающаго съ Екатериной, гордо на него покосился; князя Якова Долгорукаго, крушаго совѣтника Петра; ученаго Брюса, прослывшаго въ народѣ Русскимъ Фауспомъ; молодаго Рагузинскаго, бывшаго своего поварища — и другихъ, пришедшихъ къ Государю съ докладами и за приказаніями.

Государь вышелъ часа черезъ два. «Посмо-

примъ,» сказалъ онъ Ибрагиму, «не позабыль ли ты своей спарой должноти. Возьми-ка аспидную доску, да спупай за мною.» Петръ заперся въ покарнѣ и занялся государспвенными дѣлами. Онъ поочереди работалъ съ Брюсомъ, съ княземъ Долгорукимъ, съ генераль-полицмейсперомъ Девіеромъ, и продикпывалъ Ибрагиму нѣсколько указовъ и рѣшеній. Ибрагимъ не могъ надивипшься быспрому и пвердому его разуму, силѣ и гибкости вниманія и разнообразію дѣяспельности. По окончаніи прудовъ Петръ вынулъ карманную книжку, дабы справипшься, все ли имъ предполагаемое на сей день исполнено. Попомъ, выходя изъ покарни, сказалъ Ибрагиму: «ужъ поздно; пы, я чай, успалъ: ночуй здѣсь, какъ бывало въ-спарину; завпра я тебѣя разбужу.»

Ибрагимъ, оспавпшись наединѣ, едва могъ опомнипшься. Онъ находился въ Пепербургѣ; онъ видѣлъ вновь великаго человекъ, близъ котораго, еще не зная ему цѣны, провелъ онъ свое младенчество. Почпи съ раскаяніемъ признавался онъ въ душѣ своей, что графиня L., въ первый разъ послѣ разлуки, не была во весь день единспвенной его мыслію. Онъ увидѣлъ; что новый образъ жизни, ожидающій его, дѣяспельность и поспоянныя занятія могутъ оживипшь его душу,

упомленную спраспями, праздностію и шайнымъ уныніемъ. Мысль — быль сподвижникомъ великаго чловѣка и совокупно съ нимъ дѣйствовать на судьбу великаго народа — возбудила въ немъ въ первый разъ благородное чувство честлюбія. Въ семъ расположеніи духа онъ легъ въ приготовленную для него походную постель — и погда привычное сновидѣніе перенесло его въ дальній Парижъ, въ объятія милой графини.

ГЛАВА ТРЕТІЯ:

На другой день Петръ, по своему обѣщанію, разбудилъ Ибрагима и поздравилъ его капитанъ-лейтенантомъ бомбардирской роты Преображенскаго полка, въ коей онъ самъ былъ капитаномъ. Придворные окружили Ибрагима, всякой по-своему спараясь обласкать новаго любимца. Надменный князь Меншиковъ дружески пожалъ ему руку; Шереметевъ освѣдомился о своихъ Парижскихъ знакомыхъ, а Головинъ позвалъ обѣдать. Сему послѣднему примѣру послѣдовали и прочіе, такъ-что Ибрагимъ получилъ приглашеній по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяць.

Ибрагимъ проводилъ дни однообразные, но дѣятельные — слѣдственно не зналъ скуки. Онъ день-о-по-дня болѣе привязывался къ Государю, лучше постигалъ его высокую душу. Слѣдовавъ

за мыслями великаго чловѣка еспь наука самая занимапельная. Ибрагимъ видалъ Петра въ сенатѣ, оспариваемаго Бушурлинымъ и Долгорукимъ, разбирающаго важныя запросы законодательства; въ адмиралшейской коллегіи, утверждающаго морское величіе Россіи; въ часы отдохновенія видалъ его съ Теофаномъ, Гавриломъ Бужинскимъ и Копіевичемъ, разсматривающаго переводы иностранныхъ публицистовъ, или посѣщающаго фабрику купца, рабочую ремесленника и кабинетъ ученаго. Россія предспавлялась Ибрагиму огромной масперскою, гдѣ движущіяся однѣ машины, гдѣ каждый работникъ, подчиненный заведенному порядку, занятъ своимъ дѣломъ. Онъ почиалъ и себя обязаннымъ прудиться у собственнаго спанка, и спарался какъ можно менѣе сожалѣть объ увеселеніяхъ Парижской жизни. Труднѣ было ему удалиться отъ себя другое, милое воспоминаніе: часно думалъ онъ о графинѣ L., воображалъ справедливое негодованіе, слезы ея.... Но иногда мысль ужасная спѣсняла его грудь: разсѣяніе большаго свѣща, новая связь, другой счастливецъ — онъ содрогался; ревность начинала бурлиться въ Африканской его крови — и горячія слезы голповы были печь по его черному лицу.

Однажды упромъ сидѣль онъ въ своемъ кабинетѣ, окруженный дѣловыми бумагами, какъ вдругъ услышалъ громкое привѣщаніе на Французскомъ языкѣ. Ибрагимъ съ живоспїю оборотился — и молодой К., копораго оспавилъ онъ въ Парижъ въ вихрѣ большого свѣпа, обнялъ его съ радоспными восклицанїями. «Я сейчасъ полько прїѣхалъ,» сказалъ К., «и прямо прїѣжалъ къ тебѣ. Всѣ наши Парижскїе знакомые тебѣ кланяюпся, жалѣюпъ о швоемъ опсушствїи. Графиня Л. велѣла заапъ тебя непременно, и вопъ тебѣ опъ нея письмо.» Ибрагимъ схватилъ его съ препеномъ и смопрѣлъ на знакомый почеркъ надписи, не смѣя вѣрїпъ своимъ глазамъ. «Какъ я радъ,» продолжалъ К., «что ты еще не умеръ со скуки въ эпомъ варварскомъ Петербургѣ! Что здѣсь дѣлаюпъ? чѣмъ занимаюпся? кшо швой порпной? заведена ли у васъ хошъ опера?» Ибрагимъ въ разсѣянїи опвѣчалъ, что вѣрояпно Государь работаепъ шеперь на корабельной верфи. К. засмѣялся. «Вижу,» сказалъ онъ, «что тебѣ шеперь не до меня; въ другое время наговоримся досыпа; ѣду предшавляпся Государю.» Съ эшимъ словомъ онъ перевернулся на одной ножкѣ и выбѣжалъ изъ комнашы.

Ибрагимъ, оставшись наединѣ, поспѣшно распечаталъ письмо. Графиня нѣжно ему жаловалась, упрекая его въ припворспвѣ и недовѣрчивости. «Ты говоришь,» писала она, «что мое спокойствіе дороже тебѣ всего на свѣтѣ. Ибрагимъ! если бѣ это была правда, могъ ли бы ты подвергнуть меня sospoянію, въ которое привела меня нечаянная вѣспь о своемъ отъѣздѣ? Ты боляся, чтобы я тебя не удержала; будь увѣренъ, что, не смѣря на мою любовь, я умѣла бы ею пожертвовать твоему благополучію и тому, что почишаешь ты своимъ долгомъ.» Графиня заключила письмо спраспными увѣреніями въ любви и заклинала его хоть изрѣдка ей писатъ, если уже не было для нихъ надежды снова увидѣться когда-нибудь.

Ибрагимъ двадцать разъ перечелъ это письмо, съ воспоргомъ цѣлуя безцѣнные спроки. Онъ горѣлъ неперпвнѣмъ услышавъ что-нибудь о графинѣ, и собрался вхавъ въ адмиралтейство, надѣясь тамъ застать еще К.; но дверь отворилась, и самъ К. явился олимпъ. Онъ уже предспавлялся Государю—и, по своему обыкновенію, казался очень собою доволенъ. «Entre nous,» сказалъ онъ Ибрагиму, «Государь преспранный человекъ; вообрази, что я засталъ

его въ какой-то холстинной фуфайкѣ, на мачтѣ новаго корабля, куда принужденъ я былъ карабкался съ моими депешами. Я споялъ на веревочной лѣспницѣ и не имѣлъ довольно мѣспа, чпобы сдѣлать приличный реверансъ, и совершенно замѣшался, чего опть-роду со мною не случалось. Однако жъ Государь, прочитавъ бумаги, посмопрѣлъ на меня съ головы до ногъ, и вѣрояпно былъ пріятно пораженъ вкусомъ и щегольствомъ моего наряда; по крайней мѣрѣ онъ улыбнулся и позвалъ меня на сегодняшнюю ассамблею. Но я въ Пешербургѣ совершенно чужестранецъ; во время шеспильтяго описуспія я вовсе позабылъ здѣшнія обыкновенія; пожалуйспа будь моимъ меншоромъ, заѣзжай за мной и предспа въ меня. Ибрагимъ согласился и спѣшилъ обратишь разговоръ къ предмету, болѣе для него занимательному. «Ну, чшо графиня L.?» «Графиня? Она, разумѣется, сначала очень была огорчена своимъ оптьездомъ; пономъ, разумѣется, мало по малу уптѣшилась и взяла себѣ новаго любовника; знаешь кого? длиннаго маркиза R. Чшо же пы вышарацилиъ свои арапскіе бѣлки? или эшо кажешся тебѣ спраннымъ? Развѣ пы не знаешь, чшо долгая печаль не въ природѣ чловѣческой, особенно женской? Поду-

май объ эпомъ хорошенько, а я пойду отдохну съ-дороги; не забудь же за мною заѣхать.»

Какія чувства наполнили душу Ибрагима? Ревность? бѣшенство? опчаянье? нѣтъ; но глубокое, спѣшенное участіе. Онъ повпорялъ себѣ: эпо должно было случиться. Потомъ открылъ письмо графини, перечелъ его снова, повѣсилъ голову и горько заплакалъ. Онъ плакалъ долго. Слезы облегчили его сердце. Посмотрѣвъ на часы, увидѣлъ онъ, что время ѣхать. Ибрагимъ былъ бы очень радъ избавиться, но ассамблея была — дѣло должностное, и Государь строго претребовалъ присутствія своихъ приближенныхъ. Онъ одѣлся и поѣхалъ за К.

К. сидѣлъ въ плафрокъ, читая Французскую книгу. «Такъ рано?» сказалъ онъ Ибрагиму, увидя его. «Помилуй!» отвѣчалъ пошъ: «ужъ половина шестяго, мы опоздаемъ; скорѣй одѣвайся и поѣдемъ». К. засуетился, спалъ звонить изъ всей мочи; люди сбѣжались; онъ спалъ поспѣшно одѣваясь. Французъ камердинеръ подалъ ему башмаки съ красными каблуками, голубые бархатные шпаны, розовый кафтанъ, шипый блеспками; въ передней наскоро пудрили парикъ, его принесли, К. всунулъ въ него спиженую

голову, пошребовалъ шпагу и перчашки, разъдесять перевернулся передъ зеркаломъ и объявилъ Ибрагиму, что онъ гошовъ. Гайдуки подали имъ медвѣжьи шубы — и они поѣхали въ Зимній дворецъ.

К. осыпалъ Ибрагима вопросами: кто въ Петербургѣ первая красавица? кто славился первымъ панцовщикомъ? какой панѣць нынче въ модѣ? Ибрагимъ весьма неохотно удовлетворялъ его любопытству. Между-тѣмъ они подѣхали ко дворцу. Множество длинныхъ саней, спарыхъ колымагъ и раззолоченныхъ карешъ спояло уже на лугу. У крыльца толпились кучера въ ливреѣ и въ усахъ; скороходы, блистающіе мишурою, въ перьяхъ и съ булавами; гусары, пажы, неуклюжіе гайдуки, навьюченные шубами и муфтами своихъ господъ — свита, необходимая по понятіямъ бояръ того времени. При видѣ Ибрагима поднялся между ними общій шопотъ: арапъ, арапъ, Царскій арапъ! Онъ поскорѣе провелъ К. сквозь эту пеструю челядь. Придворный лакей опворилъ имъ двери насшежь, и они вошли въ залу. К. осполбенѣлъ. . . . Въ большой комнаѣ, освѣщенной салными свѣчами, кошорья шускло горѣли въ облакахъ табачнаго дыма, вельможи съ голубыми леншами черезъ плечо, посланники,

иноспранные купцы, офицеры гвардіи въ зеленыхъ мундирахъ, корабельные маспера въ курткахъ и полосатыхъ панталонахъ толпою двигались назадъ и впередъ при непрерывномъ звукѣ музыки. Дамы сидѣли около сѣннъ; молодыя убраны были всею роскошью моды. Золото и серебро сіяли на ихъ робахъ; изъ пышныхъ фижмъ возвышалась, какъ спебель, ихъ узкая шляпѣ; алмазы сверкали въ ушахъ, въ длинныхъ локонахъ и около шеи. Онѣ весело повертывались направо и налѣво, ожидая кавалеровъ и начала танцевъ. Барыни пожилыя спарались хитро сочепашь новый образъ одежды съ гонимой спариною: чепцы сбивались на соболью шапочку Царицы Напальи Кириловны, а робронды и манпильи какъ-то напоминали сарафанъ и душегрѣйку. Казалось, онѣ болѣе съ удивленіемъ, нежели съ удовольствіемъ присушествовали на сихъ нововведенныхъ игрищахъ, и съ досадою косились на женъ и дочерей Голландскихъ шкиперовъ, копорья, въ канифасныхъ юбкахъ и въ красныхъ кофточкахъ, вязали свой чулокъ, между собою смѣялись и разговаривали, какъ будто дома. Замѣняя новыхъ гостей, слуга подошелъ къ нимъ съ пивомъ и спаканами на подносѣ. К. не могъ опомниться. «Que diable est ce que tout celà?» спрашивалъ К. вполголоса у Ибра-

гима. Ибрагимъ не могъ не улыбнуться. Императрица и Великія Княжны, блистая красотою и нарядами, прохаживались между рядами госпей, привѣпливо съ ними разговаривая. Государь былъ въ другой комнаѣ. К., желая ему показаться, насилу могъ шуда пробраться сквозь безпреспанно движущуюся толпу. Тамъ сидѣли большею частію иноспранцы, важно покуривая свои глиняныя трубки и опоражнивая глиняныя кружки. На столахъ разставлены были бутылки пива и вина, кожаные мѣшки съ табакомъ, спаканы съ пуншемъ и шахмашныя доски. За однимъ изъ нихъ Петръ игралъ въ шашки съ однимъ широкоплечимъ Англійскимъ шкиперомъ. Они усердно салюшовали другъ друга залпами табачнаго дыма. Государь шакъ былъ озадаченъ нечаяннымъ ходомъ своего прошивника, что не замѣнилъ К., какъ онъ около ихъ ни верпѣлся. Въ это время полспый господинъ, съ полспымъ букешомъ на груди, суепливо вошелъ, объявилъ громогласно, что танцы начались, и поппчасъ ушелъ; за нимъ послѣдовало множеспво госпей, въ томъ числѣ и К.

Неожиданное зрѣлище его поразило. Во всю длину танцовальной залы, при звукѣ самой плачевной музыки, дамы и кавалеры спояли въ два

ряда другъ прошивъ друга, кавалеры низко кланялись, дамы еще ниже присѣдали, сперва прямо прошивъ себя, потомъ поворотясь направо, потомъ налѣво, тамъ опять прямо, опять направо, и шакъ далѣе. К., смотря на сіе зашѣливое препровожденіе времени, старался глаза и кусать себя губы. Присѣданія и поклоны продолжались около получаса; наконецъ они прекратились, и полсвѣтый господинъ съ букетомъ провозгласилъ, что церемоніальные танцы кончились, и приказалъ музыкантамъ играть менуэтъ. К. обрадовался и приготовился блѣснутъ. Между молодыми госпьями одна въ особенности ему понравилась. Ей было около шестнадцати лѣтъ; она была одѣта богато, но со вкусомъ, и сидѣла подлѣ мужчины пожилыхъ лѣтъ вида важнаго и суроваго. К. къ ней разлѣпился и просилъ сдѣлать честь пойтти съ нимъ танцовать. Молодая красавица смотрѣла на него съ замѣшательствомъ и, казалось, не знала, что ему сказать. Мужчина, сидѣвшій подлѣ нея, нахмурился еще болѣе. К. ждалъ ея рѣшенія, но господинъ съ букетомъ подошелъ къ нему, опшелъ на средину залы и важно сказалъ: «государь мой, ты провинился, во-первыхъ, подошелъ къ сей молодой персонѣ, не отдавъ ей при должные реверанса, а во-вторыхъ, взявъ на себя самому

ее выбрапъ, тогда-какъ въ менуэшахъ право сіе подобаеиъ дамъ, а не кавалеру: сего ради имбешъ пы быпъ весьма наказанъ — именно: долженъ выпипъ *кубокъ большаго орла.*» К. часть-опъ-часу болѣе дивилса. Въ одну минушу госпи его окружили, шумно пребуя немедленнаго исполненія закона. ПЕТРЪ, услыша хохопъ и крики, вышелъ изъ другой комнапы, будучи большой охопникъ лично присупспвовашъ при шаковыхъ наказаніяхъ. Передъ нимъ полпа раздвинулась, и онъ вспунилъ въ кругъ, гдѣ споялъ осужденный и передъ нимъ маршалъ ассамблеи съ огромнымъ кубкомъ, наполненнымъ мальвазіей. Онъ щцепно уговаривалъ пресупника добровольно повиноваться закону. «Ага!» сказалъ ПЕТРЪ, увидя К., «попалса, брапъ. Изволь же, мосьѣ, пипъ и не морщипьса.» Дѣлалъ было нечего: бѣднѣй щеголь, не переводя духу, осушилъ весь кубокъ и опдалъ его маршалу. «Послушай, К.,» сказалъ ему ПЕТРЪ: «шпаны-шо на шебъ бархашные, какихъ и я не ношу, а я шебя гораздо богаче. Эпо моповспво; смощри, чшобъ я съ побой не побранилса.» Выслушавъ сей выговоръ, К. хопшлъ выйши изъ кругу, но запашалса и чупъ не упалъ къ неописанному удовольспвію Государя. и всей веселой компаніи. Сей эпизодъ не шолько не повредилъ единспву и занимашельно-

спи главнаго дѣйствія, но еще оживилъ его. Кавалеры сняли шаркашь и кланяпьяся, а дамы присѣдашь и поспукивашь каблуками съ большимъ усердіемъ и ужъ вовсе не наблюдая каданса. К. не могъ участвовашь въ общемъ веселіи. Дама, имъ выбранная, по повелѣнію опца своего, Гаврилы Аванасьевица Рагузинскаго, подошла къ Ибрагиму и, пошупя голубые глаза, робко подала ему руку. Ибрагимъ пропанцовалъ съ нею менуэшь и опвелъ ее на прежнее мѣсто, попомъ, опыскавъ К., вывелъ его изъ залы, посадилъ въ карешу и повезъ домой. Дорогою К. сначала невнятно лепешалъ: «прокляшая ассамблея!... прокляпый кубокъ большаго орла!...» Но вскоръ заснулъ крѣпкимъ сномъ, не чувствовалъ, какъ онъ пріѣхалъ домой, какъ его раздѣли и уложили, и проснулся на другой день съ головною болью, смупно помня шарканья, присѣданія, шабачный дымъ, господина съ букешомъ и кубокъ большаго орла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Не скоро зли предки наши,
Не скоро двигались кругомъ
Ковши, серебряныя чаши
Съ кипящимъ пивомъ и виномъ.

Русланъ и Людмила.

Теперь долженъ я благосклоннаго чипашеля познакомить съ Гаврилою Аванасьевичемъ Рагузинскимъ. Онъ происходилъ отъ древняго боярскаго рода, владѣлъ огромнымъ имѣніемъ, былъ хлѣбосоль, любилъ соколиную охоту; дворня его была многочисленна — словомъ, онъ былъ коренной Русскій баринъ по его выраженію, не терпѣлъ Нѣмецкаго духу и спарался въ домашнемъ быту сохранить обычай любезной ему спарины. Дочери его было семнадцать лѣтъ отъ роду. Еще ребенкомъ лишилась она мапери. Она была воспитана по-спарпному, ш. е., окружена

мамушками, нянюшками, подружками и сѣнными дѣвушками; шила золопомъ и не знала грамопы; опецъ ея, не смопря на опшращеніе свое опъ всего заморскаго, не могъ пропивишься ся желанію учишься пляскамъ Нѣмецкимъ у плѣннаго Шведскаго офицера, живущаго въ ихъ домѣ. Сей заслуженный панцмейспѣръ имѣлъ лѣтъ пятьдесять опъ-роду; правая нога была у него проспѣлена подъ Нарвою, и попому была не весьма способна къ менуэшамъ и кураншамъ; за полѣвая съ удивишельнымъ искусствомъ и легкостію выдѣлывала самыя шрудныя па. Ученица дѣлала чеспъ его спараніямъ. Напалья Гавриловна славилась на ассамблеяхъ лучшею панцовщицей, чпо и было опчаспи причиною проспупка К.; копорый на другой день пріѣзжалъ извиняшься передъ Гаврилою Аѳанасьевичемъ; но ловкость и щегольство молодаго франша не понравились гордому барину, копорый прозвалъ его оспроумно — Французской обезьяною.

День былъ праздничный. Гаврила Аѳанасьевичъ ожидалъ нѣсколько родныхъ и пріятелей. Въ спаринной залѣ накрывали длинный споль. Госпи съѣзжались съ женами и дочерьми, наконецъ освобожденными опъ зашворничества домашняго указами Государя и собспвеннымъ его примѣ-

ромъ. Нашалья Гавриловна поднесла каждому гостю серебряный подносъ, уставленный золотыми чарочками, и каждый выпилъ свою, жалѣя, что поцѣлуй, получаемый въ-спарину при такомъ случаѣ, вышелъ ужъ изъ обыкновенія. Пошли за столъ. На первомъ мѣстѣ, подлѣ хозяйна, сѣлъ песць его, князь Борисъ Алексѣевичъ Лыковъ, семидесятилѣтній бояринъ; прочіе гости, наблюдая спаринство рода и пѣмъ поминая счастливыя времена мѣстничества, сѣли — мужчины по одной споронѣ, женщины по другой; на концѣ заняли свои привычныя мѣста — барская барыня, въ спаринномъ шушунѣ и кичкѣ; карлица, придцанилѣтняя малюшка, чопорная и сморщенная, и плѣнный панцмейсперь въ синемъ, поношенномъ мундирѣ. Столъ, уставленный множествомъ блюдъ, былъ окруженъ суспливой и многочисленной челядью, посреди которой отличался дворецкій спрогимъ взоромъ, подспымъ брюхомъ и величавой неподвижноспію. Первыя минушы обѣда посвящены были единспвенно на вниманіе къ произведеніямъ спаринной нашей кухни; звонъ шарелокъ и дѣятельныхъ ложекъ возмущалъ одинъ общее безмолвіе. Наконецъ хозяйинъ, видя, что время занялъ гостей пріятною бесѣдою, оборотился и спросилъ: «а гдѣ же Екимовна? позвапъ ее сю-

да!» Нѣсколько слугъ бросились-было въ разныя спороны, но въ ту же минушу спарая женщина, набѣленная и нарумяненная, убранная цвѣпками и мишурою, въ шпюфномъ роброндѣ, съ ошкрышой шей и грудью, вошла, припѣвая и подплясывая. Ея появленіе произвело общее удовольствіе.

«Здравствуй, Екимовна,» сказалъ князь Лыковъ; «каково поживаешь?»

— По-добру, по-здорову, кумъ: поючи да пляшучи, женишковъ поджидаючи.

«Гдѣ ты была, дура?» спросилъ хозяинъ.

— Наряжалась, кумъ, для дорогихъ госпеш, для Божія праздника, по Царскому наказу, по боярскому приказу, на смѣхъ всьму міру, по Нѣмецкому маниру.

При сихъ словахъ поднялся громкій хохопъ, и дура спала на свое мѣсто, за спуломъ хозяина.

«А дура-то врешъ, врешъ, да и правду соврешъ,» сказала Татьяна Аванасьевна, спаршая

сестра хозяйина, сердечно имъ уважаемая. «Подлинно нынѣшніе наряды на-смѣхъ всему міру. Коли ужь и вы, бапюшки, обрили себѣ бороду и надѣли кургузый кафтанъ, шакъ про женское пряпье полковать, конечно, нечего; а право жаль сарафана, дѣвичьей ленты и повойника! Въдѣ посмопрѣшь на нынѣшнихъ красавицъ — и смѣхъ и жалось: волоски-то взбиты, что войлокъ, насалены, засыпаны Французской мукою; живошникъ перепянутъ шакъ, что еде не перервешя; исподницы напаясны на обручи; въ колымагу садятся бочкомъ; въ двери входятъ — нагибаются; ни спашь, ни съспь, ни духъ перевеснь — суція мученицы, мои голубушки!»

«Охъ, мапушка Татьяна Аванасьевна!» сказалъ Кирила Пепровичъ Т., бывшій въ Рязани воеводой, гдѣ нажилъ себѣ 3000 душъ и молодую жену, то и другое съ грѣхомъ пополамъ; «помнѣ, жена какъ хочешь одѣвайся, хопь кушафѣй, хопь болдыханомъ — только бѣ не каждый мѣсяцъ заказывала себѣ новыя плашня, а прежнія бросала новѣшенькія. Бывало, внучкѣ въ приданое доставался бабушкинъ сарафанъ, а нынѣшнія робронды — поглядишь: сегодня на барынь, а завшра на холопкѣ. Что дѣлать? Разореніе Русскому дворянству! Бѣда да и шолько!» При

сихъ словахъ онъ со вздохомъ посмопрѣлъ на свою Марью Ильинишну; копорой, казалось, во все не нравились ни похвалы спаринѣ, ни порицанія новѣйшихъ обычаевъ. Прочія красавицы раздѣляли ея неудовольствіе, но молчали; ибо скромность почивалась тогда необходимой принадлежностію молодой женщины.

— А кто виноватъ? — сказалъ Гаврила Аванасьевичъ, напѣня кружку кислыхъ щей — не мы ли сами? Молоденькія бабы дурачатся, а мы имъ пошакоемъ.

«А что намъ дѣлать, коли не наша воля?» возразилъ Кирила Пепровичъ. «Иной бы радъ былъ запереть жену въ перемѣ, а ее съ барабаннымъ боемъ пребуютъ на ассамблею; мужъ за плешку, а жена за наряды. Охъ ужъ эти ассамблеи! наказалъ насъ ими Господь за прегрѣшенія наши.»

Марья Ильинишна сидѣла какъ на иголкахъ; языкъ у нея шагъ и свербѣлъ; наконецъ она не вытерпѣла, и, обращаясь къ мужу, спросила его съ кисленькой улыбкою: что находить онъ дурнаго въ ассамблеяхъ?

«А то въ нихъ дурно,» отвѣчалъ разгорячен-

ный супругъ, «что съ шѣхъ поръ, какъ онѣ завелись, мужья не сладящъ съ женами; жены позабыли слово. Апоспольское: *жена да боится своего мужа*; хлопочущъ не о хозяйствѣ, а объ обновахъ; не думаютъ, какъ бы мужу угодить, а какъ бы приглянувшись офицерамъ - верпопрахамъ. Да и прилично ли, сударыня, Русской боярынь или боярышнь находитья вмѣстѣ съ Нѣмцами-табачниками да съ ихъ работницами? Слыхано ли дѣло: до ночи плясать и разговаривать съ молодыми мужчинами? И добро бы еще съ родспвенниками, а по съ чужими, съ незнакомыми!»

— Сказалъ бы словечко, да волкъ недалечко, сказалъ, нахмурясь, Гаврила Аванасьевичъ. А признаюсь, ассамблеи и мнѣ не по-нраву: шого и гляди, что на пьянаго наполкнешься, аль и самого на-смѣхъ пьянымъ напойтъ. Того и гляди, чтобъ какойнибудь повѣса не напроказилъ чего съ дочерью; а нынче шакъ молодежь избаловалась, что ни на что не похоже. Вопь, напримѣръ, сынъ покойнаго Евграфа Сергѣевича К.... на прошедшей ассамблеѣ падѣлалъ шакого шуму съ Нашашей, что привелъ меня къ краску. На другой день, гляжу, кашиптъ ко мнѣ прямо на дворъ; я думалъ: кого-шо Богъ несетъ — ужъ

не князя ли Александра Даниловича? Не шутъ-по было: Ивана Евграфовича! Небось не могъ оспановишься у воропъ, да поспрудись пѣшкомъ до крыльца — куда! влепѣлъ, шаркался, разболтался, что и Боже упаси! Дура Екимовна уморилась его передразниваетъ; кспати: предспавъ, дура, заморскую обезьяну.

Дура Екимовна схватила крышку съ одного блюда, взяла подъ мышку будпо шляпу, и начала кривляться, шаркашь и кланяешь во весь спороны, приговаривая: «мусе . . . мамзель ассамблея пардонъ.» Общій и продолжительный хохопъ снова изъясвилъ удовольствіе госпей.

— Ни дашь, ни взяшь К , сказалъ шарый князь Лыковъ, опирая слезы опѣ смѣха, когда спокойствіе мало-по-малу воспановилось. А что грѣха шамшь? Не онъ первый, не онъ послѣдній воропился изъ Нѣмецчины на свяшую Русь скоморохомъ. Чему шамъ научаюся наши дѣти? Шаркашь, болташь Богъ въспѣ на какомъ нарѣчій, не почипаешь спаршихъ, да волочипься за чужими женами. Изо всѣхъ молодыхъ людей, воспитанныхъ въ чужихъ краяхъ, (прости Господи!) Царскій арапъ всѣхъ болѣе на человѣка походипъ.

«Ахши-башюшки, князь,» сказала Ташьяна Аванасевна, «видѣла, видѣла его близехонько: какая жъ у него спрашная морда! перепугалъ онъ меня, грѣшную!»

— Конечно, замѣшилъ Гаврила Аванасевичъ, человекъ онъ спешенный и порядочный, не чепа въпрогону.... Это кто еще въѣхалъ въ ворота на дворъ? Ужъ не опятъ ли обезьяна заморская? Вы что зѣваете, скопы? — продолжалъ онъ, обращаясь къ слугамъ — бѣгите опказашь ему; да чтобъ и впредь....

«Спарая борода, не бредишь ли?» прервала дура Екимовна: «Али ты слѣпъ: сани-то Государевы; Царь прѣехалъ.»

Гаврила Аванасевичъ вспалъ поспѣшно изъ-за спола; всѣ бросились къ окнамъ — и въ самомъ дѣлѣ увидѣли Государя, кошорый всходилъ на крыльцо, опираясь на плечо своего деньщика. Сдѣлалась суматоха. Хозяинъ бросился на-встрѣчу Петра; слуги разбѣгались, какъ одурѣлые; госпи перепрусилась; иные даже думали, какъ бы убраться поскорѣе домой. Вдругъ въ передней раздался громозвучный голосъ Петра; все упихло, и Царь вошелъ въ сопровожденіи хо-

зяина, опоропѣлаго опъ радости. «Здорово, господа!» сказалъ ПЕТРЪ съ веселымъ лицомъ. Всѣ низко поклонились. Быспрыіе взоры Царя отыскали въ полѣтѣ молодую хозяйскую дочь; онъ подозвалъ ее. Нашалья Гавриловна приблизилась довольно смѣло, но покраснѣвъ не только по уши, а даже по плеча. «Ты часъ-опъ-часу хорошеешь,» сказалъ ей Государь и, по свосму обыкновенію, поцѣловалъ ее въ голову; попомъ, обращаясь къ госпямъ: «что же? я вамъ помѣшалъ? вы обѣдали; прошу садиться опять, а мнѣ, Гаврила Аванасьевичъ, дай-ка анисовой водки.» Хозяинъ бросился къ величавому дворецкому, выхватилъ изъ рукъ у него поднось, самъ налилъ золотую чарочку и подалъ ее съ поклономъ Государю. ПЕТРЪ, выпивъ, закусилъ кренделемъ и впорично пригласилъ гостей продолжашь обѣдъ. Всѣ заняли свои прежнія мѣспа, кромѣ карлицы и барской барыни, копорыя не смѣли оспавашься за споломъ, удостоеннымъ Царскимъ присупсвиемъ. ПЕТРЪ сѣлъ подлѣ хозяина и спросилъ себѣ щей. Государевъ деньщикъ подалъ ему деревянную ложку, оправленную слоновою костью, ножикъ и вилку съ зелеными коспяными черенками, ибо ПЕТРЪ никогда не упопроблялъ другаго прибора, кромѣ своего. Обѣдъ, за минупу предъ симъ шумно оживленный веселіемъ и го-

ворливостію, продолжался въ пишинѣ и при-
нужденности. Хозяинъ, изъ почтенія и радости,
ничего не ѣлъ; госпи также чинились и съ бла-
гоговѣніемъ слушали, какъ Государь по-Нѣмецки
разговаривалъ съ плѣннымъ Шведомъ о походѣ
1701 года. Дура Екимовна, нѣсколько разъ во-
прошаемая Государемъ, опвѣчала съ какою-то
робкой холодностію, что (замѣчу мимоходомъ)
вовсе не доказывало природной ея глупости. На-
конецъ обѣдъ кончился. Государь вспалъ, за нимъ
и всѣ госпи. «Гаврила Аванасьевичъ!» сказалъ
онъ хозяину: «мнѣ нужно съ побою поговорить
на-единѣ» — и, взявъ его подъ руку, увелъ въ
госпиную и заперъ за собою дверь. Госпи оспа-
лись въ споловой, шопотомъ толкуя объ эпомъ
неожиданномъ посѣщеніи, и, опасаясь бытъ не-
скромными, вскорѣ разѣхались одинъ за дру-
гимъ, не поблагодаривъ хозяина за его хлѣбъ-
соль.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Черезъ полчаса дверь отворилась, и Петръ вышелъ. Важнымъ наклоненіемъ головы опвѣщивоваль онъ на тройной поклонъ князя Лыкова, Тапьяны Аванасьевны и Напаша, и пошелъ прямо въ переднюю. Хозяинъ подалъ ему красный его шулупъ, проводилъ его до саней и на крыльцѣ еще благодарилъ за оказанную честь.

Петръ уѣхалъ.

Возвращаясь въ споловую, Гаврила Аванасьевичъ казался очень озабоченъ; сердито приказалъ онъ слугамъ скорѣе собирать со сполоа, опослалъ Напашу въ ея свѣтлицу и, объявивъ сестрѣ и шеспю, что ему съ ними надобно поговорить, повелъ ихъ въ опочивальню, гдѣ обыкновенно опдыхалъ онъ послѣ обѣда. Старый

князь легъ на дубовую кровать; Ташьяна Аванасьевна сѣла на старинныя шпофныя кресла, придвинувъ подъ ноги скамеечку; Гаврила Аванасьевичъ заперъ всѣ двери, сѣлъ на кровать въ ногахъ князя Лыкова и началъ въ полголоса слѣдующій разговоръ:

«Недаромъ Государь ко мнѣ пожаловалъ: угадайте, о чемъ онъ изволилъ со мною бесѣдовать?»

— Какъ намъ знать, бапющца брапець! сказала Ташьяна Аванасьевна.

— Не приказалъ ли тебѣ Царь вѣдать какое-либо воеводство? сказалъ песнь: давно пора; али предложилъ бышь въ опвѣпть? что же? вѣдь не однихъ дяковъ — и знапныхъ людей посылающъ къ чужимъ государямъ.

«Нѣтъ,» опвѣчалъ песнь, нахмураясь. «Я человекъ спараго покроя, а нынче служба наша ненужна, хопь, можешъ бышь, православный Русскій дворянинъ сподипъ нынѣшнихъ новичковъ, блинниковъ да бусурмановъ. Но это спашья особая.»

— Такъ о чемъ же, брапець, сказала Ташья-

на Аванасьевна, извоилиъ онъ пакъ долго съ побою полковашь? Ужъ не бѣда ли какая съ побою приключилась? Господь упаси и помилуй!

«Бѣда не бѣда, а признаюсь, я было-призадумался.»

— Чшо же такое, братецъ? о чемъ дѣло?

«Дѣло о Намашѣ: Царь прѣзжалъ ее свашать.»

— Слава Богу! — сказала Ташьяна Аванасьевна, перекрестясь. Дѣвушка на-выданьи, а каковъ свашъ, шаковъ и женихъ. Дай Богъ любовь да совѣтъ, а чесши много. За кого же Царь ее свашаетъ?

«Гмъ!» крикнулъ Гаврила Аванасевичъ: «за кого? шо-шо, за кого!»

— А за кого же? повпорилъ князь Лыковъ, начинавшій уже дремашъ.

«Опгадайше,» сказалъ Гаврила Аванасевичъ.

— Башюшка братецъ, опвѣчала спарушка, какъ намъ угадашь? Мало ли жениховъ при дво-

рѣ: всякій радъ взять за себя пвою Нашашу.
Долгорукій чпѡ ли?

«Нѣтъ, не Долгорукій.»

— Да и Богъ съ нимъ: больно спѣсивъ. Шеннъ?
Троекуровъ?

«Нѣтъ, ни шопъ, ни другой.»

— Да и мнѣ они не по-сердцу: въпрогоны,
слишкомъ понабрались Нѣмецкаго духу. Ну, пакъ
Милославскій?

«Нѣтъ, не онъ.»

— И Богъ съ нимъ: богатъ и глупъ. Чшо
же? Елецкій? Львовъ? Неужь-то Рагузин-
скій? Воля пвоя: ума не приложу. Да за ко-
го же Царь свапаетъ Нашашу?

«За арапа Ибрагима.»

Спарушка ахнула и всплеснула руками. Князь
Лыковъ приподнялъ голову съ подушекъ и съ
изумленіемъ повпорилъ: за арапа Ибрагима?

— Бапюшка-братецъ! сказала спарушка сле-

зливымъ голосомъ: не погуби пы своего родимаго дияпи, не дай пы Нашашеньки въ когши черному діаволу.

« Но какъ же, » возразилъ Гаврила Аѳанасьевичъ, « опказашъ Государю, копорый за по обѣщаешъ намъ свою милоспъ, мнѣ и всѣму нашему роду? »

— Какъ! воскликнулъ спарый князь, у копораго сонъ совсѣмъ прошелъ: Нашашу, внучку мою, выдашь за купленнаго арапа?

« Онъ роду непроспаго, » сказалъ Гаврила Аѳанасьевичъ: « онъ сынъ арапскаго султана. Басурмане взяли его въ плѣнъ и продали въ Царградъ, а нашъ посланникъ выручилъ и подарилъ его Царю. Спарый братъ арапа прїѣзжалъ въ Россію съ знапнымъ выкупомъ и..... »

— Слыхали мы сказку про Бову Королевича, да Еруслана Лазаревича!

— Бапюшка Гаврила Аѳанасьевичъ! перервала спарушка: расскажи-пко намъ лучше, какъ опвчалъ Государю на его свашанье.

« Я сказалъ, что власпъ его съ нами, а наше холопье дѣло повиновашся ему во всемъ. »

Въ эту минушу раздался за дверью шумъ. Гаврила Аеанасьевичъ пошелъ опшорить ее, но почувствовалъ сопротивленіе. Онъ сильно ее толкнулъ, дверь опшорилась, и увидѣли Нашашу въ обморокъ, проспешую на окрoвавленномъ полу.

Сердце въ ней замерло, когда Государь заперся съ ея опцомъ; какое-шо предчувствіе шепнуло ей, что дѣло касается до нея, и когда Гаврила Аеанасьевичъ опослалъ ес, объявивъ, что долженъ говорить ея шешкѣ и дѣду, она не могла пропшивиться влеченію женскаго любопытства, шихо черезъ внушренніе покои подкралась къ дверямъ опочивальни и не пропустила ни одного слова изъ всего ужаснаго разговора; когда же услышала послѣднія опцовскія слова, бѣдная дѣвушка лишилась чувствъ и, падая, ударилась головою о кованный сундукъ, гдѣ хранилось ея приданое.

Люди сбѣжались; Нашашу подняли, понесли въ ея свѣшлицу и положили на кровать. Черезъ нѣсколько времени она очнулась, опкрыла глаза, но не узнала ни опца, ни шешки. Сильный жаръ обнаружился; она пшвердила въ бреду о Царскомъ арапѣ, о свадьбѣ, и вдругъ закричала жа-

лобнымъ и пронзительнымъ голосомъ: «Валеріанъ, милый Валеріанъ, жизнь моя! спаси меня: вопль они, вопль они!...» Татьяна Аванасьева съ безпокойствомъ взглянула на брата, который поблѣднѣлъ, закусилъ губы и молча вышелъ изъ свѣщницы. Онъ возвратился къ старому князю, который, не могши взыти на лѣспницу, оставался внизу. Что Наташа? спросилъ онъ. «Худо,» отвѣчалъ огорченный отецъ: «хуже, нежели я думалъ: она въ безумствѣ бредитъ Валеріаномъ.»

— Кто это Валеріанъ? спросилъ встревоженный старикъ. Неужели тотъ сирота, стрѣлецкій сынъ, что воспитывался у тебя въ домѣ?

«Онъ самъ, на бѣду мою!» отвѣчалъ Гаврила Аванасевичъ. «Отецъ его во время бунта спасъ мнѣ жизнь, и чортъ меня догадалъ принять въ свой домъ проклятаго волчонка. Когда, тому два года, по его просьбѣ, записали его въ полкъ, Наташа, прощаясь съ нимъ, расплакалась, а онъ споялъ какъ окаменѣлый. Мнѣ показалось это подозрительнымъ, и я говорилъ о томъ сестрѣ. Но съ тѣхъ поръ Наташа о немъ не упоминала, а про него не было ни духу, ни слуху. Я думалъ,

она его забыла; анъ видно нѣтъ. Но рѣшено: она выйдеть за арапа.»

Князь Лыковъ не проповорѣчилъ: это было бы напрасно; онъ поѣхалъ домой; Татьяна Аванасьевна осталась у Напашиной постели; Гаврила Аванасьевичъ, пославъ за лекаремъ, заперся въ своей комнатѣ, и въ его домѣ все спало тихо и печально.

Неожиданное сватовство удивило Ибрагима, по крайней мѣрѣ столько же, какъ и Гаврилу Аванасьевича. Вопрь какъ это случилось. Петръ, занимался дѣлами съ Ибрагимомъ, сказалъ ему: «я замѣчаю, братъ, что ты приунылъ; говори прямо: чего тебѣ не досаждаетъ?» Ибрагимъ увѣрялъ Государя, что онъ доволенъ своей участью и лучшей не желаетъ. «Добро,» сказалъ Государь, «если ты скучаешь безо всякой причины, такъ я знаю, чѣмъ тебя развеселишь.»

По окончаніи работы, Петръ спросилъ Ибрагима: «нравится ли тебѣ дѣвушка, съ которой ты шанцовалъ минаветъ на прошедшей ассамблеѣ?» — Она, Государь, очень мила, и, кажется, дѣвушка скромная и добрая. — «Такъ я жъ тебя съ нею познакомлю покороче. Хочешь ли

ты на ней женишься?» — Я, Государь? «Послушай, Ибрагимъ: ты человекъ одинокій, безъ роду и племени, чужой для всѣхъ, кромѣ одного меня. Умри я сегодня, завтра чѣмъ съ тобою будешь, бѣдной мой арапъ? Надобно тебѣ приспроишься, пока есть еще время, найми опору въ новыхъ связяхъ, вступишь въ союзъ съ Русскимъ боярствомъ.» — Государь, я счастливъ покровительствомъ и милостями Вашего Величества. Дай Богъ мнѣ не переживи моего Царя и благодѣтеля: болѣе ничего не желаю. Но если бъ и имѣлъ въ виду женишься, по согласишься ли молодая дѣвушка и ея родственники? Моя наружность..... «Твоя наружность? какой вздоръ! чѣмъ ты не молодецъ? Молодая дѣвушка должна повиноваться волѣ родителей, а посмотримъ, чѣмъ скажетъ шарый Гаврила Рагузинскій, когда я самъ буду твоимъ свапомъ?»

При сихъ словахъ Государь велѣлъ подавати сани и оставилъ Ибрагима, погруженнаго въ глубокія размышленія.

«Женишься?» думалъ Африканецъ: «зачѣмъ же нѣтъ? Ужели суждено мнѣ провеси жизнь въ одиночествѣ и не знаешь лучшихъ наслажденій и священнѣйшихъ обязанностей человека, потому только, что я родился подъ знойнымъ

градусомъ? Мнѣ нельзя надѣяться бытъ любимымъ: дѣтское возраженіе! Развѣ можно вѣрять любви? развѣ существуетъ она въ женскомъ легкомысленномъ сердцѣ? Отказавшись навѣкъ отъ милыхъ заблужденій, я выбралъ инья обольщенія, болѣе успешныя. Государь правъ: мнѣ должно обезпечить будущую судьбу мою. Свадьба съ молодою Рагузинскою присоединитъ меня къ гордому Русскому дворянству, и я переспану бытъ пришеельцемъ въ новомъ моемъ опечесствѣ. Отъ жены я не спану требовать любви: буду довольствоваться ея вѣрностію, а дружбу пріобрѣту поспоянной нѣжностію, довѣренностію и снисхожденіемъ.»

Ибрагимъ, по своему обыкновенію, хотѣлъ заняться дѣломъ, но воображеніе его слишкомъ было развлечено. Онъ оставилъ бумаги и пошелъ бродить по Невской набережной. Вдругъ услышалъ онъ голосъ Петра, оглянулся, и увидѣлъ Государя, котораго, опустивъ сани, шелъ за нимъ съ веселымъ видомъ. «Все, брагъ, кончено!» сказалъ Петръ, взявъ его подъ руку: «я тебя сосваталъ. Завтра поѣзжай къ своему тещу, но смотри, поспѣшь его боярскую спѣсь: оставь сани у ворошъ, пройди черезъ дворъ пѣшкомъ, поговори съ нимъ о его заслугахъ и знапности—

и онъ будешь ошь шебя безъ памяпи. Теперь,» продолжалъ онъ поспряхивая дубинкою, «заведи меня къ плушу-Данилычу, съ кошорымъ надо мнѣ перевѣдаться за его новыя проказы.»

Ибрагимъ, сердечно опблагодаривъ Петра за его опеческую заботливость о немъ, довелъ его до великолѣпныхъ палатъ князя Меншикова и возврапился домой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Тихо теплилась лампада передъ спекляннѣмъ кивомомъ, въ коемъ блиспали золотыя и серебряныя оклады наслѣдственныхъ иконъ. Дрожащій свѣтъ ея слабо озарялъ занавѣшенную кровать и сподикъ, уставленный сплянками съ ярлыками. У печки сидѣла служанка за самопрялою, и легкій шумъ ея веретена прерывалъ одинъ пишину свѣплицы.

«Кшо здѣсь?» произнесъ слабый голосъ. Служанка вспала пошчасъ, подошла къ кровати и пихо приподняла пологъ. «Скоро ли разсвѣпешъ?» спросила Нашалья.—Теперь уже полдень, отвѣчала служанка. «Ахъ Боже мой, ошъ чего же шакъ шемно?»—Окна закрышы, барышня.—«Дай же мнѣ поскорѣе одѣвашься.»—Нельзя, барышня: дохшуръ не приказалъ.—Развѣ я больна? давно

ли?» — Вопшь уже двѣ недѣли. — «Неужь-шо? а мнѣ казалось, будшо я вчера шолько легла...»

Нашаша умолкла; она спаралась собрашь разсѣянные мысли: чпо-шо съ нею случилось, но чпò именно — не могла вспомнишь. Служанка все спояла передь нею, ожидая приказаній. Въ это время раздался внизу глухой шумъ. «Чпо такое?» спросила больная.—Господа откушали, опшвѣчама служанка: вспаюшь изъ-за спола. Сейчасъ придетъ сюда Ташьяна Аванасьевна. — Нашаша, казалось, обрадовалась; она махнула слабою рукою. Служанка задернула занавѣсъ и сѣла опяшь за самопрялку.

Чрезъ нѣсколько минушь изъ-за двери показалась голова въ бѣломъ широкомъ чепцѣ съ шемными лешами и спросила въ полголоса: чпò Нашаша? «Здравшвуй, шѣпенька» сказала пихо больная; и Ташьяна Аванасьевна къ ней поспѣшила. Барышня въ памяти, сказала служанка, оспорожно придвигая кресла. Спарушка со слезами поцѣловала блѣдное, помное лице племянницы и сѣла подлѣ нея. Вслѣдъ за нею Нѣмецъ-лекаръ, въ черномъ кафпанѣ и въ ученомъ парикѣ, вошелъ, пощупалъ у Нашашы пульсъ и объявилъ по-Лапынѣ, а потомъ и по-Русски, чпо опасносшь миновалась. Онъ попребовалъ бумаги

и чернильницы, написалъ новый рецептъ и уѣхалъ, а спарушка вспала и, снова поцѣловавъ Напалю, поспчасъ отправилась съ доброю вѣстію внизъ къ Гаврилѣ Аѳанасьевичу.

Въ госпиной, въ мундирѣ, при шпагѣ, со шляпою въ рукахъ, сидѣлъ Царскій арапъ, почтительно разговаривая съ Гаврилою Аѳанасьевичемъ. К., распянувшись на пуховомъ диванѣ, слушалъ ихъ разсѣянно и дразнилъ заслуженную борзую собаку; наскуча симъ занятіемъ, онъ подошелъ къ зеркалу, обыкновенному прибѣжищу праздности, и въ немъ увидѣлъ Ташьяну Аѳанасьевну, копорая изъ-за двери дѣлала брашу незамѣчаемые знаки. «Вась зовушь, Гаврила Аѳанасьевичъ» сказалъ К., оборотясь къ нему и перебивъ рѣчь Ибрагима. Гаврила Аѳанасьевичъ поспчасъ пошелъ къ сестрѣ и припворилъ за собою дверь.

«Дивлюсь швоему шертвѣнію» сказалъ К. Ибрагиму. «Битый часъ слушаешь ты бредни о древности рода Лыковыхъ и Ржевскихъ и еще присовокупляешь къ тому свои нравоучительныя примѣчанія! На швоемъ мѣспѣ j'augais planté là спараго враля и весь его родъ, включая шушь же и Напалю Гавриловну, копорая жеманился, припворяется больной — *une petite santé*. Скажи

но совѣспи: ужели ты влюбленъ въ эту маленькую тіѣаугѣе?» — Нѣтъ, отвѣчалъ Ибрагимъ: я женюсь конечно не по спроси, но по соображенію, и то, если она не имѣетъ отъ меня рѣшительнаго отвѣщенія. — «Послушай, Ибрагимъ,» сказалъ К.: «послѣдуй хоть разъ моему совѣску; право, я благоразумнѣе, нежели кажусь. Брось эту блажную мысль — не женись. Мнѣ сдается, что твоя невѣспа никакого не имѣетъ особеннаго къ тебѣ расположенія. Мало ли что случается на свѣтѣ? Напримѣръ: я конечно собою недурень, но случалось однакожь мнѣ обманываться мужей, которые были, ей Богу, ничѣмъ не хуже моего. Ты самъ . . . помнишь нашего Парижскаго пріятелиа графа Д? Пельзя надѣялся на женскую вѣрность; счастливъ, что смотрипъ на это равнодушно. Но ты! . . . Съ твоимъ ли пыжкимъ, задумчивымъ и подозрительнымъ характеромъ, съ твоимъ ли сплюсненнымъ носомъ, вздутыми губами, съ этой ли шершавой головой бросаешься во всѣ опасности женишьбы? . . .» — Благодарю за дружескій совѣскъ, прервалъ холодно Ибрагимъ. Но знаешь пословицу: не твоя печаль чужихъ дѣпей качаетъ . . . «Смотри, Ибрагимъ,» отвѣчалъ смѣясь К., что тебѣ послѣ не пришлось эту пословицу доказывать на самомъ дѣлѣ, въ буквальный смыслъ.

Но разговоръ въ другой комнатѣ спаповился горячь. «Ты уморишь ее» говорила спарушка: «она не вынесетъ его виду.» Но посуди ты сама, возразилъ упрямый брапъ: вопъ уже двѣ недѣли ѣздилъ онъ женихомъ, а до сихъ поръ не видалъ невѣспы. Онъ наконецъ можетъ подуматъ, что ея болѣзнь пустая выдумка, что мы ищемъ только какъ-бы время продлить, чтобы какъ-нибудь опъ него опдѣлаться. Да что скажешь и Царь? Онъ ужъ и такъ при раза присылалъ спросить о здоровѣ Напалы. Воля швоя, а я ссорилъ съ нимъ не намѣренъ. «Господи Боже мой!» сказала Тапьяна: «что съ нею, бѣдною, будетъ! По крайней мѣрѣ пусти меня пригошвишь ее къ такому посѣщенію.» Гаврила Аванасьевичъ согласился и опашъ вошелъ въ гошпиную.

— Слава Богу! сказалъ онъ Ибрагиму: опасность миновалась, Напалъ гораздо лучше; если бѣ несовѣстно было опшавить здѣсь одного дорогаго гостя Ивана Евграфовича, то я повелъ бы тебя вверхъ взглянуть на швою невѣспу. К. поздравилъ Гаврила Аванасьевича, просилъ не беспокоиться, увѣрялъ, что ему необходимо ѣхать, и побѣжалъ въ переднюю, не допуская хозяина проводить себя.

Между-тѣмъ Тапьяна Аванасьевна спѣшила приготоовить больную къ появленію спраннаго госпя. Вошедъ въ свѣплицу, она сѣла, задыхаясь, у поспели, взяла Напашу за руку, но не успѣла еще вымолвить слова, какъ дверь отворилась. Напаша спросила: кто пришелъ? Старушка обмерла. Гаврила Аванасьевичъ опдернулъ занавѣсъ, холодно посмопрѣлъ на больную и спросилъ, какова она? Больная хопѣла ему улыбпущее, но не могла. Суровый взглядъ опца ее поразилъ, и безпокойство овладѣло ею. Въ это время показалось, что кто-то споялъ у ея изголовья. Она съ усиліемъ приподняла голову и вдругъ узнала Царскаго арапа. Тутъ она вспомнила все, весь ужась будущаго представился ей. Но изнуренная природа не получила примѣчательнаго попрясенія. Напаша снова опустила голову на подушку и закрыла глаза.... сердце въ ней билось бользненно. Тапьяна Аванасьевна подала брату знакъ, что больная хочепъ уснуть, и всѣ вышли попихоньку изъ свѣплицы, кромѣ служанки, которая снова сѣла за самопрялку.

Несчастливая красавица открыла глаза и, не видя уже никого около своей поспели, подозвала служанку и послала ее за кормилицею. Но въ ту же минушу круглая, спарая крошка какъ шарикъ

подкапшлась къ ея кровати. Ласпочка (пагъ прозывалась кормилица) во всю прыпъ корошенькихъ ножекъ, вслѣдъ за Гаврилою Аѳанасьевичемъ и Ибрагимомъ, пустилась вверхъ по лѣспницѣ и припаялась за дверью, не измѣняя любопытству, сродному прекрасному полу. Напаша, увидя ея, выслала служанку, и кормилица съла у кровати на скамейку.

Никогда споль маленькое пѣло не заключало въ себѣ споль много душевной дѣяпельности. Она вмѣшивалась во все, знала все, хлопотала обо всемъ. Хищрымъ и вкрадчивымъ умомъ умѣла она пріобрѣсти любовь своихъ господъ и ненависть всего дома, копорымъ управляла самовласно. Гаврила Аѳанасьевичъ слушалъ ея доносы, жалобы и мелочныя просьбы; Татьяна Аѳанасьевна поминутно справлялась съ ея мнѣніями и руководствовалась ея совѣтами; а Напаша имѣла къ ней неограниченную привязанность и довѣряла ей всѣ свои мысли, всѣ движенія шестнадцатилѣшняго своего сердца.

« Знаешь, Ласпочка » сказала она: « бапюшка выдаетъ меня за арапа. »

Кормилица вздохнула глубоко, и сморщенное лицо ея сморщилось еще болѣе.

«Развѣ нѣтъ надежды?» продолжала Напаша:
«развѣ бапюшка не сжалятся надо мною?»

Кормилица пряхнула чепчикомъ.

«Не заступятся ли за меня дѣдушка или пещушка?»

— Нѣтъ, барышня: арапъ во время пвоей болѣзни всѣхъ успѣлъ заворожить. Баринъ опъ него безъ ума, князь только имъ и бредить, а Ташьяна Аванасьевна говоритъ: жаль, что арапъ, а лучшаго жениха грѣхъ намъ и желать.

«Боже мой, Боже мой!»! проспонала бѣдная Напаша.

— Не печалься, красавица наша, сказала кормилица, цѣлуя ея слабую руку. Если ужъ и бытъ тебѣ за арапомъ, то все же будешь на своей волѣ. Нынче не то, что въ-спарину; мужья женъ не запираютъ; арапъ, слышно, богатъ; домъ у васъ будетъ какъ полная чаша — заживешь пригѣваючи.

«Бѣдный Валеріанъ!» сказала Напаша, но пакъ шихо, что кормилица могла только угадать, а не слышатъ эти слова.

— То-шо, барышня, сказала она, шайнствен-но понизивъ голосъ, кабы ты меньше думала о стрѣлецкомъ сиропѣ, такъ бы въ жару о немъ не бредила, а бапюшка не гнѣвался бы.

«Что?» сказала испуганная Напаша: «я бредила Валеріаномъ? бапюшка слышала? бапюшка гнѣвался?»

— То-шо и бѣда, отвѣчала кормилица. Теперь, если ты будешь просить его не выдавать тебя за арапа, такъ онъ подумаетъ, что Валеріанъ пому причиною. Дѣлашь нечего: ужъ покорись волѣ родишельской, а что будетъ, то будетъ.

Напаша не возразила ни слова. Мысль, что шайна ея сердца извѣспна опцу, сильно подѣйствовала на ея воображеніе. Одна надежда ей оспавалась: умереть прежде совершенія ненавѣспнаго брака. Эша мысль ее упѣшала. Слабой и печальной душой покорилась она своему жребію.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

—

Въ домъ Гаврилы Аванасьевича, изъ сѣней направо, находилась пѣсная каморка съ однимъ окошечкомъ. Въ ней спояла проспая кровать, покрывая байковымъ одѣяломъ; передъ кроватью еловый сполникъ, на кошоромъ горѣла сальная свѣча и лежали открышыя нопы. На спѣнѣ висѣлъ старый синій мундиръ и его ровесница, преугольная шляпа; надъ нею тремя гвоздиками прибила была лубочная карпинка, изображающая Карла XII верхомъ. Звуки флейпы раздавались въ эпой смиренной обипели. Пѣнный танцмейсперъ, уединенный ея жипель, въ копкаѣ и въ кипайчапомъ шлафрокъ, услаждалъ скуку зимняго вечера, наигрывая старинные Шведскіе мар-

ши. Посвятивъ цѣлые два часа на сіе упражне-
ніе, Шведъ разобралъ свою флейшу, вложилъ ее
въ ящикъ и спалъ раздѣваясь.

.

ЛѢТОПИСЬ
СЕЛА ГОРОХИНА.

ЛѢТОПИСЬ

СЕЛА ГОРОХИНА.

Званіе литератора всегда казалось для меня самымъ завиднымъ. Родители мои, люди почтенные, но просвѣтые и воспитанные по-старинному, никогда ничего не читывали, и во всемъ домѣ, кромѣ азбуки, купленной для меня, календарей и новѣйшаго письмовника, никакихъ книгъ не находилось. Чтеніе письмовника долго было любимымъ моимъ упражненіемъ. Я зналъ его наизусть, и не смотря на то, каждый день находилъ въ немъ новыя, незамѣченныя красоты. Послѣ генерала N. N., у котораго бабюшка былъ некогда адъютантомъ, Кургановъ казался мнѣ величайшимъ человѣкомъ. Я спрашивалъ о немъ у всѣхъ и, къ сожалѣнію, никто не могъ удовлетворить моему любопытству, никто не зналъ его лично; на всѣ мои вопросы отвѣчали

только, что Кургановъ сочинилъ Новѣйшій Письмовникъ; но это твердо зналъ я и прежде. Мракъ неизвѣстности окружалъ его, какъ нѣкоего древняго полубога; иногда я даже сомнѣвался въ истинѣ его существованія. Имя его казалось мнѣ вымышленнымъ, и преданіе о немъ пустою мифою, ожидавшею изысканій новаго Нибура. Однако же онъ все преслѣдовалъ мое воображеніе; я спарался придать какой-нибудь образъ сему таинственному лицу, и наконецъ рѣшилъ, что долженъ онъ былъ походить на земскаго застѣпеля Корючкина, маленькаго спаричка, съ краснымъ носомъ и сверкающими глазами.

Въ 1812 году повезли меня въ Москву, и опали въ пансіонъ Карла Ивановича Мейера, гдѣ пробылъ я не болѣе шрехъ мѣсяцовъ; ибо насъ распустили передъ вспуленіемъ непріятеля. Я возвратился въ деревню . . . *

* Здѣсь въ рукописи недостаетъ нѣсколькихъ листовъ, не найденныхъ въ бумагахъ покойнаго, а можетъ быть еще и не написанныхъ.

Сія эпоха жизни моей столь для меня важна, что я намѣренъ о ней распространиться, заранее прося извиненія у благосклоннаго чипапеля, если во зло упопробляю снисходительное его вниманіе.

День былъ осенній и пасмурный. — Прибывъ на спанцію, съ кошорой должно было мнѣ своропшпъ на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогою. Хоппя я нрава опъ природы пи-хаго, но неперптъніе увидѣшь вновъ мѣспа, гдѣ провелъ я лучшіе свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминупно погонялъ моего ямщика, шо обѣщая ему на-водку, шо угрожая побоями; и какъ удобнѣе было мнѣ шолкашь его въ спину, нежели вынимашъ и развязывашъ кошелекъ, шо, признаюсь, раза при и ударилъ его, что опъ-роду со мною не случалось, ибо сословіе ямщиковъ, не знаю почему, для меня въ особенноти любезно. Ямщикъ погонялъ свою пройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенію ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ; все-таки зашпягивалъ вожжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рощу, и черезъ 10 минутъ въѣхалъ на барскій дворъ; сердце мое сильно билось; я смопрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ не-

обыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, копорыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и спали теперь высокими, въпвиспыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный шрмя правильными цвѣтниками, межъ копорыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ; теперь обращенъ былъ въ некопешый лугъ, на копоромъ паслась бурая корова. Бричка моя оспановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ опворипъ двери, но онѣ были заколочены, хопя спавни опкрышы и домъ казался обишаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ прѣхалъ, она снова побѣжала въ избу и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ пронупъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя лица, и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои попѣшныя мальчишки были ужъ мужиками, а дѣвчонки, нѣкогда сидѣвшія на полу для посылкоъ, замужними бабами. Женщинамъ говорилъ я безъ церемоніи: «какъ ты постарѣла.» И мнѣ опвѣчали съ чувспвомъ: «какъ выпо, бапюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; навспрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданіемъ какъ многоспраднаго Одиссея. Побѣжали топипъ баню. Поваръ, давно въ бездѣйствіи опроспив-

шій себѣ бороду, вызвался приготоовить мнѣ обѣдъ, или ужинъ — ибо уже смеркалось. Топчасть очистили мнѣ комнашы, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной мапущки. Такъ очутился я въ смиренной опеческой обипели, и заснулъ въ той самой комнашѣ, въ копорой за двадцать шри года шому родился.

Около шрехъ недѣль прошло для меня въ хлопопахъ всякаго рода: я возился съ засѣдашелями, предводишелями и всевозможными губернскими чиновниками. Наконецъ принялъ я наслѣдство и былъ введенъ во владѣнiе вопчиной. Я успокоился, но скоро скука бездѣйствiя спала меня мучишь. Я не былъ еще знакомъ съ добрыми и почтенными сосѣдомъ моимъ * *. Заняшiя хозяйшвенныя были вовсе для меня чужды. Разговоры кормилицы моей, произведенной мною въ ключницы и управишельницы, состояли щешпомъ изъ пашнадапи домашнихъ анекдотшвъ, весьма для меня любопытныхъ, но рассказываемыхъ ею всегда одинаково шакъ, что она сдѣлалась для меня другимъ *Новѣйшимъ Письмовникомъ*, въ копоромъ я зналъ, на какой страницѣ, какую найду шпрочку. Наспошцiй же заслуженный Письмовникъ былъ мною найденъ въ кладовой, между всякой рухлядью, въ жалкомъ состоя-

ни. Я вынесъ его на свѣтъ и принялся-было за него, но Кургановъ поперялъ для меня прежнюю свою прелесць; я прочелъ его еще разъ и больше уже не открывалъ.

Въ сей крайности пришло мнѣ на мысль: не попробоватъ ли самому что-нибудь сочинить? Благосклонный чинапель знаетъ уже, что воспитанъ я былъ на мѣдныя деньги.

Къ тому же быть сочинителемъ казалось мнѣ такъ мудрено, такъ недосыгаемо, что мысль взяться за перо сначала испугала меня. Смѣлъ ли я надѣяться поспѣть когда-нибудь въ число писателей, когда уже пламенное желаніе мое встрѣпиться съ однимъ изъ нихъ никогда не было исполнено? Но это напоминаетъ мнѣ случай, который намѣренъ я разсказать въ доказательство всегдашней спраспи-моей къ опечесивенной словесности.

Въ 1820 году, еще юнкеромъ, случилось мнѣ быть по казенной надобности въ П. б.; я прожилъ въ немъ недѣлю, и не смошря на то, что не было у меня здѣсь ни одного знакомаго человека, провелъ время чрезвычайно весело; каждый день пихонько ходилъ я въ шеатръ въ галерею

4-го яруса. Всѣхъ актеровъ узналъ по имени, и спраспно влюбился въ ** , игравшую съ большимъ искусствомъ въ одно воскресенье роль Эйлалін, въ драмѣ: *Ненависть къ людямъ и раскаяніе*. Упромъ, возвращаясь изъ Главнаго Штаба, заходилъ я обыкновенно въ низенькую конфекшную лавку, и за чашкой шеколаду чипалъ лишературные журналы. Однажды сидѣлъ я углубленный въ крипическую спашью *Благонамыреннаго*; вдругъ нѣкпо, въ гороховой шинели, ко мнѣ подошелъ и изъ-подъ моей книжки пихонько попянулъ листокъ Гамбургской газетсы; я былъ такъ заняшъ, что не поднялъ и глазъ. Незнакомый спросилъ себѣ бифспексу и сѣлъ передо мною; я все чипалъ, не обращая на него вниманія; онъ между-тѣмъ позавпракалъ, сердито побранилъ мальчика за неисправность, выпилъ полбушылки вина и вышелъ. Двое молодыхъ людей шупъ же завпракали. «Знаешь ли кпо это былъ?» сказалъ одинъ другому—«это В, сочинипель.»—Сочинипель! воскликнулъ я невольно — и оставя журналъ недочипаннымъ и чашку недопишою, побѣжалъ расплачивашься, и не дождавшись сдачи, выбѣжалъ на улицу. Смотри во всѣ спороны, увидѣлъ я издали гороховую шинель, и пуспился по Невскому проспекпу—только-что не бѣгомъ. Сдѣлавъ нѣскольго шаговъ, чувспвую

вдругъ, что меня оспанавливаютъ; оглядываюсь, гвардейскій офицеръ замѣпилъ мнѣ: что-де мнѣ слѣдовало не толкать его на пропурѣ, но скорѣе оспановиться и выпянуться. Послѣ сего выговора, я спалъ оспорожнѣе; на бѣду мою, поминутно встрѣчались мнѣ офицеры: я поминутно оспанавливался, а сочинитель все уходилъ опъ меня впередъ. Опъ-роду моя солдапская шинель не была мнѣ споль тягостною, опъ-роду эпелеты не казались мнѣ споль завидными; наконецъ у самаго Аничкина моста догналъ я гороховую шинель. «Позвольте спросить,» сказала я, приспавя ко лбу руку, «вы г. В., коего прекрасныя спашьи имѣлъ я счастье чипашъ въ Соревнователь Провѣщенія?»—Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, я не сочинитель, а спряпчій; но В. мнѣ очень знакомъ, четверть часа тому, я встрѣпилъ его у Полицейскаго моста.—Такимъ образомъ уваженіе мое къ Русской литературы спонило мнѣ 50 копѣекъ поперянной сдачи, выговора по службѣ и чуть-чуть не ареста — и все даромъ!

Не смощря на всѣ возраженія моего разсудка, дерзкая мысль сдѣлапья писателемъ поминутно приходила мнѣ въ голову. Наконецъ, не будучи болѣе въ состояніи пропивиться влеченію при-

роды, я сшилъ себѣ толстую пепрадь и рѣшилъ съ швердымъ намѣреніемъ наполнить ее чѣмъ бы то ни было. Всѣ роды поэзіи (ибо о смиренной прозѣ я еще и не помышлялъ), были мною разобраны, оцѣнены, и я непременно рѣшился на эпическую поэму, почерпнутую изъ опечетливенной исторіи. Не долго искалъ я себѣ героя — выбралъ Рюрика — и принялся за работу.

Къ стихамъ пріобрѣлъ я нѣкоторый навыкъ, переписывая пепрадки, ходившія по рукамъ между нашими офицерами, именно: *критику на Московскій бульваръ, на Прутненскіе пруды, опаснаго сосѣда* и ш. д. Не смотря на то, поэма моя подвигалась медленно, и я бросилъ ее на прешелье стихѣ. Я думалъ, что эпическій родъ не мой родъ и началъ прагедію: Рюрикъ. Трагедія не пошла. Я попробовалъ обратиться въ балладу — но и баллада какъ-то мнѣ не давалась. Наконецъ вдохновеніе озарило меня, я началъ и благополучно окончилъ: надпись къ порпешу Рюрика.

Не смотря на то, что надпись моя была не вовсе недоспойна вниманія, особенно какъ первое произведеніе молодаго стихошворца, однакожь я почувствовалъ, что не рожденъ поэшомъ, и довольствовался симъ первымъ опышомъ. Твор-

ческія мои попышки шакъ привязали меня къ липерапурнымъ заняціямъ, что я уже не могъ распатъся съ шепрадью и чернильницей. Я хотѣлъ низойти къ прозѣ. На первый случай, не желая заняшься предварительнымъ изученіемъ, расположеніемъ плана, скрѣпленіемъ часпей и ш. п., я вознамѣрился писаць опдѣльные мысли, безъ связи, безъ всякаго порядка, въ томъ видѣ, какъ онѣ мнѣ спануть представлялись. Къ несчастію, мысли не приходили мнѣ въ голову, и въ цѣлые два дня надумаль я шолько слѣдующее замѣчаніе:

«Человѣкъ, неповинующійся законамъ разсудка и привыкшій слѣдоваць внушеніямъ спрашей, часто заблуждаеця и подвергаетъ себя позднему раскаянію.»

Мысль конечно справедливая, но уже не новая. Оставя мысли, принялся я за повѣсти; но не умѣя съ непривычки расположитъ вымышленное происшествіе, я избралъ замѣчательные анекдоты, нѣкогда мною слышанные опъ разныхъ особъ, и спарался украситъ истину живостію разсказа, а иногда и цвѣтами собственнаго воображенія. Соспавляя сіи повѣсти, мало-по-малу образоваль я свой слогъ и пріучилъ выражатъ пр-

вильно, пріятно и свободно. Но скоро запасъ мой испоцился, и я спалъ опять искашь предмета для липературной моей дѣяшельности.

Мысль оспавишь мелочные и сомнипельные анекдоты, для повѣспвованія испинныхъ и великихъ происшеспвій давно превожила мое воображеніе. Бышь судіею, наблюдапельемъ и пророкомъ вѣковъ и народовъ казалось мнѣ высшею степенью, доступной для писателя. Какую испорію могъ я написашь съ моей жалкой образованностью? Гдѣ не предупредили меня многоученые, добросовѣспные мужи? Какой родъ испоріи не испощенъ уже ими? Спану ль писашь испорію всемірную: но развѣ не сущеспвуетъ уже безсмерпный прудъ аббапа Милопа? Обращусь ли къ испоріи опечеспвенной: что скажу я послѣ Тапищева, Щербатова, Голикова? И мнѣ ли рышься въ лѣтописяхъ и добирашься до сокровеннаго смысла обвешпалаго языка, когда не могъ я выучишься цифрамъ Славянскимъ? Я подумалъ объ испоріи меньшаго объема, напр. объ испоріи губернскаго нашего города; но и шупъ сколько препяшспвій, для меня неодолимыхъ! Испорія уѣзднаго нашего города была бы для меня удобнѣе, но она не была занимашельна ни для философа, ни для полищика, и представляла мало пи-

щи краснорѣчію. Единственное замѣчательное происшествіе, сохранившееся въ его лѣтописяхъ есть ужасный пожаръ, случившійся десять лѣтъ тому назадъ, испребившій базаръ и присупственныя мѣста.

Нечаянный случай разрѣшилъ мои недоумѣнія. Баба, развѣшивая бѣлье на чердакъ, нашла спарую корзину, наполненную щепками, соромъ и книгами. Весь домъ зналъ охоту мою къ чтенію. Ключница моя, въ то самое время, какъ я, сидя за моею пепрадью, грызъ перо и думалъ объ опытахъ сельскихъ проповѣдей, съ шоржеспвомъ впащила корзинку въ мою комнашу, радоспно восклицая: книги! книги! — «Книги!» повпорилъ я съ воспоргомъ и бросился къ корзинкѣ. Въ самомъ дѣлѣ я увидѣлъ цѣлую груду книгъ въ зеленомъ и синемъ бумажномъ переплетѣ. Эшо было собраніе спарыхъ календарей. Сіе опкрытіе охладило мой воспоргъ, но все я былъ радъ нечаянной находкѣ: все же эшо были книги, и я щедро наградилъ усердіе прачки полпиной серебра.

Оспавшись наединѣ, я спалъ разматривать свои календари, и скоро мое вниманіе было сильно ими привлечено. Они соспавляли непрерыв-

ную цѣпь годовъ отъ 1744 до 1799 ш. е. ровно 55 лѣтъ. Синіе листы бумаги, обыкновенно вклеваемые въ календари, были все исписаны спариннымъ почеркомъ. Брося взоръ на сіи справки, съ изумленіемъ увидѣлъ я, что они заключали не только замѣчанія о погодѣ и хозяйственныя счефы, но также и краткія историческія извѣстія касательно села Горохина. Немедленно занялся я разборомъ сихъ драгоценныхъ записокъ, и вскорѣ нашелъ, что онѣ представляли полную исторію моей волости, въ печеніе почти цѣлаго столѣтія, въ самомъ спрогомъ хронологическомъ порядкѣ. Сверхъ сего заключали онѣ неисчислимый запасъ экономическихъ, статистическихъ, метеорологическихъ и другихъ ученыхъ наблюдений. Съ тѣхъ поръ изученіе сихъ записокъ заняло меня исключительно; ибо увидѣлъ я возможность извлечь изъ нихъ повѣствованіе стройное, любопытное и поучительное. Ознакомясь довольно съ драгоценными сими памятниками, я сталъ искать новыхъ источниковъ исторіи села Горохина — и вскорѣ ихъ обиліе изумило меня. Посвятивъ цѣлые шесть мѣсяцевъ на предварительное ихъ изученіе, наконецъ приступилъ я къ давно желаемому труду; съ помощію Божіею совершилъ оный сего ноября 1827 года. Нынѣ, какъ нѣкопорый, мнѣ по-

добный испорикъ, коего имени я не запомню, оконча свой прудный подвигъ, кладу перо и съ грустію иду въ мой садъ размышлять о томъ, что мною совершено. Кажется и мнѣ, что, написавъ исторію Горохина, я уже не нуженъ міру, что долгъ мой исполненъ, и что пора мнѣ опочить.

Здѣсь прилагаю списокъ испочниковъ, послужившихъ мнѣ къ составленію исторіи Горохина:

I. Собраніе старинныхъ календарей 55 часпей. Первые 20 часпей исписаны стариннымъ почеркомъ съ пиплами. Лѣтопись сія сочинена прадедомъ моимъ Андреемъ Степановичемъ Бѣлкинымъ; она опшичается ясностію и крапкостію слога, напримѣръ: 4-го Мая снѣгъ. Тришка за грубость бишь. 6-го—корова бурая пала. Сенька за пьянство бишь. 8-го—погода ясная. 9-го—дождь и снѣгъ. Тришка за пьянство бишь..... и тому подобное безо всякихъ размышленій. 11-го—погода ясная, пороша; заправилъ прехъ зайцевъ. — Остальныя 55 часпей писаны разными почерками, большею частію пакъ называемымъ лавочничьимъ, съ пиплами и безъ пипловъ, вообще плодовице, несвязно и безъ соблюденія право-

писанія; кой-гдѣ замѣтна женская рука. Въ сѣ опдѣленіе входятъ записки дѣда моего Ивана Андреевича Бѣлкина и бабки моей, а его супруги, Евпраксіи Алексѣевны; также и записки прикащика Горбовицкаго.

II. Лѣтопись Горохинскаго дѣяча. Сія любопытная рукопись опыскана мною у моего пона, женапаго на дочери лѣтописца. Первые листы были выдраны и употреблены дѣшьями священника на пакъ называемые змѣи. Одинъ изъ паковыхъ упалъ посреди моего двора; я поднялъ его и хопѣлъ-было возвратишь дѣшьямъ, какъ замѣшилъ, что онъ былъ исписанъ. Съ первыхъ спрокъ увидѣлъ я, что змѣй соспавленъ былъ изъ лѣтописи. Къ счастію успѣлъ спасши оспальное. Лѣтопись сія, пріобрѣтенная мною за чепверть овса, опличаетъя глубокомысліемъ и велерѣчіемъ необыкновеннымъ.

III. Изустныя преданія. Я не пренебрегалъ никакими извѣстіями; но въ особенності обязанъ многимъ Аграфенѣ Трифиновой, мапери Авдѣя спароспы, бывшей, говоряшь, любовницею прикащика Горбовицкаго.

IV. Ревижскія сказки, съ замѣчаніями преж-

нихъ спароспть, касапельно нравспвенности и соспоянїя креспьянть.

5-го Октября.

БАСНОСЛОВНЫЯ ВРЕМЕНА.

Староста Трифонъ.

Основаніе Горохина и первоначальное населеніе онаго покрыто мракомъ неизвѣстности. Темныя преданїя гласяпть, что нѣкогда Горохино было село богатое и обширное, что всѣ жиптели онаго были зажиточны; что оброкъ собирали единожды въ годъ, и опсылами невѣдомо кому, на нѣсколькихъ возахъ. Въ то время все покупали дешево и дорого продавали. Прикащиковъ не сущеспвовало; спароспты никого не обижали; обипаптели работали мало, а жили припѣваючи, и паспухи сперегли спадо въ сапогахъ. Мы не должны обольщашься сею очаровашельною карпиною. Мысль о золотомъ вѣкѣ сродна всѣмъ народамъ и доказываспть только, что люди никогда не довольны настоящимъ, и по опыту имѣя мало надежды на будущее, украшаюпть невозвращимое минувшее всѣми цѣвшами своего воображенїя. Вотъ что досповѣрно: сего Горо-

хино издревле принадлежало знаменишному роду Бѣлкиныхъ. Но предки мои, владѣя многими другими опчинами, не обращали вниманія на сію опдаленную спрану. Горохино плапило малую дань и управлялось спаршинами, избираемыми народомъ на вѣчь, мірскою сходкою называемой.

Въ печеніе времени родовыя имѣнія Бѣлкиныхъ раздробились и пришли въ упадокъ. Объединѣвшіе внуки богапатаго дѣда не могли опвыкнущь опть роскошныхъ своихъ привычекъ и пребовали прежняго полнаго дохода опть имѣнія, въдесять крапъ уже уменьшившагося. Грозныя предписанія слѣдовали одно за другимъ. Спароста чипалъ ихъ на вѣчь; спаршины вишійствовали; міръ волновался — а господа, вмѣсто двойнаго оброка, получали скучныя опговорки и смиренныя жалобы, писанныя на засаженной бумагѣ и запечашанныя грошемъ.

Мрачная пуча висѣла надъ Горохинымъ — а никшо объ ней и не помышлялъ. Въ послѣдній годъ власпвованія Трифона, послѣдняго спаросты, народомъ избраннаго, въ самый день храмоваго праздника, когда весь народъ или шумно окружалъ увеселишельное зданіе (кабакомъ въ просторѣчій именуемое), или бродилъ по улицамъ, обнявшись между собою и громко воспѣвая пѣсни

Архипа Лысаго — въѣхала въ село ямская крышная бричка, заложенная парюю клячь едва живыхъ; на козлахъ сидѣлъ оборванный жидъ; изъ брички высунулась голова въ карпузѣ и, казалось, съ любопытствомъ смопрѣла на веселящійся народъ. Жители вспрѣщли повозку смѣхомъ и грубыми насмѣшками (NB. Свернувъ прубкою возкраія одеждъ, безумцы глумились надъ Еврейскимъ возницею и восклицали смѣхоповорно: жидъ, жидъ, ѣшь свиное ухо!... *Льтописъ дячка*). Сколь изумились они, когда бричка оспановилась среди села и когда прѣзжій, вышрыгнувъ изъ нея, повелительнымъ голосомъ попребовалъ старосту Трифона. Сей сановникъ находился въ увеселительномъ зданіи, откуда двое спаршинъ почтительно вывели его подъ руки. Незнакомецъ посмопрѣлъ на него грозно, подавъ ему письмо и велѣлъ читать оное немедленно. Староста былъ неграмошень. Послали за земскимъ Авдѣемъ. Его нашли неподалеку спящаго въ иеружкѣ подъ заборомъ и привели къ знакомцу. Но, или опъ внезапнаго испуга, или опъ горестнаго предчувствія, буквы письма, чепко написаннаго, показались ему опуманенными, и онъ не былъ въ состояніи ихъ разобрать. Незнакомецъ, старосту Трифона и земскаго Авдѣя съ ужаснымъ проклятіемъ опославъ спать, опложилъ

чпеніе письма до завшпрашняго дня и пошелъ въ приказную избу, куда жидъ повесъ за нимъ его маленькой чемоданъ.

Горохинцы съ изумленіемъ смопрѣли на сіе необыкновенное происшествіе, но вскорѣ бричка, жидъ и незнакомецъ были забыты; день кончился шумно и весело — и Горохино заснуло, не предвидя, что ожидало его...

Съ восходомъ упреняго солнца жиписли были пробуждены шукомъ въ окошки и призываніемъ на мірскую сходку. Граждане, одинъ за другимъ, явились на дворъ приказной избы, служившей въ-чевою площадью. Глаза ихъ были мушны и красны; лица опухлыя; они, зѣвая и почесываясь, смопрѣли на челоуѣка въ карпузѣ, въ спаромъ голубомъ кафшанѣ, важно споявшаго на крыльцѣ приказной избы — и спарались припомнишь себѣ черпы его, когда-по ими видѣнныя. Спароспа и земскій Авдѣй спояли подлѣ него безъ шапокъ съ видомъ подобосспрасшя и глубокой горести. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ незнакомецъ. — Всѣ ли-спа здѣсь? — повшорилъ спароспа. — Всѣ-спа, ошвѣчали граждане, а спароспа объявилъ, что отъ барина получена грамоша и приказалъ земскому ирочесшь ее во услышаніе міра.

Авдѣй выспунилъ и громогласно прочелъ слѣдующее (NB. Сію грозновѣщую грамопу списалъ я у Трифона старослѣпы; у него же хранилась она въ кивотѣ вмѣстѣ съ другими памяшниками владычества его надъ Горохинымъ).

Трифонъ Ивановъ!

Вручипель письма сего, повѣренный мой * *, ѣдешь въ опчину мою село Горохино, для поспупленія въ управленіе онаго. Немедленно, по его прибытіи, собрашь мужиковъ и объявишь имъ мою барскую волю, а именно: приказаній повѣреннаго моего * * имъ мужикамъ слушаешься какъ моихъ собспвенныхъ, и все, чего онъ попребуешь, исполняшь безпрекословно; въ пропивномъ случаѣ имѣешь онъ * * поспупать съ ними со всевозможною спрогоспію. Къ сему понудило меня ихъ безсовѣстное непослушаніе и швое, Трифонъ Ивановъ, плушовское пошворство.

Подписано: N. N.

Тогда * *, распопыря ноги на подобіе хѣра и подбоченясь на подобіе ферша, произнесъ слѣдующую крашкую и выразишельную рѣчь: «Смошрипе жъ вы у меня, не очень умничайпе—вы, я знаю, народъ избалованный, да я, небось, вы-

бью дурь изъ вашихъ головъ скорѣе вчерашняго хмѣля.» Хмѣля уже не было ни въ одной головѣ, и Горохинцы, какъ громомъ пораженные, повѣсили носы и съ ужасомъ разошлись по домамъ.

*Правленіе прикащика * * .*

* *, принявъ бразды правленія, попробоваль опись крестьянъ, раздѣлилъ ихъ на богачей и бѣдныхъ и приступилъ къ исполненію своей полипической системы — она заслуживаетъ особеннаго разсмотрѣнія.

Главнымъ основаніемъ оной была слѣдующая аксіома: чѣмъ мужикъ богаче, тѣмъ онъ избалованнѣе; чѣмъ бѣднѣе, тѣмъ смиреннѣе. Въ слѣдствіе сего * * старался о смирности вопчины, какъ о главной крестьянской добродѣтели. 1) Недомки были разможены на всѣхъ зажишочныхъ мужиковъ и взыскиваемы съ нихъ со всевозможною спрогоспью. 2) Недоспапочные и празднелюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню; если же, по его расчешамъ, прудъ ихъ оказывался недоспапочнымъ, по онъ опдавалъ ихъ въ башраки другимъ крестьянамъ, за

что сѣи плашили ему добровольную дань; а отдаваемые въ холопство имѣли полное право опкупаться, заплаця сверхъ недоимокъ двойной годовой оброкъ. Всякая общеспвенная повинность падала на зажиточныхъ мужиковъ. Рекрутство же было шоржеспвомъ корысплюбивому правителю; ибо опъ онаго по очереди опкупались всѣ богатые мужики, пока наконецъ выборъ не падалъ на негодяя или разореннаго. Мирскія сходки были уничтожены. Оброкъ собиралъ онъ понемногу и круглый годъ сряду. Мужики, кажется, плашили и не слишкомъ болѣе пропиву прежняго, но никакъ не могли ни наработашь, ни накопшь доспапочно денегъ. Въ три года Горохино совершенно обнищало. Горохино приуныло, базаръ запуспѣлъ, пѣсни Архипа Лысаго умолкли; ребяпишки пошли по миру — и день храмоваго праздника сдѣлался, по выраженію лѣтописца, не днемъ радости и ликованія, но годовщиною печали и поминанія горесппаго.

Донесеніе Горохинскаго старосты.

Посадилъ окаянный прикащикъ Антона Тимоеева въ желѣзы, а спарикъ Тимоесей сына опкупилъ за 100 руб. — а прикащикъ заковалъ Пе-

прушку Еремѣева, и шого опкупилъ отецъ за 68 руб., и хопѣль окаанный сковашъ Леху Тарасова, но шопъ убѣжалъ въ лѣсъ — и прикащикъ о шомъ весьма крупился и свирѣпспвовалъ во словесахъ — а опвезли въ городъ и опдали въ рекрупы Ваньку пьяницу.

Времена историческія.

Спрана (Горохинымъ называсмая по имени споллицы своей — число жипелей проспираешся до 65 дупь) занимаешъ на земномъ шарѣ болѣе 240 десяпинъ. Къ сѣверу граничипъ она съ деревнями Дернуховымъ и Переуховымъ (когого обипашели бѣдны и малорослы, а владѣльцы преданы воинспвенному упражненію заячьей охопы); къ югу рѣка Сивка опдѣляешъ ее. опъ владѣній Карачевскихъ вольныхъ хлѣбопашцевъ — сосѣдей безпокойныхъ, извѣспныхъ жеспокоспю нравовъ; къ западу облегаюшь его цвѣщуція поля Захарьинскія, благоденспвующія подъ власпю мудрыхъ и просвѣщенныхъ помѣщиковъ; къ востоку примыкаешъ она къ дикимъ необипаемымъ мѣспамъ, къ непходимому болопу, гдѣ произраспаешъ одна клюква, гдѣ раздаешся лишь од-

нообразное кваканье лягушекъ и гдѣ суевѣрное преданіе предполагаетъ бышь обипалищу нѣкого бѣса.

НВ. Сіе болото называется *Бѣсовскиль*. Рассказываютъ, будто одна полу-умная паспушка сперегла спадо свиней не далече опъ сего мѣста. Она сдѣлалась беременною и никакъ не могла удовлетворительно объяснить сего случая; гласъ народный обвинилъ болотнаго бѣса — но сія сказка не достойна вниманія испорника, и по сѣ Нибура неприспительно было бы кому ей вѣришь.

Издравле Горохино славилось своимъ плодородіемъ и благораспореннымъ климатомъ. На тучныхъ его нивахъ родятся: рожь, овесъ, ячмень и гречиха. Березовая роца и еловой лѣсъ снабжаютъ обипашелей деревьями и валежникомъ на поспройку и опопку жилищъ. Нѣтъ недоспапка въ орѣхахъ, въ клюквѣ, брусникѣ и черникѣ. Грибы произрастаютъ въ необыкновенномъ количествѣ; изжаренные въ сметанѣ представляють они пріятную, хопя и нездоровую пищу. Прудъ наполненъ карасями, а въ рѣкѣ Сивкѣ водятся щуки и налимы.

Обитатели Горохина, большею частію, росту средняго, сложенія крѣпкаго и мужественнаго; глаза ихъ сѣрые, волосы русые или рыжіе. Женщины опличаются носами, подъяпыми нѣскольکو вверхъ, выпуклыми скулами и дородностію.

НВ. *Баба здоровенная.* Сіе выраженіе встрѣчается часто въ примѣчаніяхъ старослы къ ревижскимъ сказкамъ.

Мужчины добронравны, трудолюбивы (особенно на своей пашнѣ), храбры, воинственны. Многіе изъ нихъ ходятъ одни на медвѣдя и славятся въ околдкѣ кулачными бойцами; всѣ вообще склонны къ чувственному наслажденію пьянства. Женщины, сверхъ домашнихъ работъ, раздѣляютъ съ мужчинами большую часть ихъ трудовъ и не уступаютъ имъ въ отважности; рѣдка изъ нихъ боится старослы. Онѣ споль же цѣломудренны, какъ и прелесны; на покушенія дерзновеннаго опвѣчаютъ сурово и выразительно.

Жители Горохина издавна производятъ обильный торгъ лыками, лукошками и лапшями. Сему способствуетъ рѣка Сивка, черезъ кошорую весною переправляются они на челнокахъ, подобно древнимъ Скандинавамъ, а прочее время года пе-

реходяпъ въ бродъ, предварительнo засучивъ нижнее плапше до колѣнъ.

Языкъ Горохинскій есть рѣшишельно опрасль Славянскаго, но споль же разнился опъ него, какъ и Русскій. Онъ исполненъ сокращеніями и усвченіями — нѣкопорые звуки вовсе въ немъ уничпожены, или замѣнены другими. Однако жъ Русскимъ легко поняпъ Горохинца и обрапно.

Мужчины женяпся обыкновенно на 15 году, на дѣвицахъ 20 лѣпнихъ. Жены били своихъ мужей въ печеніе чепырехъ или пяпи лѣпъ. Польша чего мужья уже начинали бишь женъ; и пакимъ образомъ оба пола имѣли свое время власти, и равновѣсіе было соблюдено.

Обряды похоронъ происходили слѣдующимъ образомъ: въ самый день смерпи покойника опносили на кладбище, дабы мерпвий въ избѣ не занималъ напрасно лишняго мѣспа. Опъ сего случалось, что, къ неописанной радости родспвенниковъ, мерпвецъ чихалъ или зѣвалъ въ пу самую минушу, какъ его выносили въ гробъ за околицу. Жены оплакивали мужевъ, воя и приговаривая: «Свѣпъ, моя удамая головушка! на кого ты меня покинулъ? чѣмъ-шо мнѣ тебя по-

минаши?» — При возвращеніи съ кладбища начиналась призна въ честь покойника, и родственники и друзья бывали пьяны два - три дня, или даже цѣлую недѣлю, смотря по усердію и привязанности къ его памяти. Сіи древніе обряды сохранились и понынѣ.

Одежда Горохинцевъ состояла изъ рубахи, надѣваемой сверхъ пижняго плащя, что есть отличительный признакъ ихъ Славянскаго происхожденія. Зимую носили они овчинные шулупы, но болѣе для красоты, нежели изъ наспоющей нужды, ибо шулупъ обыкновенно надѣвали они на одно плечо и сбрасывали при малѣйшемъ шрудѣ, пребывующемъ движенія.

Науки, искусства и поэзія издревле находились въ Горохинѣ въ довольно цвѣтущемъ состояніи. Сверхъ священника и церковныхъ причетниковъ всегда водились въ немъ грамотѣи. Лѣтопись упоминаетъ о земскомъ Теренпѣ, жившемъ около 1767 года, умѣвшемъ писать не только правою, но и лѣвою рукою. Сей необыкновенный человекъ прославился въ околдѣ сочиненіемъ всякаго рода писемъ, челобитныхъ, паршикулярныхъ паспортовъ и п. п. Неоднократно поспрадавъ за свое искусство, услужливостъ

и участіе въ разныхъ замѣчательныхъ происшествіяхъ, онъ умеръ уже въ глубокой старости, въ то самое время, какъ пріучался писать правою ногою; ибо почерки обѣихъ рукъ его были уже слишкомъ извѣстны. Онъ играетъ (какъ чиншпель увидишь послѣ) важную роль и въ исторіи Горохина.

Музыка была всегда любимое искусство образованныхъ Горохинцевъ; балалайка и волынка, улаживая чувства и сердце, понынѣ раздаются въ ихъ жилищахъ, особенно въ древнемъ общественномъ зданіи, украшенномъ ёлкою.

Поэзія нѣкогда процвѣпала въ древнемъ Горохинѣ. Днынѣ стихотворенія Архипа Лысаго сохранились въ памяти потомства. Приведемъ въ примѣръ сіе сатирическое стихотвореніе:

Ко боярскому двору
 Акимъ староста идетъ,
 Бирки въ пазухъ несетъ,
 Боярину подаетъ;
 А бояринъ смотритъ,
 Ничего не смыслитъ.
 Ахъ, ты, староста Акимъ!
 Обокралъ бояръ кругомъ,
 Село по міру пустилъ,
 Старостиху подарилъ.

Въ нѣжності не уступяшъ они эклогамъ извѣснаго Виргилія; въ красотѣ воображенія далеко превосходяшъ они идилліи г. Сумарокова; и хопя въ щеголеватости и уступающъ новѣйшимъ произведеніямъ нашихъ музъ, но, равняющя съ ними запѣвливостію и остроуміемъ.

Образъ правленія въ Горохинѣ нѣсколько разъ измѣнялся. Оно попеременно находилось подъ властію спаршинъ, выбранныхъ міромъ; прикащиковъ, назначенныхъ помѣщикомъ, и наконецъ непосредственно подъ рукою самихъ помѣщиковъ. Выгоды и невыгоды сихъ различныхъ образцовъ правленія будучъ развиты мною въ печеніе моего повѣствованія.

Познакомя такимъ образомъ моего читателя съ этнографическимъ и статистическимъ состояніемъ Горохина и со нравами и обычаями его обитателей, приступимъ теперь къ самому повѣствованію.

ДУБРОВСКІЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Нѣсколько лѣтъ пому назадъ, въ одномъ изъ помѣстій своихъ, жилъ старинный Русскій баринъ Кирила Пешровичъ Троекуровъ. Его богатство, знатный родъ и связи давали ему большой вѣсъ въ той губерніи, гдѣ находилось его имѣніе. Избалованный всѣмъ, что только окружало его, онъ привыкъ давать полную волю каждому порыву пылкаго своего нрава и всѣмъ зашѣямъ довольно огражденнаго ума. Сосѣды рады были угождать малѣйшимъ его прихотямъ; губернскіе чиновники прелешали при его имени. Кирила Пешровичъ принималъ всѣ знаки подобострастія какъ надлежащую дань. Домъ его всегда былъ полонъ госнями, готовыми пѣшишь его барскую праздность, раздѣляя его шумныя, а иногда и буйныя увеселенія. Никто не дерзалъ оппказываться оппъ его приглашеній, или

въ извѣстные дни не являлся съ должнымъ почтеніемъ въ село Покровское. Кирила Пепровичъ былъ великій хлѣбосоль, и не смотря на необыкновенную силу физическихъ способностей, раза два въ недѣлю спрадалъ оупъ обжорства, и каждый вечеръ былъ навеселъ.

Всегдашнія занятія Покровскаго помѣщика состояли въ разъѣздахъ около проспранныхъ его владѣній, въ продолжительныхъ пирахъ и въ проказахъ, ежедневно припомъ изобрѣшаемыхъ, жершвою коихъ бывалъ обыкновенно какой-нибудь новой знакомецъ, хопя и спаринные пріятели не всегда ихъ избѣгали, за исключеніемъ одного Андрея Гавриловича Дубровскаго. Сей Дубровскій, опспавной поручикъ гвардіи, былъ ему ближайшимъ сосѣдомъ и владѣлъ семьюдесятью душами. Троекуровъ, надменный въ сношеніяхъ съ людьми самаго высшаго званія, уважалъ Дубровскаго, не смотря на его бѣдность. Нѣкогда были они поваріицами по службѣ, и Троекуровъ зналъ по опыту неперпѣливостъ и рѣшишельностъ его характера. Обстоятельствва разлучили ихъ надолго: Троекуровъ пошелъ въ гору; Дубровскій, съ распроеннымъ состояніемъ, принужденъ былъ выйпи въ опспавку и поселился въ опспальной своей дерев-

нѣ. Кирила Пепровичъ, узнавъ о томъ, предлагалъ ему свое покровительство, но Дубровскій благодарилъ его и оспался бѣденъ и независимъ. Спусти вѣсколька лѣтъ, Троекуровъ, описавной генералъ-аншефъ, прѣѣхалъ въ свое помѣстье; они свидѣлись и обрадовались другъ другу. Съ тѣхъ-поръ каждый день бывали вмѣстѣ, и Кирила Пепровичъ, опъ-роду неудостоивавшій никого своимъ посѣщеніемъ, заѣзжалъ запросто въ домишко спараго своего поварища. Будучи ровесниками, рожденные въ одномъ сословіи, воспитанные одинаково, они сходствовали опчаси въ характерѣ и наклонностяхъ; въ нѣкоторыхъ опношеніяхъ и судьба ихъ была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовѣли, у обоихъ оспавалось по ребенку. Сынъ Дубровскаго воспитывался въ Пепербургѣ, дочь Кирилы Пепровича росла въ глазахъ родителя, и Троекуровъ часто говаривалъ Дубровскому: Слушай, братъ Андрей Гаврилычъ, когда въ швоемъ Володькѣ будетъ пушь, шакъ опдамъ за него Машу — даромъ-што онъ голъ какъ соколъ. Андрей Гавриловичъ качалъ головою и опшѣчалъ обыкновенно: нѣтъ, Кирила Пепровичъ, мой Володька не женихъ Марьѣ Кириловнѣ. Бѣдному дворяничку, каковъ онъ, лучше женишься на бѣдной дворяночкѣ, да бышь главою въ домѣ, нежели

сдѣлапья прикащикомъ избалованной бабѣнки. Всѣ завидовали согласію, царствовавшему между Троекуровымъ и бѣднымъ его сосѣдомъ и удивлялись смѣлости послѣдняго, когда онъ за столомъ у Кирилы Петровича прямо высказывалъ свое мнѣніе, не заботясь о томъ, пропнворѣчило ли оно мнѣніямъ хозяина. Нѣкоторые было пыпались ему подражать и выйши изъ должнаго повиновенія, но Кирила Петровичъ пугнулъ ихъ такъ, что навсегда у нихъ отбилъ охоту къ шаковымъ покушеніямъ; а Дубровскій остался одинъ внѣ общаго закона. Нечаянный случай все разспроилъ.

Разъ, въ началѣ осени, Кирила Петровичъ собирался въ отпѣзжее поле. Наканунъ отданъ былъ приказъ псарямъ и спременнымъ бышь гошовыми къ пяпи часамъ утра. Палапка и кухня опсправлены были впередъ на мѣсто, гдѣ Кирила Петровичъ долженъ былъ обѣдать. Хозяинъ и гости пошли на псарный дворъ, гдѣ болѣе пяпи сошь гончихъ и борзыхъ жили въ довольствѣ и теплѣ, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своемъ собачьемъ языкѣ. Тушь же находился и лазаретъ для больныхъ собакъ, подъ присмотромъ пшабъ-лекаря Тимошки, и опдѣленіе, гдѣ суки оцелялись и кор-

мили своихъ щенящъ. Кирила Пепровичъ гордился симъ прекраснымъ заведеніемъ и никогда не упускалъ случая похвасташь онымъ предъ своими госпиями, изъ коихъ каждый осмапривалъ его по-крайней-мѣрѣ уже въ двадцатый разъ. Онъ расхаживалъ по псарьнѣ, окруженный своими госпиями и сопровождаемый Тимошкой и главными псарями, оспанавливался предъ нѣкоторыми конурами, по разспрашивая о здоровьѣ больныхъ, по дѣлая замѣчанія болѣе или менѣе спростія и справедливыя, по подзывая къ себѣ знамыхъ собакъ и ласково съ ними разговаривалъ. Госпи почитали обязанностію восхищашься псарнею Кирила Пепровича; одинъ Дубровскій молчалъ и хмурился; онъ былъ горячій охотникъ, но его состояніе позволяло ему держашь только двухъ гончихъ и одну борзую суку, и онъ не могъ удержашься опъ зависпи при видѣ сего великолѣпнаго заведенія. Что же ты нахмурился, брашъ, спросилъ его Кирила Пепровичъ; или псарня моя тебѣ не нравилась? — Нѣшъ, отвѣчалъ Дубровскій сурово, псарня чудная; врядъ ли людямъ ващимъ житье шакое, какъ вашимъ собакамъ. — Одинъ изъ псарей обидѣлся. Мы на свое житье, сказалъ онъ, благодаря Бога и барина, не жалуемся; а что правда, то правда, иному и барину не худо бы промѣняшъ усадь-

бу свою на любую здѣшнюю конуру: ему было бы и сыпнѣе и пельтѣ. Кирила Пепровичъ громко засмѣялся при дерзкомъ замѣчаніи своего холопа, а госпи въ-слѣдъ за нимъ захохотали, хотя и чувствовали, что шутки псаря могли опноситься и къ нимъ. Дубровскій поблѣднѣлъ и не сказалъ ни слова. Въ сіе время поднесли Кирилѣ Пепровичу въ лукошкѣ новорожденныхъ щеняпъ; онъ занялся ими, выбралъ двухъ, а прочихъ велѣлъ упопихъ. Между-тѣмъ Андрей Гавриловичъ скрылся, и никпо того не замѣшилъ.

Возвратясь съ госпиями и псарями домой, Кирила Пепровичъ сълъ ужинапъ, и тогда полько, не видя Дубровскаго, хватился его. Люди опвѣчали, что Андрей Гавриловичъ уѣхалъ домой. Троекуровъ пошчасъ велѣлъ его догнапъ и воропихъ непременно. Опъ-роду не выгъзжалъ онъ на охопу безъ Дубровскаго, опыпнаго и понкаго цѣнишеля псовыхъ доспоинспвѣ и безошибочнаго рѣшишеля всѣхъ возможныхъ охопничьихъ споровъ. Слуга, поскакавшій за нимъ, воропихся, когда еще сидѣли за споломъ, и доложилъ своему господину, что-дескать Андрей Гавриловичъ не послушался и не хопѣлъ воропихься. Кирила Пепровичъ, по обыкновенію своему, разгоря-

ченнѣй наливкою, осердился и въпорочно послалъ того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если онъ поспѣетъ же не прѣдѣтъ ночевать въ Покровское, то онъ Троекуровъ разсоришься съ нимъ навѣки. Слуга снова поскакалъ. Кирила Пешровичъ вспалъ изъ-за стола, оппустилъ гостей и опсправился спать.

На другой день первый вопросъ его былъ: здѣсь ли Андрей Гавриловичъ? Ему подали письмо, сложенное треугольникомъ. Кирила Пешровичъ приказалъ своему писарю читать его вслухъ и услышалъ слѣдующее:

Государь мой примилосердый!

Я до-пѣхъ-порѣ не намѣренъ прѣхавъ въ Покровское, пока не выплеще вы мнѣ псаря Парамошку съ повинною; а будещъ моя воля наказавъ его или помиловать; а я спертывъ шутокъ онѣ вашихъ холоповъ не намѣренъ, да и опъ васъ ихъ не сперплю, попомучу-что я не шушь, а спаринный дворянинъ. За симъ оспаюсь покорный ко услугамъ

Андрей Дубровский.

По нынѣшнимъ понятіямъ объ этикетѣ, такое письмо было бы весьма неприличнымъ, но

оно разсердило Кирила Пепровича не спраннымъ слогомъ, а только своею сущностию.—Какъ! закричалъ Троекуровъ, вскочивъ съ поспели босой, высылашь моихъ людей къ нему съ повинною! онъ воленъ ихъ наказывать и миловать! да что онъ въ самомъ дѣлѣ запѣялъ? да знаешь ли онъ, съ кѣмъ связывается? вопъ я жъ ево! заплачеша онъ у меня! узнаешь каково иппи на Троекурова.

Кирила Пепровичъ одѣлся и выѣхалъ на охопу съ обыкновенною своею пышностию. Но охопа не удалась; во весь день видѣли только одного зайца и того проправили; обѣдъ въ полѣ подъ палашкой также не удался, или по-крайней-мѣрѣ былъ не по вкусу Кирила Пепровича, который прибилъ повара, разбранилъ гостей и на возвращномъ пути со всею своею охопою нарочно поѣхалъ полями Дубровскаго.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Прошло нѣсколько дней и вражда между двумя сосѣдами не унималась. Андрей Гавриловичъ не возвращался уже въ Покровское, а Кирила Пепровичъ безъ него скучалъ, и досада его изливалась въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ, копорья, благодаря усердію шамошнихъ дворянъ, доходили до Дубровскаго исправленія и дополненія. Новое обстоятельство уничтожило и послѣднюю надежду на примиреніе.

Дубровскій объѣзжалъ однажды малое свое владѣніе; приближаясь къ березовой рощѣ, услышалъ онъ удары шопора и чрезъ минушу прескъ повалившася дерева; онъ поспѣшилъ шуда и наѣхалъ на Покровскихъ мужиковъ, ворующихъ его лѣсъ. Увидя его, они бросились было бѣжать; но Дубровскій съ своимъ кучеромъ поймалъ одного

изъ нихъ, копораго привелъ связаннаго къ себѣ на дворъ; сверхъ пного двѣ лошади непріятельскія dospались тушь же въ добычу побѣдителю. Дубровскій былъ чрезвычайно сердитъ; прежде сего никогда люди Троекурова, извѣстные разбойники, не осмѣливались шалишь въ предѣлахъ его владѣнія, зная короткую связь его съ ихъ господиномъ; теперь Дубровскій увидѣлъ, что они пользуются разрывомъ, происшедшимъ между нимъ и его сосѣдомъ, и рѣшился, вопреки всѣмъ понятіямъ о правѣ войны, проучить своихъ плѣнниковъ прущьями, коими они сами запаслись въ его роцѣ, а лошадей опдашь въ работу, приписавъ къ барскому скопу.

Слухъ о семъ происшествіи въ топъ же день dospигъ до ушей Кирила Пепровича. Онъ вышелъ изъ себя и въ первую минушу гнѣва хотѣлъ было со всѣми своими дворовыми учинить нападеніе на Киспеневку (такъ называлась деревня его сосѣда), разорить ее до пла и осадить самого помѣщика въ его усадьбѣ; шаковыя подвиги были ему не въ-диковинку; но мысли его приняла вскорѣ другое направленіе. Расхаживая шажелыми шагами взадъ и впередъ по залѣ, онъ взглянулъ нечаянно въ окно и увидѣлъ у воропъ оспановившуюся шройку; человѣкъ, въ кожаномъ

каршувъ и въ фризовой шинели, вышелъ изъ пелеги и пошелъ во флигель къ прикащику. Троекуровъ узналъ застѣпеля Шабашкина и велѣлъ его позвать. Черезъ минушу уже Шабашкинъ стоялъ предъ Кирилою Пепровичемъ, опившаяся поклонъ за поклономъ и съ благоговѣніемъ ожидая, что онъ ему скажетъ.

«Здорово, какъ бишь тебя зовутъ?» сказалъ ему Троекуровъ; зачѣмъ пожаловалъ?»

— Я ѣхалъ въ городъ, ваше высокопревосходительство, опивчалъ Шабашкинъ, и заѣхалъ къ Ивану Демьянову узнать, не будетъ ли какихъ приказаній.

«Очень къспати заѣхалъ, какъ бишь тебя зовутъ?» мнѣ до тебя нужда; выпей водки и выслушай.

Таковой ласковой пріемъ пріятно изумилъ застѣпеля; онъ ошказался опъ водки и спалъ слушавъ Кирилу Пепровича со всевозможнымъ вниманіемъ.

«У меня сосѣдъ естъ, сказалъ Троекуровъ, мелкопомѣстный, грубіянь; я хочу взять у него имѣніе; какъ ты объ этомъ думаешь?»

— Ваше высокопревосходительство, имѣются ли какіе-нибудь докуменшы?.....

«Врешь, братецъ, какъ бишь тебя? какіе ипуть докуменшы? Дѣлю въ помѣ, чптобы оппяпъ имѣніе и съ докуменшами и безъ докуменповъ.

— Ваше высокопревосходительство, мудрено.

«Подумай, братецъ, понщи хорошепко.

— Если бы, напримѣръ, ваше высокопревосходительство могли достать какимъ-нибудь образомъ опъ сосѣда записъ, въ силу которой владептъ онъ своимъ имѣніемъ, по конечно.....

«Понимаю, да вопъ бѣда: у него всѣ бумаги сгорѣли во время пожара.

— Какъ, ваше высокопревосходительство, бумаги его сгорѣли? Чего же вамъ лучше? въ такомъ случаѣ извольте дѣйствовать по законамъ; безъ всякаго сомнѣнія, получите совершенное удовольствіе. —

«Ты думаешь? Ну, смотри же, я полагаюсь на швое усердіе, а въ благодарности моей можешъ быпъ увѣренъ.»

Шабашкинъ , поклонившись почти до земли, вышелъ воиъ, съ пого же дня спать хлопоташъ по замышленному дѣлу и, благодаря его проворству, ровно чрезъ двѣ недѣли Дубровскій получилъ изъ города приглашеніе явиться въ судъ и представивъ докуменшы, въ силу которыхъ онъ владѣетъ сельцомъ Киспеневкою.

Андрей Гавриловичъ изумился и въ попѣ же день написалъ въ опвѣшъ довольно грубое опношеніе, въ космѣ объяснялъ онъ, что село Киспеневка доспалось ему по смерти покойнаго его родишеля, что онъ владѣетъ имъ по праву наслѣдства, что Троекурову до него дѣла нѣтъ, и что всякое постороннее припязаніе на сію его собственносшь—есшь ябеда и мошенничесство.

Это письмо произвело весьма пріятное впечатлѣніе въ душѣ засѣдашеля Шабашкина; онъ увидѣлъ: во-первыхъ, что Дубровскій мало знаешъ полку въ дѣлахъ; во-вторыхъ, что человека, споль горячаго и неосмопришельнаго, не спрудно будешъ поставивъ въ самое невыгодное положеніе.

Андрей Гавриловичъ, разсмопрѣвъ хладнокровно сдѣланный ему запросъ, увидѣлъ необходимость

опвѣчать обстоятельныѣ; онъ написалъ довольно дѣльную бумагу; но она въ послѣдствіи оказалась недоспапочною.

Дѣло спало шянупься. Увѣренный въ своей правотѣ, Андрей Гавриловичъ мало объ немъ заботился, не имѣлъ ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, первый прунилъ надъ продажною совѣстью чернильнаго племени, и мысль, сдѣлаться жерпвою ябеды, не приходила ему въ голову. Съ своей стороны Троекуровъ споль же мало думалъ о выигрышѣ запѣянаго имъ дѣла; Шабашкинъ за него хлопошалъ, дѣйствуя опъ его имени, спращая и подкупая судей и полкуя вкривъ и вкосъ всѣ возможные указы. Какъ бы то ни было, 18... года февраля 9-го дня Дубровскій получилъ чрезъ городовую полицію приглашеніе явиться въ *** земскій судъ для выслушанія рѣшенія онаго по дѣлу спорнаго имѣнія между имъ поручикомъ Дубровскимъ и генераль-аншефомъ Троекуровымъ, и для подписки своего удовольствія или неудовольствія. Въ шопъ же день Дубровскій опсправился въ городъ; на дорогѣ обогналъ его Троекуровъ; они гордо взглянули другъ на друга, и Дубровскій замѣшилъ злобную улыбку на лицѣ своего прошивника.

Пріѣхавъ въ городъ, Андрей Гавриловичъ остановился у знакомаго купца, ночеваль у него и на другой день упромъ явился въ присушствіе уѣзднаго суда. Никшо не обрапилъ на него вниманія. Въ слѣдъ за нимъ пріѣхаль и Кирила Пепровичъ; члены встрѣшили его съ изъявленіемъ глубокаго подобоспрасшія, придвинули къ нему кресла, изъ уваженія къ его чину, лѣшамъ и до-родности; онъ сѣлъ; Андрей Гавриловичъ, стоя, прислонился къ спѣнѣ. Наспала глубокая тишина, и секретарь началъ звонкимъ голосомъ читать опредѣленіе суда. О содержаніи его говорить не нужно. Секретарь умолкнулъ; засѣдатель вспаль и съ низкимъ поклономъ обрапился къ Троекурову, приглашай его подписать предлагаемую бумагу. Торжествующій Троекуровъ взялъ изъ рукъ его перо и подписалъ подь рѣшеніемъ суда свое совершенное удовольствіе.

Очередь была за Дубровскимъ; секретарь поднесъ ему бумагу; но Дубровскій споялъ неподвижно, пошупя голову. Секретарь повпорилъ ему свое приглашеніе: подписать свое полное и совершенное удовольствіе, или свое явное неудовольствіе, если, паче чаянія, чувспвуешь по совѣспи, что дѣло его еспь правое и намѣрень

въ положенное законами время просишь по апелляціи, куда слѣдуешь.

Дубровскій молчалъ вдругъ онъ поднялъ голову, глаза его засверкали, онъ топнулъ ногою, опшполкнулъ секретаря съ такою силою, что топъ уналь, схватилъ чернильницу и пустилъ ею въ заѣдапеля. Всѣ пришли въ ужасъ. Спорожа сбѣжались на шумъ и насилу имъ овладѣли. Его вывели и усадили въ сани. Троскуровъ вышелъ въ слѣдъ за нимъ, сопровождаемый всѣмъ судомъ; внезапное сумасшесствіе Дубровскаго сильно подѣйствовало на его воображеніе; судьи, надѣявнїеся на его благодарность, не удостоились получить отъ него ни одинаго привѣщиваго слова; онъ топчасъ опсправился въ Покровское, впайнѣ мучимый совѣспію и не вполне удовлетворенный поржесствомъ своей ненависти. Дубровскій между-птѣмъ лежалъ въ постели; уѣздный лекаръ (не совѣмъ невѣжа) успѣлъ пустишь ему кровь, приставилъ пїявки и шпанскія мухи; къ вечеру спало ему легче, и на другой день опсправили его въ Киспсневку, почти уже ему непринадлежащю.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Прошло нѣсколько времени, а здоровье больного Дубровскаго было все еще плохо. Правда, припадки сумасшесствія уже не возобновлялись, но силы его примѣпно ослабѣвали. Онъ забывалъ свои прежнія занятія, рѣдко выходилъ изъ своей комнаты и задумывался по цѣлымъ суткамъ. Егоровна, добрая спаруха, нѣкогда ходившая за его сыномъ, теперь сдѣлалась его нянькою. Она смошрѣла за нимъ какъ за ребенкомъ, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гавриловичъ повиновался ей, и кромѣ ея не имѣлъ ни съ кѣмъ сношенія. Онъ былъ не въ состояніи думать о своихъ дѣлахъ, о хозяйственныхъ распоряженіяхъ, и Егоровна увидѣла необходимость уведомить обо всемъ молодого Дубровскаго, служившаго въ одномъ изъ гвардіи пѣхотныхъ полковъ и находящагося въ

по время въ П. б. И такъ, оподравъ листъ опъ расходной книги, она продиктовала повару Харипону, единственному Киспеневскому грамотику, письмо, которое въ тошъ же день и отослала въ городъ на почту.

Но пора чипапеля познакомить съ наспоющимъ героемъ нашей повѣспи.

Владимиръ Дубровскій воспитывался въ Кадепскомъ корпусѣ, и выпущенъ былъ корнетомъ въ гвардію. Опець не щадилъ ничего для приличнаго его содержанія, и молодой человекъ получалъ изъ дому болѣе, нежели долженъ былъ ожидать. Будучи пылокъ и честолюбивъ, онъ позволялъ себѣ роскошныя прихоти; игралъ въ карты, входилъ въ долги, и не заботясь о будущемъ, иногда мимоходомъ думалъ, что рано или поздно ему придется взять богатую невѣсту.

Однажды вечеромъ, когда нѣсколько офицеровъ сидѣли у него, развалившись по диванамъ и куря изъ его янтарей, Гриша, его камердинеръ, подаль ему письмо, коего надпись и печать пошчасъ поразили молодого человека. Онъ поспѣшно распечаталъ и прочелъ слѣдующее:

«Государь ты нашъ Владиміръ Андреевичъ, я, пвоя старая нянька, осмѣлюсь доложитъ тебѣ о здоровьѣ папенькиномъ. Онъ очень плохъ, иногда заговаривается, и весь день сидитъ какъ дитя глупое — а въ животи и смерти Богъ воленъ — прѣзжай ты къ намъ, соколикъ мой ясный, мы тебѣ и лошадей вышлемъ на Песочное. Слышно, земскій судъ къ намъ ѣдетъ отдашь насъ подъ начальъ Кирилу Пешровичу Троекурову — попому что мы-дескать ихніе, а мы искони ваши — и опть роду того не слыхивали. Ты бы могъ, живя въ Петербургъ, доложитъ о томъ Царю-Башюшкѣ, а Онъ бы не далъ насъ въ обиду. Оспаюсь пвоя вѣрная раба нянька Арина Егоровна Бузырева.»

Владиміръ Дубровскій съ волненіемъ нѣсколько разъ сряду прочиталъ сіи довольно безполковыя строки. Онъ лишился мапери въ малолѣтствѣ, и почти не зная отца своего, былъ привезенъ въ П. б. на восьмомъ году своего возраста. За всѣмъ тѣмъ онъ романически былъ къ нему привязанъ, и тѣмъ болѣе любилъ семейственную жизнь, чѣмъ менѣе успѣлъ насладиться ея тихими радостями.

Мысль поперять отца своего пятгоспно пер-

зала его сердце, а положеніе бѣднаго больнаго, которое угадывалъ онъ по письму своей няни, ужасало его. Онъ воображалъ опца, оставшагося въ глухой деревнѣ, на рукахъ глупой спарухи и дворни..... угрожаемаго какимъ-то бѣдспвіемъ и угасающаго безъ помощи въ мученіяхъ пѣлесныхъ и душевныхъ. Владиміръ Андреевичъ упрекалъ себя въ пресупномъ небреженіи. Долго не получая опть опца никакого извѣспія, онъ и не подумалъ о немъ освѣдомишься, полагая его въ разтѣздахъ или хозяйшвенныхъ заботахъ.

Онъ рѣшился къ нему ѣхать и даже выйши въ опспавку, если болѣзненное соспоііе опца попребуешъ его присупствія. Товарищи, замѣшя его безпокойспво, ушли. Владиміръ, оставшись одинъ, написалъ просьбу обь оппускѣ, закурилъ трубку и погрузился въ глубокое размышленіе.....

Владиміръ Андреевичъ приближался къ той станціи, съ которой онъ долженъ былъ сворочить на Киспеневку. Сердце его исполнено было печальныхъ предчувспвій: онъ боялся уже не заспавъ опца въ-живыхъ; онъ воображалъ грустный образъ жизни, ожидающей его въ дерев-

нѣ; глушь, безлюдье, бѣдность и хлопоты по дѣламъ, въ коихъ онъ не зналъ никакого полку. Приѣхавъ на станцію, онъ вошелъ къ смоприселю и спросилъ вольныхъ лошадей. Смоприсель освѣдомился, куда надобно было ему ѣхать, объявилъ, что лошади, присланныя изъ Киспенева, ожидали его уже чепвершья сутки. Вскорѣ явился къ Владиміру Андреевичу спарый кучеръ Анпонъ, нѣкогда водившій его по конюшнѣ и смопрѣвшій за его маленькой лошадкою. Анпонъ прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказалъ ему, что спарый его баринъ еще живъ и побѣжалъ запрягать лошадей. Владиміръ Андреевичъ отказался опгь предлагаемаго завтрака и спѣшилъ отправиться. Анпонъ повезъ его проселочными дорогами и между ними завязался разговоръ.

« Скажи, пожалуйста, Анпонъ, какое дѣло у опца моего съ Троекуровымъ? »

— А Богъ ихъ вѣдаешъ, батюшка Владиміръ Андреевичъ; баринъ, слышь, не поладилъ съ Кирилой Пешровичемъ, а пошъ и подалъ въ судъ — хопъ почасту онъ самъ себѣ судія. Не наше холопье дѣло разбирать барскія ихъ воли; а ей-Богу, напрасно батюшка вашъ пошелъ на

Кирилу Пепровича: плешью обуха не перешибешь.

«Такъ видно эштошь Кирила Пепровичъ у васъ дѣлаешъ, что хочешъ?»

— И вѣспимо, баринъ: застѣдапеля, слышь, онъ и въ грошъ не спавишъ, исправникъ у него на-посылкахъ; господа съѣзжающя къ нему на поклонъ; и то сказашъ, было бы корыпко, а свиньи-шо будушъ. —

«Правда ли, что опымаешъ онъ у насъ имѣнїе?»

— Охъ, баринъ, слышали пакъ и мы. На-днѣяхъ Покровской пономарь сказалъ на креспинахъ у нашего старосшы: полно вамъ гуляшъ; вопъ ужо приберешъ васъ къ рукамъ Кирила Пепровичъ; а Микипа кузнецъ сказалъ ему: полно, Савельичъ, не печаль кума, не муши гостей. Кирила Пепровичъ самъ по себѣ, а Андрей Гаврилычъ самъ по себѣ — а всѣ мы Божїи да Государевы; а на чужой рошъ пуговицы не нашешъ. —

«Спало бышъ, вы не желаше перейши во владѣнїе Троекурова?»

— Во владѣніе Кирилы Пепровича! Господь упаси и избави! — у него шамъ и своимъ плохо приходится, а доспанулся чужіе, такъ онъ съ нихъ не полько шкуру, да и мясо - по опдересть. Нѣтъ, дай Богъ долго здравствовать Андрею Гавриловичу; а коли ужъ Богъ его прибереть, такъ не надо намъ никого, кромѣ себя, нашъ кормилецъ. Не выдавай пы насъ, а мы ужъ за себя спанемъ. — При сихъ словахъ Аншонъ размахнулъ кнупомъ, пряхнулъ возжами, и лошади побѣжали крупной рысью.

Тронутый преданностію спараго кучера, Дубровскій замолчалъ и предался своимъ размышленіямъ. Прошло болѣе часу, вдругъ Гриша пробудилъ его восклицаніемъ: *Вотъ Покровское!* Дубровскій поднялъ голову. Онъ ѣхалъ берегомъ широкаго озера, изъ копораго выпекала рѣчка, извивавшаяся между холмами. На одномъ изъ нихъ, надъ густою зеленью роци, возвышалась зеленая кровля и бельведеръ огромнаго каменнаго дома — пятиявая церковь и спаринная колокольня, около разбросаны были деревенскія избы съ ихъ огородами и колодцами. Дубровскій узналъ сіи мѣста; онъ вспомнилъ, что на семь самомъ холмѣ игралъ онъ съ маленькой Машей Троекуровой, копорая была двумя годами его моложе и

погда уже общала бышь красавицею. Онъ хотѣлъ объ ней освѣдомиться у Антона, но какая-то заспѣчивость удержала его.

Подѣхавъ къ господскому дому, онъ увидѣлъ бѣлое платье, мелькающее между деревьями сада. Въ это время Антонъ ударилъ по лошадамъ, и повинуясь честолюбію — общему и деревенскимъ кучерамъ какъ и извозчикамъ, пустился во весь духъ черезъ мостъ и мимо сада. Выѣхавъ изъ деревни, поднялись они на гору и Владиміръ увидѣлъ березовую рощу, а вѣво на открытомъ мѣстѣ сврелькій домикъ съ красною кровлею; сердце въ немъ забилося — передъ нимъ была Киспневка и бѣдный домъ отца его.

Черезъ десять минутъ вѣхалъ онъ на барскій дворъ. Онъ смотрѣлъ вокругъ себя съ волненіемъ неописаннымъ. 12-ть лѣтъ не видалъ онъ своей родины. Березки, которыя при немъ только-что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣшвыспыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный премо правильными цвѣпниками, межъ крими шла широкая дорога, щцапельно выметасмая, обращенъ былъ въ некошеный лугъ, на которомъ паслася спущанная лошадь. Собаки было залаяли, но уз-

навѣ Аншона, умоляли и замахали космапными хвостами. Дворня высыпала изъ людскихъ избъ и окружила молодого барина съ шумными изъявленіями радости. Насилу могъ онъ продрапаться сквозь ихъ усердную толпу, и взбѣжалъ на вешное крыльцо; въ сѣняхъ встрѣшила его Егоровна и съ плачемъ обняла своего воспитанника. — Здорово, здорово, няня, повпорялъ онъ прижимая къ сердцу добрую спаруху; чпо бапюшка, гдѣ онъ? каковъ онъ? Въ эту минупу въ залу вошелъ, насилу передвигая ноги, спарикъ высокаго роста, блѣдный и худой, въ халатъ и колпакъ. «Гдѣ жъ Володька?» сказалъ онъ слабымъ голосомъ, и Владиміръ съ жаромъ обнялъ отца своего. Радость произвела въ больномъ слишкомъ сильное попрысаніе, онъ ослабѣлъ, ноги подъ нимъ подкосились, и онъ бы упалъ, если бы сынъ не поддержалъ его. «Зачѣмъ ты вешалъ съ поспели, говорила ему Егоровна, на ногахъ не спишь, а туда же норовишь, куда и люди.» Спарика опнесли въ спальню. Онъ сѣлся съ нимъ разговаривать, но мысли мѣшались въ его головѣ, и слова его не имѣли никакой связи. Онъ замолчалъ и впалъ въ усыпленіе. Владиміръ пораженъ былъ его состояніемъ. Онъ расположился въ его спальнѣ и просилъ оспавишь его наединѣ съ опцемъ. Доманніс повиновались, и

погда всѣ обратились къ Гришѣ и повели его въ людскую, гдѣ и угостили его по-деревенскому со всевозможнымъ радушіемъ, измучивъ его вопросами и привѣщствіями.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ.

Нѣсколько дней спустя послѣ своего прїѣзда, молодой Дубровскій хопѣлъ занялся дѣлами, но опецъ его былъ не въ состояніи дать ему нужныхъ объясненій; не было повѣреннаго у Андрея Гавриловича. Разбирая его бумаги, нашель онъ только первое письмо засѣдателя и черновой опвѣсть на оное. Изъ этого не могъ онъ получить ясное понятіе о тяжбѣ, и рѣшился ожидать послѣдствій, надѣясь на правоту самаго дѣла.

Между-тѣмъ здоровье Андрея Гавриловича часъ-опъ - часу становилось хуже. Владиміръ предвидѣлъ его скорое разрушеніе и не опходилъ опъ старика, впадшаго въ совершенное дѣпшевво.

Между-тѣмъ срокъ положенный прошелъ, и апелляція не была подана. Киспенево принадлежало Троекурову. Шабашкинъ явился къ нему съ поклонами и поздравленіями и просьбою назначить : когда угодно будетъ Троекурову вступить во владѣніе новопріобрѣщеннымъ имѣніемъ — самому или кому изволишь онъ дать на то довѣренность? Кирила Петровичъ смутился. Опъ природы не былъ онъ корысполюбивъ ; желаніе мести завлекло его слишкомъ далеко ; совѣсть его ропсала. Онъ зналъ, въ какомъ состояніи находился его прошивникъ, старый товарищъ его молодости — и побѣда не радовала его сердца. Онъ грозно взглянулъ на Шабашкина, ища къ чему привязаться, чпобъ его выбранишь, но не нашедъ достапочнога къ тому предлога, сказалъ ему сердито : « Пошелъ вонъ ; не до тебя ! » Шабашкинъ, видя, чпо онъ не въ - духъ, поклонился и спѣшилъ удалиться, а Кирила Петровичъ, оставшись наединъ, спалъ расхаживающъ взадъ и впередъ, насвистывая : *Громъ побѣды раздавайся*, чпо всегда означало въ немъ необыкновенное волненіе мыслей.

Наконецъ онъ велѣлъ запрячь себѣ бѣговыя дрожки, одѣлся пошепѣе (эшо было уже въ концѣ сентября) и, самъ правя, выгхалъ со двора.

Вскорѣ завидѣлъ онѣ домикъ Андрея Гавриловича. Противоположныя чувсва наполнили душу его. Удовлешворенное мщеніе и власполюбіе заглушали до нѣкошорой степени чувсва болѣе благородныя, но послѣднія наконецъ воспоржешвовали. Онѣ рѣшился помирись со спарымъ своимъ сосѣдомъ, уничпожись и слѣды ссоры, возврапись ему его достпояніе. Облегчивъ душу симъ благимъ намѣреніемъ, Кирила Пепровичъ пуспился рысью къ усадьбѣ своего сосѣда — и въѣхаль прямо на дворѣ.

Вѣ это время больной сидѣлъ въ спальной у окна. Онѣ узналъ Кирилу Пепровича — и ужасное смяшеніе изобразилось на лицѣ его: багровый румянецъ заспунилъ мѣсто обыкновенной блѣднпсти, глаза засверкали, онѣ произнесъ невняшныя звуки. Сынѣ его, сидѣвшій шупъ за хозяйспвенными книгами, подняль голову и пораженъ былъ его соспояніемъ. Больной указываль пальцемъ на дворѣ, съ видомъ ужаса и гнѣва. Онѣ шпорплся подбирать полы своего халапа, собираясь вспашъ съ кресель, приподнялся — и вдругъ упаль. Сынѣ бросился къ нему, спарикъ лежалъ безъ чувсвъ, безъ дыханія: параличъ его удариль. «Скорѣй, скорѣй въ городъ за лекаремъ!» кричалъ Владиміръ. Кири-

ла Петровичъ спрашиваетъ васъ, сказалъ вошедшій слуга. Владиміръ бросилъ на него ужасный взглядъ. — Скажи Кирилу Петровичу, чпобъ онъ скорѣе убирался, пока я не велѣлъ его выгнать со двора — пошелъ! — Слуга радостно побѣжалъ исполнить приказаніе своего барина. Егоровна всплеснула руками. «Бапюшка ты нашъ — сказала она пискливымъ голосомъ — погубишь ты свою головушку! Кирила Петровичъ съѣстъ насъ.» — Молчи, няня, сказалъ съ сердцемъ Владиміръ. Сейчасъ пошли Антона въ городъ за лекаремъ. Егоровна вышла. Въ передней никого не было, всѣ люди сбѣжались на дворъ смотрѣть на Кирилу Петровича. Они вышли на крыльцо и слышали опвѣтъ слуги отъ имени молодого барина. Кирила Петровичъ выслушалъ его, сидя на дрожкахъ; лицо его стало мрачнѣе ночи; онъ съ презрѣніемъ улыбнулся, грозно взглянулъ на дворню и побѣжалъ шагомъ около двора. Онъ взглянулъ и въ окошко, гдѣ за минупу передъ симъ сидѣлъ Андрей Гавриловичъ, но гдѣ ужъ его не было. Няня стояла на крыльцѣ, забывъ о приказаніи барина. Дворня съ шумомъ полковала о семъ происшествіи. Вдругъ Владиміръ явился между людьми и опривиспо сказалъ: не надобно лекаря — бапюшка скончался.

Сдѣлалось смяшеніе. Люди бросились въ комнату спараго барина. Онъ лежалъ въ креслахъ, на копорыя перенесъ его Владиміръ; правая рука его висѣла до полу, голова спущена была на грудь — не было уже и признака жизни въ семь пѣлъ, еще не охладѣломъ, но уже обезображенномъ кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили пруръ, оспавленный на ихъ попеченіе — обмыли его, одѣли въ мундиръ, шипый еще въ 1797 году и положили на шопъ самый споль, за копорымъ сполько лѣтъ они служили своему господину.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Похороны совершились на претпій день. Тѣло бѣднаго спарика лежало въ гробѣ, покрытое саваномъ и окруженное свѣчами. Споловая полна была дворовыхъ, гошовившихся къ выносу. Владиміръ и слуги подняли гробъ. Священникъ пошелъ впередъ, дьячекъ за нимъ, воспѣвая погребальныя молишвы. Хозяинъ Киспенева въ послѣдній разъ перешелъ за порогъ своего дома. Гробъ понесли рощею — церковь находилась за нею. День былъ ясный и холодный; осенніе листья падали съ деревъ. При выходѣ изъ роши, увидѣли Киспеневскую деревянную церковь и кладбище, осыненное спарыми липами. Тамъ покоилось тѣло Владиміровой мащери; шамъ, подлѣ могилы ея, наканунѣ вырыта была свѣжая яма. Церковь полна была Киспеневскими креспьянами, пришедшими опдашь послѣднее поклоне-

нѣе господину своему. Молодой Дубровскій спалъ у крылоса; онъ не плакалъ и не молился — но лице его было спрашно. Печальный обрядъ кончился. Владиміръ первый пошелъ прощаться съ пѣломъ — за нимъ и всѣ дворовые; принесли крышку и заколошили гробъ. Бабы громко выли, мужики нерѣдко упирали слезы кулакомъ. Владиміръ и пѣ же шрое слугъ понесли гробъ на кладбище, въ сопровожденіи всей деревни. Гробъ опустили въ могилу — всѣ присущивующіе бросили въ нее по горсти песку — яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владиміръ поспѣшно удалился, всѣхъ опередилъ и скрылся въ Киспеневскую рощу.

Егоровна опгъ имени его пригласила попа и весь причетъ церковный на похоронный обѣдъ, объявивъ, что молодой баринъ не намѣренъ на ономъ присущивовашъ. И такимъ образомъ опецъ Анисимъ, попадья Федотовна и дьячекъ пѣшкомъ опправились на барскій дворъ, разсуждая съ Егоровной о добродѣтеляхъ покойника и о томъ, что по видимому ожидало его наследника. (Пріѣздъ Троекурова и пріемъ, ему оказанный, были уже извѣсны всему околodку, и шамошніе полишники предвѣщали важныя оному послѣдствія.)

«Что будешь, что будешь, сказала понадея; а жалъ, если не Владиміръ Андреевичъ будешь нашимъ господиномъ. Молодецъ, нечего сказать.»

— А кому же и бышь какъ не ему у насъ господиномъ? прервала Егоровна; напрасно Кирила Пепровичъ и горячился—не на робкаго напасть; мой соколикъ и самъ за себя поспоитъ, да и Богъ дастъ благодѣтели его не оставяшь. Больно спѣсивъ Кирила Пепровичъ! —

— Ахши, Егоровна, сказалъ дьячекъ, я скорѣе соглашусь, кажется, съ чорпомъ возишься, нежели косо взглянуть на Кирилу Пепровича. Какъ увидишь его — страхъ и ужась! а спина-то сама шакъ и гнешся, шакъ и гнешся...

— Суеша суешь! сказалъ священникъ; и Кирилъ Пепровичу оппоютъ вѣчную память, какъ нынѣ Андрею Гавриловичу; развѣ похороны будутъ побогаче, да гостей созовутъ побольше — а Богу не все ли равно?

— Ахъ, бапюшка! и мы хотѣли зазвать весь околодокъ, да Владиміръ Андреичъ не захотѣлъ. Небось, у насъ всего довольно, ешь чѣмъ угостишь — что прикажешь дѣлать? По-крайнѣй-

мѣръ коли нѣтъ людей, шакъ ужъ васъ упод-
чую, дорогіе госпи.

Сіе ласковое обѣщаніе и надежда найши лако-
мый пирогъ ускорили шаги собесѣдниковъ, и они
благополучно прибыли въ барской домъ, гдѣ спомъ
былъ уже накрытъ и водка подана.

Между-тѣмъ Владиміръ углублялся въ чащу
деревъ, движеніемъ и успалостію спараясь за-
глушивъ душевную скорбь. Онъ шель, не замѣ-
чая дороги; сучья поминутно задѣвали и цара-
пали его, ноги его поминутно вязли въ боло-
тъ — онъ ничего не замѣчалъ. Наконецъ достиг-
нулъ онъ маленькой лощины, со всѣхъ споронъ
окруженной лѣсомъ; ручеекъ извивался молча око-
ло деревьевъ, полуобнаженныхъ осенью. Влади-
міръ остановился, сѣлъ на холодный дернъ, и
мысли одна другой мрачнѣе спѣснились въ душѣ
его. . . Сильно чувствовалъ онъ свое одиночество —
будущее для него являлось покрытымъ грозны-
ми тучами. Вражда съ Троекуровымъ предвѣща-
ла ему новыя несчастія. Бѣдное его достояніе
могло опойши опъ него въ чужія руки — въ та-
комъ случаѣ нищета ожидала его. Долго сидѣлъ
онъ неподвижно на помъ же мѣспѣ, взирая на
тихое теченіе ручья, уносящаго нѣсколько по-

блеклыхъ лисьевъ, и живо предспавлялось ему подобіе жизни — подобіе, споль вѣрное, обыкновенное. Наконецъ замѣпилъ онъ, что начало смеркаться; онъ вспалъ и пошелъ искапъ дороги домой, но еще долго блуждалъ по незнакому лѣсу, пока не попалъ на тропинку, копорая и привела его прямо къ воропамъ его.

Навспрвчу Дубровскому попался попъ со вѣмъ причепомъ. Мысль о несчастливомъ предзнаменованіи пришла ему въ голову. Онъ невольнo пошелъ споронoю и скрылся за деревьями. Они его не замѣпили, и съ жаромъ говорили между собою: «Удались опъ зла и сопвори благо,» говорилъ попъ попадѣ. Нечего намъ здѣсь оспавашься — не швоя бѣда, чѣмъ бы дѣло ни кончилось.» Попадѣ что-то ошвѣчала, но Владиміръ не могъ ея разслышашъ.

Приближаясь къ дому, увидѣлъ онъ множеспво народу: креспьяне и дворовые люди полпились на барскомъ дворѣ. Издали услышалъ Владиміръ необыкновенный шумъ и говоръ. У сарая спояли двѣ шройки. На крыльцѣ нѣсколькo незнакомыхъ людей въ мундирныхъ сюрпукахъ, казалось, о чемъ-то полковали. «Что это значить?» спросилъ онъ сердипо у Анпона, копо-

рый бѣжалъ ему навспрѣчу; «эпо кто пакіе? и что имъ надобно?» Ахъ, бапюшка Владиміръ Андреевичъ, опвѣчалъ Аншонъ запыхавшись, судъ пріѣхалъ. Опдаюпъ насъ Троекурову, опымаюпъ насъ опъ швоей милоспи!....

Владиміръ пошупилъ голову; люди его окружили несчастнаго своего господина. «Опецъ пы нашъ, кричали они, цѣлуя ему руки, не хопимъ другаго барина, кромѣ шебя. Умремъ, а шебя не выдадимъ.» Владиміръ смопрѣлъ на нѣхъ, и мрачныя чувспва волновали его.—Спойше смирно, сказалъ онъ имъ, а я переговорю съ приказными.— «Переговори, бапюшка, закричали ему изъ толпы, да усовѣспи окаянныхъ.» Владиміръ подошелъ къ чиновникамъ. Шабашкинъ, съ карпузомъ на головѣ, споялъ подбочась и гордо взиралъ около шебя. Исправникъ, высокій и толспый мужчина, лѣпъ ппшидесяпи, съ краснымъ лицомъ и въ усахъ, увидя приближающагося Дубровскаго, крякнулъ и произнесъ охриплымъ голосомъ: «И пакъ я вамъ повшорю шо, что уже сказалъ: по рѣшенію *** уѣзнаго суда опнынъ принадлежите вы Кирилъ Пешровичу Троекурову, и коего лицо предспавляетъ здѣсь г-нъ Шабашкинъ. Слушайпесь его во всемъ, что ни прикажешъ; а вы болѣе любите и почипай-

ше его, а онъ до васъ большой охотникъ. «При сей спарой шуткѣ исправникъ захохоталъ, Шабашкинъ и прочіе члены ему послѣдовали. Владиміръ кивнулъ опъ негодованія. — Позвольте узнать, чѣмъ это значить? спросилъ онъ съ припворнымъ хладнокровіемъ у веселаго исправника. — А это по значить, опвѣчалъ замысловатый чиновникъ, что мы пріѣхали вводить во владѣніе сего Кирилу Пепровича Троекурова, и просить иныхъ прочихъ убраться по-добру, по-здорову.

«Но вы могли бы, кажется, опнеспись ко мнѣ, прежде нежели къ моимъ креспьянамъ, и объявить помѣщику опрѣшеніе опъ власпи...

— Бывшій помѣщикъ Андрей Гавриловъ сынъ Дубровскій волею Божіею помре, а ты кто пакой? сказалъ Шабашкинъ съ дерзкимъ взоромъ — мы васъ не знаемъ, да и знать не хопимъ.

— Ваше благородіе, это нашъ молодой баринъ — сказалъ голосъ изъ толпы.

— Кто тамъ смѣлъ ротъ разинуть! сказалъ грозно исправникъ, какой баринъ? Баринъ вашъ Кирила Пепровичъ Троекуровъ — слышите ли, олухи?

— Какъ не шакъ! сказалъ попъ же голосъ.

— Да это бунтъ! закричалъ исправникъ. Гей, староста, сюда!

Староста выступилъ впередъ.

— Опыщи сей же часъ, кто смѣлъ со мною разговаривать; я его! —

Староста обратился въ толпу, спрашивая, кто говоритъ? Но всѣ молчали. Вскорѣ въ заднихъ рядахъ поднялся ропотъ, началъ усиливаться и въ одну минушу превратился въ ужаснѣйшіе вопли. Исправникъ понизилъ голосъ и хотѣлъ было ихъ уговаривать. . . — Да что на него смотрѣшь, закричали дворовые — ребяпа, бери его! — и толпа двинулась. Шабашкинъ и члены земскаго суда бросились въ сѣни и заперли за собою дверь. — Ребяпа, принимай! закричалъ попъ же голосъ — и толпа стала напирать. — Спойте, крикнулъ Дубровскій — дураки! что вы? Губите и себя и меня; спускайте по дворамъ и оставьте меня въ покоѣ. — Не бойтесь, Государь милоспивъ: я буду просить Его — Онъ насъ не обидитъ — мы всѣ Его дѣти; а какъ Ему за васъ будетъ заскупиться, если вы спанете бунтовать и разбойничать?

Рѣчь молодого Дубровскаго, его звучный голосъ и величественный видъ произвели желаемое дѣйствіе. Народъ утихъ и разошелся; дворъ опушталъ; члены сидѣли въ избѣ. Владиміръ печально вышелъ на крыльцо. Шабашкинъ опперъ двери и съ униженными поклонами спалъ благодарить Дубровскаго за его милосливое заступленіе.

Владиміръ слушалъ его съ презрѣніемъ и ничего не отвѣчалъ. «Мы рѣшили, продолжалъ застѣдатель, съ вашего дозволенія оспашься здѣсь ночевать; а по уже шемно, и ваши мужики могутъ напасть на насъ на дорогѣ. Сдѣлайте такую милость, прикажите послать намъ хощь сѣна въ госпиной; чѣмъ свѣшь, мы опправимся во-свосяи.

Дѣлайте, что хощите, отвѣчалъ имъ сухо Дубровскій — я здѣсь уже не хозяинъ. — Съ этимъ словомъ онъ удалился въ комнату опца своего и заперъ за собою дверь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

«И пакъ, все кончено! сказалъ Владиміръ самъ себѣ; еще упромъ имѣлъ я уголь и кусокъ хлѣба; завтра долженъ буду оставишь домъ, гдѣ я родился. Мой отецъ, земля, гдѣ онъ покоится, будешь принадлежать ненавистному чело-вѣку, виновнику его смерти и моеѣ нищеты!... Владиміръ списнулъ зубы, и глаза его неподвижно оспановились на поршреть его мапери. Живописецъ предспавилъ ее облокоченною на перила, въ бѣломъ упреннемъ плапъѣ, съ одною розою въ волосахъ. — И поршреть эпопъ до-спанешся врагу моего семейства — подумалъ Владиміръ; онъ заброшенъ будепъ въ кладовую вмѣстѣ съ изломанными спульями, или повѣшенъ въ передней, предметомъ насмѣшекъ и замѣчаній его исарей; а въ ея спальней, въ комнапъ, гдѣ умеръ отецъ, поселишся его прикащикъ или

помѣспился его гаремъ. — Ишь, ишь! пускай же и ему не доспанется печальный домъ, изъ котораго онъ выгоняетъ меня. — Владиміръ списнулъ зубы; спрашныя мысли раждались въ умъ его. Голоса подъячихъ доходили до него; они хозяйничали, пребовали по шого, по другаго, и непріятно развлекали его среди печальныхъ его размышленій. Наконецъ все упихло.

Владиміръ опперъ комоды и ящички и занялся разборомъ бумагъ покойнаго. Онъ большею частію состояли изъ хозяйспвенныхъ счеповъ и переписки по разнымъ дѣламъ. Владиміръ разорвалъ ихъ не чипая. Между ними попался ему пакетъ, съ надписью: *Письма моей жены*. Съ сильнымъ движеніемъ чувства Владиміръ принялся за нихъ: они писаны были во время Турецкаго похода, и были адресованы въ армію изъ Киспенева. Она описывала ему свою деревенскую жизнь и хозяйспвенныя занятія; съ нѣжностію съповала на разлуку и призывала его домой, въ объятія доброй подруги. Въ одномъ изъ нихъ она изъясляла ему свое безпокойспво на счепъ здоровья маленькаго Владиміра; въ другомъ она радовалась его рапнимъ способностямъ и предрекала для него счастливую и блестящую будущность. Владиміръ зачипался, и погруженный ду-

шею въ міръ семейственнаго счастья, не замѣтилъ, какъ прошло время: спѣнные часы пробили одиннадцать. Владиміръ положилъ письма въ карманъ, взялъ свѣчу и вышелъ изъ кабинета. Въ залѣ приказные спали на полу. На столѣ стояли спаканы, ими опорожненные, и сильный духъ рому слышенъ по всей комнагѣ. Владиміръ съ опвораченіемъ прошелъ мимо ихъ въ переднюю. Тамъ было темно. Кто-то, увидя свѣшъ, бросился въ уголь. Обрапясь къ нему со свѣчею, Владиміръ узналъ Архипа кузнеца.

« Зачьмъ ты здѣсь? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— Я хопѣлъ... я пришелъ-было провѣдать, всѣ ли дома? пихо опвѣчалъ Архипъ, запинаясь.

« А зачьмъ съ тобою топоръ? »

— Топоръ-то зачьмъ? Да какъ же безъ топора нонече и ходить? Эши приказные такіе, вишь, озорники — того и гляди...

« Ты пьянъ; брось топоръ, поди выпись. »

— Я пьянъ? батюшка, Владиміръ Андреевичъ, Богъ свидѣтель, ни единой капли во рту не бы-

ло... да и пойдешь ли вино-по на умь? Слы-
хано ли дѣлю — подъячіе задумали нами вгадѣшь,
подъячіе гоняшъ нашихъ господъ съ барскаго
двора... Экъ они храпяшъ, окаянныя; всѣхъ бы
разомъ, такъ и концы въ воду.

Дубровскій нахмурился.

«Послушай, Архипъ, сказалъ онъ, немного по-
молчавъ, оставь свои зашѣи — не приказныя ви-
новаты. Засвѣщи-ка фонарь, да спускай за мною.

Архипъ взялъ свѣчку изъ рукъ барина, опыс-
калъ за печкою фонарь, засвѣпилъ его, и оба
пихо сошли съ крыльца и пошли около двора.
Спорожь началъ бить въ чугунную доску; соба-
ки залаяли. «Кю на-спорожахъ? спросилъ Дуб-
ровскій. — Мы, бапюшка, отвѣчалъ тонкій го-
лось: Василиса да Лукерья. «Подиде по дво-
рамъ, сказалъ имъ Дубровскій, вась не нужно.»
Шабашъ, примолвилъ Архипъ. Спасибо, корми-
лецъ, отвѣчали бабы, и топчась отправились
домой.

Дубровскій пошелъ далѣе. Два человекъ при-
близилась къ нему; они его окликали; Дубров-
скій узналъ голосъ Аншона и Грици. «Зачѣмъ

вы не спите? спросилъ онъ ихъ. — До сна ли намъ, отвѣчалъ Антонъ — до чего мы дожили, кто бы подумалъ...

«Тише, прервалъ Дубровский, гдѣ Егоровна?»

— Въ барскомъ домѣ, въ своей свѣпелкѣ, отвѣчалъ Гриша.

«Поди, приведи ее сюда, да выведи изъ дому всѣхъ нашихъ людей, чпобъ ни одной души въ немъ не оставалось, кромѣ приказныхъ; а ты, Антонъ, запряги шелегу. Гриша ушелъ; чрезъ минушу онъ явился съ своею матерью. Спаруха не раздѣвалась въ эту ночь; кромѣ приказныхъ никто не смыкалъ глаза.

«Всѣ ли здѣсь? спросилъ Дубровский; не осталось ли кого въ домѣ?»

— Никого, кромѣ подъячихъ, отвѣчалъ Гриша.

«Давайте сюда сѣна, или соломы, сказалъ Дубровский.

Люди побѣжали въ конюшню и возвратились назадъ съ охапками сѣна.

« Подложите подъ крыльцо, вопъ такъ. Ну, ребяша, огню!

Архипъ открылъ фонарь, Дубровскій зажегъ лучину. «Постой, сказалъ онъ Архипу, кажется, въ-поропяхъ я заперъ двери въ переднюю, поди скорѣй, отопри ихъ.

Архипъ побѣжалъ въ сѣни — двери были опперты. Архипъ заперъ ихъ на ключъ, примолвивъ вполголоса: *какъ не такъ, отопри*, и возвратился къ Дубровскому.

Дубровскій приблизилъ лучину, сѣно вспыхнуло, пламя взвилось и освѣщило весь дворъ.

— Ахпи! жалобно закричала Егоровна, Владимиръ Андреевичъ, что ты дѣлаешь!

«Молчи! сказалъ Дубровскій. Ну, дѣпи, прощайше, иду, куда Богъ поведетъ; будьте счастливы съ новымъ вашимъ господиномъ.

— Опець нашъ, кормилецъ, закричали люди, умремъ не оставимъ тебя, идемъ съ тобою.

Лошади были поданы. Дубровскій сѣлъ съ Гри-

шею въ пелегу; Аншпонъ ударилъ по лошадамъ и они выѣхали со двора.

Въ одну минушу пламя обхватило весь домъ. Полы запырещали, посыпались; пылающія бревна спали падашь, красный дымъ вился надъ кровлею; раздася жалобный вопль и крики: помогите, помогите! «Какъ не шакъ,» сказалъ Архипъ съ злобною улыбкой, взирающій на пожаръ. Архипушка, говорила ему Егоровна, спаси ихъ окальныхъ, Богъ шебя наградишь. «Какъ не шакъ» опвѣчалъ кузнецъ. Въ сію минушу приказные показались въ окна, спараясь выломить двойныя рамы. Но шумъ кровля съ прескомъ обрушилась — и вопли ушихли.

Вскорѣ вся дворня высыпала на дворъ. Бабы съ крикомъ спѣшили спасти свою рухлядь, ребяпишки прыгали, любуясь на пожаръ. Искры полешъли огненной мешелью — избы загорѣлись. «Теперь все ладно!» сказалъ Архипъ; каково горить, а? Чай изъ Покровскаго славно смошрѣшь.» Въ сію минушу новое явленіе привлекло его вниманіе: кошка бѣгала по кровлѣ пылающаго сарая, не доразумѣвъ, куда спрыгнушь. Со всѣхъ споронъ окружало ее пламя. Бѣдное живошное жалкимъ мяуканьемъ призывало на по-

мощь; мальчишки помирали со смѣху, смотря на ея опчаяніе. «Чему смѣтесея, бѣсеняпа, сказалъ сердипо кузнецъ; Бога вы не боитесь: Божія шварь погибаетъ, а вы сдуру радуетесь» — и пошавя лѣспницу на загорѣвшуюся кровлю, онъ полѣзъ за кошкою; она поняла его намѣреніе и, съ видомъ шоропливой благодарности, уцѣпилась за его рукавъ. Полуобгорѣлый кузнецъ съ своей добычей полѣзъ внизъ.» Ну, ребяпа, прощайте, сказалъ онъ смущенной дворнѣ, мнѣ здѣсь дѣлать нечего — счастливо оставаться, не поминайте меня лихомъ.» Кузнецъ ушелъ; пожаръ свирѣпствовалъ еще нѣсколько времени. Наконецъ унялся и груды углей безъ пламени ярко горѣли въ темнотѣ ночи; около нихъ бродили погорѣлыя жишпа Кистенева.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

На другой день вѣсь о пожарѣ разнеслась по всему околотку. Всѣ толковали о немъ съ различными догадками и предположеніями. Иные увѣряли, что люди Дубровскаго, напившись пьяны на похоронахъ, зажгли домъ изъ неоспорожноспи; другіе обвиняли приказныхъ, подгулявшихъ на новосельи; многіе увѣряли, что онъ самъ сгорѣлъ съ судомъ и со всѣми дворовыми. Нѣкоторые догадывались объ испинѣ и утверждали, что виновникомъ сего ужаснаго бѣдствія былъ самъ Дубровскій. Троскуровъ пріѣзжалъ на другой же день на мѣсто пожара и самъ производилъ слѣдствіе. Оказалось, что исправникъ, застѣдатель земскаго суда, спряпчій и писарь, такъ же, какъ Владиміръ Дубровскій, няня Егоровна, дворовый человекъ Григорій, кучерь Анпонтъ и кузнецъ Архипъ пропали неизвѣстно куда. Всѣ

дворовые показали, что приказные сгорѣли въ то время, какъ повалилась кровля. Обгорѣлыя кости ихъ были разрыты. Бабы, Василиса и Лукерья, сказали, что Дубровскаго и Архипа кузнеца видѣли онѣ за нѣсколько минутъ передъ пожаромъ. Кузнецъ Архипъ, по всеобщему показанію, былъ живъ и, вѣроятно, главный, если не единственнѣй виновникъ пожара. На Дубровскомъ лежали сильныя подозрѣнія. Кирила Пепровичъ послалъ губернатору подробное описаніе всему происшествію, и новое дѣло завязалось.

Вскорѣ другія вѣспи дали другую пищу любопытству и толкамъ. Появились разбойники и распространили ужасъ по всемъ окрестностямъ. Мѣры, принятыя противъ нихъ, оказались недостаточными. Грабительства, одно другаго замѣчательнѣе, слѣдовали одно за другимъ. Не было безопасности ни по дорогамъ, ни по деревнямъ. Нѣсколько шоекъ, наполненныхъ разбойниками, разъѣзжали днемъ по всей губерніи, останавливали путешественниковъ и почту, прѣзжали въ селы, грабили помещичьи дома и предавали ихъ огню. Начальникъ шайки славился умомъ, отважностью и какимъ-то великодушіемъ. Рассказывали о немъ чудеса. Имя Дубровскаго было во всехъ устахъ, всѣ были увѣрены,

что онъ, а никакъ другой предводительствоваль опважными злодѣями. Удивлялись одному. Помѣстья Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого сарая, не оспановили ни одного воза. Съ обыкновенной своей надменностью Троекуровъ приписываль се исключеніе спраху, копорый умѣль онъ внушилъ всей губерніи, пакже и опмѣнно хорошей полиціи, имъ заведенной въ его деревняхъ. Сначала сосѣди смѣялись надъ высококомѣріемъ Троекурова, и каждый ожидаль, чтообъ незваные госпи поспили Покровское, гдѣ было имъ чѣмъ поживипься, но наконецъ принуждены были съ нимъ согласипься и сознапья, что и разбойники оказывали ему непоняпное уваженіе. Троекуровъ поржеспвоваль, и при каждой вѣспи о новомъ грабипельспвѣ Дубровскаго разсыпался намеками на счепъ губернатора, исправниковъ и ропныхъ командировъ, опъ коихъ Дубровскій уходилъ всегда невредимо.

Между-тѣмъ наступило 1-е октябрия, день храмоваго праздника въ селѣ Троекурова. Но прежде, нежели приступимъ къ описанію дальнѣйшихъ происшеспвій, мы должны познакомипь чипапеля съ лицами, для него новыми, или о коихъ мы слегка только упомянули въ началѣ нашей повѣспи.

ГЛАВА ОСЬМАЯ.

Чишашель вѣроятно уже догадался, что дочь Кирила Пепровича, о которой сказали мы еще только нѣсколько словъ, есть героиня нашей повѣсти. Въ эпоху, нами описываемую, ей было 17 лѣтъ, и красота ея была въ полномъ цвѣтѣ. Отецъ любилъ ее до безумія, но обходился съ нею съ свойственнымъ ему своенравіемъ, поспраиваясь угождать малѣйшимъ ея прихотямъ, по пугая ее суровымъ, а иногда жестокимъ обращеніемъ. Увѣренный въ ея привязанности, никогда не могъ онъ добиться ея довѣренности. Она привыкла скрывать отъ него свои чувства и мысли, ибо никогда не могла знать навѣрно, какимъ образомъ будутъ они приняты. Она не имѣла подругъ и выросла въ уединеніи. Жены и дочери сосѣдей рѣдко ѣзжали къ Кирилъ Пепровичу, косою обыкновенные разговоры, увеселенія, шре-

бовали шоварищества мужчинъ, а не присущія дамъ. Рѣдко наша красавица являлась посреди госпей, пирующихъ у Кирила Пепровича. Огромная библіотека, составленная большею частію изъ сочиненій Французскихъ писателей XVIII вѣка, была отдана въ ея распоряженіе. Отець ея, никогда не читавшій ничего, кромѣ *Совершенной поварихи*, не могъ руководствоваться въ выборѣ книгъ, и Маша, естественнымъ образомъ, перерывъ сочиненія всякаго рода, оспановилась на романахъ. Такимъ образомъ совершала она свое воспитаніе, начашое нѣкогда подъ руководствомъ мамзель Мишо, которой Кирила Пепровичъ оказывалъ большую довѣренность и благосклонность, и которую принужденъ онъ былъ наконецъ выслать пихонько въ другое помѣстье, когда слѣдствія сего дружества оказались слишкомъ явными. Мамзель Мишо оставила по себѣ память довольно пріятную. Она была добрая дѣвушка, и никогда во зло не употребляла вліянія, которое видимо имѣла надъ Кирилою Пепровичемъ, въ чемъ отличалась она отъ другихъ наперсницъ, поминутно имъ смѣняемыхъ. Самъ Кирила Пепровичъ, казалось, любилъ ее болѣе прочихъ, и черноглазый мальчикъ, шалунъ лѣтъ 9-ти, напоминающій полуденныя черпы мамзель Мишо, воспитывался при немъ и признанъ былъ его сы-

номъ, не смотря на то, что множество босыхъ ребятишекъ, какъ двѣ капли воды похожихъ на Кирилу Петровича, бѣгали передъ его окнами и считались дворовыми. Кирила Петровичъ выписалъ изъ Москвы для своего маленькаго Саши Француза - учителя, который и прибылъ въ Покровское во время происшествій, нами теперь описываемыхъ.

Сей учитель понравился Кирилъ Петровичу своей прилипной наружностію и простымъ обращеніемъ. Онъ представилъ Кирилъ Петровичу апшеспашы и письмо отъ одного изъ родственниковъ Троекурова, у котораго четыре года жилъ онъ гувернеромъ. Кирила Петровичъ все это пересмотрѣлъ и былъ недоволенъ одною молодостию своего Француза, не потому, что полагалъ бы сей любезный недоспапокъ несовмѣстнымъ съ терпѣніемъ и опытностію, столь нужными въ несчастномъ званіи учителя, но у него были свои сомнѣнія, которыя поспѣшь и рѣшился ему объяснить. Для сего велѣлъ онъ позвать къ себѣ Машу (Кирила Петровичъ по-Французски не говорилъ, и она служила ему переводчикомъ). «Подойди сюда, Маша: скажи ты этому мусье, что, такъ и бышь, принимаю его; только съ шѣмъ, чшобъ онъ у меня за моими дѣвушка-

ми не осмѣливался волочиться, не по я его собачьяго сына переведи это ему, Маша.

Маша покраснѣла, и обратясь къ учителю, сказала ему по-Французски, что отецъ ея надѣется на его скромность и порядочное поведеніе.

Французъ ей поклонился и отвѣчалъ, что онъ надѣется заслужить уваженіе, даже если откажутъ ему въ благосклонности.

Маша слово въ слово перевела его отвѣтъ.

«Хорошо, хорошо! сказалъ Кирила Петровичъ. Не нужно для него ни благосклонности, ни уваженія. Дѣло его ходить за Сашей и учить грамотѣ да географіи — переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила въ своемъ переводѣ грубыя выраженія отца, и Кирила Петровичъ спустилъ своего Француза во флигель, гдѣ назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого вниманія на молодого Француза, воспитанная въ аристократическихъ предразсудкахъ; учитель былъ для нея родъ слуги или маспероваго, а слуга или маспе-

ровой не казался ей мужчиною. Она не замѣтила и впечатлѣнія его, произведеннаго на М-г Дефоржа, ни его смущенія, ни его пренепа, ни измѣнившагося голоса. Нѣсколько дней сряду потомъ она встрѣчала его довольно часто, не удостоивая большой внимательности. Неожиданнымъ образомъ получила она о немъ совершенно новое понятіе.

На дворѣ у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно нѣсколько медвѣжатъ и составляли одну изъ главныхъ забавъ Покровскаго помѣщика. Въ первой своей молодости медвѣжапа приводимы были ежедневно въ господнюю, гдѣ Кирила Петровичъ по цѣлымъ часамъ возился съ ними, справлявая ихъ съ кошками и щенятами. Возмужавъ, они были посажены на цѣпь, въ ожиданіи наспоющей правли. Изрѣдка ихъ выводили предъ окна барскаго дома и подкапывали имъ порожнюю винную бочку, упыканную гвоздями; медвѣдь обнюхивалъ ее, потомъ шихонько до нея допрогивался, кололъ себѣ лапы, осердясь, пощипывалъ ее сильнѣе и сильнѣе спановилась боль. Онъ входилъ въ совершенное бѣшенство, съ ревомъ бросался на бочку, покаместъ не опымали у бѣднаго звѣря предмета щечной его ярости. Случалось, что въ телегу впрягали пару медвѣдей,

волею и неволею сажали въ нее гостей, и пускали ихъ скакать на волю Божию. Но лучшею шпункою починаясь у Кирила Пепровича сладящая.

Проголодавшася медвѣдя запрутъ-бывало въ пустой комнашѣ, привязавъ его веревкою за кольцо, ввинченное въ спѣну. Веревка была длиною почти во всю комнапу, такъ-что одинъ только пропивоположный уголь могъ быть безопаснымъ отъ нападенія спрашнаго звѣря. Приводили обыкновенно новичка къ дверямъ этой комнапы, нечаянно вшлкнували его къ медвѣдю, двери запирались и несчастную жертву оставляли наединѣ съ косматымъ пуспынникомъ. Бѣдный гость, съ оборванной полою, съ оцарапанной рукою, скоро опыскивалъ безопасный уголь, но принужденъ былъ иногда цѣлыхъ при часа спояшь прижавшись къ спѣнѣ, и видѣшь, какъ разъяренный звѣрь въ двухъ шагахъ отъ него прыгалъ, становился на дыбы, ревелъ, рвался и силился до него дошпануться. Нѣсколько дней спустя послѣ прѣзда учителя, Троекуровъ вспомнилъ о немъ и вознамѣрился угостить его въ медвѣжьей комнапѣ. Для сего призвалъ его однажды упромъ, повелъ онъ его темными корридорами; вдругъ боковыя двери отворились —

двое слугъ впакиваютъ въ нее Француза, и запираютъ ее на ключъ. Опомнившись, учинель увидѣлъ привязаннаго медвѣдя; звѣрь началъ фыркашь, издали обнюхивая своего гостя и вдругъ, поднявшись на заднія лапы, пошелъ на него. . . . Французъ не смутился, не побѣжалъ и ждалъ нападенія. Медвѣдь приблизился; Дефоржъ вынулъ изъ кармана маленькой пистолеть, вложилъ его въ ухо голодному звѣрю и выстрѣлилъ. Медвѣдь повалился. Всѣ сбѣжались, двери отворились — Кирила Пепровичъ вошелъ, изумленный развязкою своей шупки.

Кирила Пепровичъ хопѣлъ непременно объясненія всему дѣлу. Кто предупредилъ Дефоржа о шупкѣ, ему приготовленной, или зачѣмъ у него въ карманѣ былъ заряженный пистолеть? Онъ послалъ за Машей. Маша прибѣжала и перевела Французу вопросы опца.

«Я не слыхивалъ о медвѣдѣ, отвѣчалъ Дефоржъ, но всегда ношу при себѣ пистолеты, потому что не намѣренъ терпѣть обиду, за которую, по моему званію, не могу претерпѣть удовлетворенія.

Маша смопрѣла на него съ изумленіемъ, и перевела слова его Кирилу Пепровичу. Кирила Пеп-

ровичъ ничего * не опвѣчалъ, вельмъ выпаципъ медвѣдя и сняпъ съ него шкуру; попомъ, обрапясь къ своимъ людамъ, сказалъ: каковъ молодецъ! не спрусиль, ей-Богу не спрусиль. Съ пой минушы онъ Дефоржа полюбиль и не думалъ уже его пробовать.

Но случай сей произвелъ еще большее впечатлѣніе на Марью Кириловну. Воображеніе ея было поражено: она видѣла мерпваго медвѣдя и Дефоржа, спокойно споящаго надъ нимъ и спокойно съ нею разговаривающаго. Она видѣла, что храброспъ и гордое самолюбіе не исключитель-но принадлежатъ одному сословію, и съ пѣхъ поръ спада оказывалъ молодому училелю уваженіе, копорое часъ-опъ-часу спановилось внимательнѣе. Между ними основались нѣкопорыя сношенія. Маша имѣла прекрасный голосъ и большія музыкальныя способности, Дефоржъ вызвалъ-ся давалъ ей уроки. Послѣ шого чипапелю не спрудно уже догадаться, что Маша въ него влюбилась, сама еще въ помъ не признавалась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Наканунъ праздника госпи начали съѣзжаться; иные оспанавливались въ господскомъ домѣ и во флигеляхъ, другіе у прикащика, прерпыи у священника, чепверпые у зажипочныхъ креспьянъ; конюшни полны были дорожныхъ лошадей, дворы и сарай загромождены разными экипажами. Въ 9-ть часовъ упра заблаговѣспили къ обѣднѣ, и все попянулось къ новой каменной церкви, поспроенной Кирилоу Пепровичемъ и ежегодно украшаемой его приношеніями. Собрались такое множеспво почешныхъ богомольцевъ, что проспые креспьяне не могли помѣспиться въ церкви, и спояли на паперши и въ оградѣ. Обѣдня не начиналась: ждали Кирилу Пепровича — онъ прѣхалъ въ коляскѣ шеспернею и шоржеспвенно пошелъ на свос мѣспо, сопровождаемый Марьею Кириловной. Взоры мужчинъ и жен-

щинъ обрапились на нее — первые удивлялись красотою, впорья со вниманіемъ осматривали ея нарядъ. Началась обѣдня; домашніе пѣвчіе пѣли на крылосѣ, Кирила Пепровичъ подпягиваль, молился, не смошря ни направо, ни налѣво, и съ гордымъ смиреніемъ поклонился въ землю, когда дьяконъ громогласно упомянулъ *и о зиждитель храма сего.*

Обѣдня кончилась. Кирила Пепровичъ первый подошелъ ко креслу; изъ церкви пригласилъ всѣхъ къ себѣ обѣдать. Всѣ двинулись за нимъ хоромъ, сосѣди подошли къ нему съ почтеніемъ, дамы окружили Машу. Кирила Пепровичъ, выходя, кланялся направо и налѣво, сѣлъ въ коляску и отправился домой. Всѣ поѣхали вслѣдъ за нимъ. Комнашы наполнены госпями; помннушно входили новыя лица и насилу могли пробираться до хозяина. Барыни сѣли чинно полукругомъ; мужчины полпились около дкры и водки, съ шумнымъ разнообразіемъ разговаривая между собою. Въ залѣ накрывали споль на 80 приборовъ; слуги суепились, разспавляли бутылки и графины, и прилаживали скашерпи. Наконецъ дворецкій провозгласилъ: кушанье спспавлено — и Кирила Пепровичъ первый пошелъ садиться за споль, за нимъ двинулись дамы и важно заняли

свои мѣста, наблюдая нѣкоторое спаршинство; барышни спѣснились межъ собою, какъ робкое стадо кѣзочекъ и выбрали себѣ мѣста одна подлѣ другой; пропивъ ихъ помѣспились мужчины; на концѣ стола сѣлъ учитель подлѣ маленькаго Саши.

Слуги спали разноситъ парелки по чинамъ, въ случаѣ недоразумѣнiя руководствуясь Лафатперовскими догадками, и почши всегда безошибочно. Звонъ парелокъ и ложекъ слился съ шумнымъ говоромъ гостей. Кирила Пепровичъ весело обзрѣвалъ свою прапезу, и вполнѣ наслаждался счастиемъ хлѣбосола. Въ это время въѣхала на дворъ коляска, запряженная шестью лошадыми. Это кто? спросилъ хозяинъ. Антонъ Пафнушьичъ, опвѣчали нѣсколько человекъ. Двери отворились — и Антонъ Пафнушьичъ Спицынъ, полспый мужчина, лѣтъ 50-ши, съ круглымъ и рябымъ лицомъ, украшеннымъ пройнымъ подбородкомъ, ввалился въ столовую, кланаясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться. «Приборъ сюда! закричалъ Кирила Пепровичъ; милоспи просимъ, Антонъ Пафнушьичъ, садись, да скажи намъ, что это значить: не былъ у моей обѣдни и къ обѣду опоздалъ? Это на тебя не похоже: ты и богомоень и покушашъ любишь.» — Виновашъ, опвѣ-

чалъ Антонъ Пафнушъичъ, привязывая салфетку въ пеплицу гороховаго кафпана, виноватъ, бапюшка Кирила Пепровичъ, я-было рано пуспился въ дорогу, да не успѣлъ опъѣхатъ и десяти верспъ, вдругъ шина у передняго колеса пополамъ — чшо прикажешь? Къ счаспію, не далеко было опъ деревни; пока до нея допацились, да опыскали кузнеца, да все кое-какъ уладили, прошло ровно при часа — дѣлатъ было нечего. Ъхатъ ближнимъ нупетъ чрезъ *Кистеневскій* лѣсъ я не осмѣлился, а пуспился въ объѣздъ. «Эге! прервалъ Кирила Пепровичъ, да шы, знатъ, не изъ храбраго десяшка; чего шы боишься?» — Какъ, чего боюсь, бапюшка Кирила Пепровичъ, а Дубровскаго-то: шого и гляди попадешся ему въ лапы. Онъ, малый, не промахъ, никому не спушишь, а съ меня, пожалуй, и двѣ шкуры сдерешъ. «За чшо жъ, братъ, шакое опшичье?» — Какъ за чшо, бапюшка Кирила Пепровичъ, а за шяжбу-то покойника Андрея Гавриловича. Не я ли, въ удовольспвіе ваше, п. е. по совѣспи и по справедливоспи, показалъ, чшо Дубровскіе владѣютъ Киспеневкою безъ всякаго на шо права, а единспвенно по снисхождепію вашему, и покойникъ (царспво ему небесное!) обѣцалъ со мною по-свойски перевѣдаться, а сынокъ, пожалуй, сдержишь слово бапюшкино. Доселъ Богъ мило-

валъ: всего-на-все разграбили у меня одинъ анбаръ, да шого и гляди до усадьбы доберешся. «А въ усадьбѣ-по будешъ имъ раздолье, замѣпилъ Кирила Петровичъ; я-чай, красная шкапулочка полнымъ-полна.»—Худо, башюшка Кирила Петровичъ; была полна, а нынче совсѣмъ опустѣла! «Полно врать, Антонъ Пафнушьичъ. Знаемъ мы васъ; куда тебѣ деньги прапишь? дома живешь свинья свиньей, никого не принимаешь, своихъ мужиковъ обдираешь—знай копишь, да и шолько.»—Вы все изволите шупишь, башюшка Кирила Петровичъ, пробормоталъ Антонъ Пафнушьичъ, улыбаясь, а мы сѣ-Богу разорились—и Антонъ Пафнушьичъ спалъ заѣдавъ барскую шупку хозяйна жирнымъ кускомъ кулебяки. Кирила Петровичъ осванилъ его и обратился къ новому исправнику, въ первый разъ къ нему въ-госпни прѣѣхавшему и сидящему на другомъ концѣ стола подлѣ учивеля.

«Ну-ка, господинъ исправникъ, докажи намъ свое удалъштво: поймай намъ Дубровскаго.

Исправникъ спрусилъ, поклонился, улыбнолся, заикнулся и произнесъ наконецъ: постараемся, ваше превосходительство.

«Гмъ! постараемся. Давно спарашешъ, а проку все-таки нѣтъ.

— Суцая правда, ваше превосходипельство, оп-
вѣчалъ совершенно смупившійся исправникъ.

Госпи захохопали.

« Люблю молодца за искренность , сказалъ
Кирила Пепровичъ. А жаль покойнаго исправни-
ка Тараса Алексѣевича: кабы не сожгли его, шакъ
въ околодкѣ было бы пише. А что слышно про
Дубровскаго? Гдѣ его видѣли въ послѣдній разъ?

— У меня, Кирила Пепровичъ; пропищаль под-
спый дамскій голось; въ прошлый впорникъ объ-
далъ онъ у меня.

Всѣ взоры обратились на Анну Савишну Гло-
бову, довольно проспую вдову, всѣми любимую
за хлѣбосольство. Всѣ съ любопытствомъ приго-
повились услышашъ ея разсказъ.

— Надобно знашь, что шому при недѣли по-
слама я прикащика на почпѣ съ письмомъ для
моего Ванюши. Сына я не балую, да и не въ со-
стояніи баловашъ , хошя бы и хопшма ; однако,
сами изволише знашь, офицеру гвардіи нужно со-
держашъ себя приличнымъ образомъ, и я съ Ва-
нюшей дѣлюсь, какъ могу, моими доходишками.

Вопшь и послала ему 2000 рублей, хопшь Дубровскій не разъ приходилъ мнѣ въ голову, да думаю: городъ близко, всего семь верспъ, авось Богъ пронесеть. Смотрю: вечеромъ мой прикащикъ возвращается, блѣдень, оборванъ и пѣшь. Я шакъ и ахнула. «Чпѣ пакое? чпѣ съ тобою сдѣлалось?» Онъ мнѣ: — мапушка Анна Савишна, разбойники ограбили, самого чупъ не убили. Самъ Дубровскій былъ шупъ, хопшьль повѣсипъ меня, да сжался и оппустилъ; за шо всего обобралъ, опнялъ и лошадь и пелегу.—Я обмерла; Царь мой небесный! чпо будепъ съ моимъ Ванюшею? Дѣлапъ нсчегю; написала я свое письмо, рассказала все и послала ему свое благословеніе безъ гроша денегъ.

«Прошла недѣля, другая. Вдругъ вѣзжаепъ ко мнѣ на дворъ коляска. Какой-шо генералъ просипъ со мною увидѣпся; милоспи просимъ. Вхидипъ ко мнѣ человѣкъ лѣпъ 35-пи, смуглый, черноволосый, въ усахъ, въ бородѣ, сущій поршрешъ Кульнева, рекомендуепся мнѣ какъ другъ и сослуживецъ покойнаго мужа Ивана Андреевича; онъ-де ѣхалъ мимо и не могъ не заѣхашъ къ его вдовѣ, зная, чпо я шупъ живу. Я угоспила его, чѣмъ Богъ послалъ, разговорилась о помъ о сѣмъ, наконецъ и о Дубровскомъ. Я рассказала

ему свое горе. Генераль мой нахмурился: «Это справно, сказалъ онъ; я слыхаль, что Дубровскій нападаешъ не на всякаго, а на извѣстныхъ богачей, да и шупъ дѣлился съ ними, а не грабишъ до-чиспа. А въ убійствахъ никто его не обвиняешъ; нѣш ли шупъ плушни? Прикажишка позвашь вашего прикащика.» Пошли за прикащикомъ. Онъ явился. Только увидѣлъ генерала, онъ шакъ и осполбенѣлъ. Расскажи-ка мнѣ, брашець, какимъ образомъ Дубровскій шебя ограбилъ и какъ онъ хопѣлъ шебя повѣсипъ? Прикащикъ мой задрожалъ и повалился генералу въ ноги. Бапюшка, виновашъ; грѣхъ попупалъ—солгалъ. Коли шакъ, опвѣчалъ генераль, шакъ изволь же рассказать барыниѣ, какъ все дѣло случилось, а я послушаю. Прикащикъ не могъ опомнишься. Ну, что-же, продолжалъ генераль, рассказывай: гдѣ ты встрѣшился съ Дубровскимъ? У двухъ сосенъ, бапюшка, у двухъ сосенъ. Что же сказалъ онъ шебѣ? Онъ спросилъ у меня: чей ты, куда ѣдешъ, зачѣмъ? Ну, а послѣ? А послѣ пошребовалъ онъ письмо и деньги. Ну, я опдалъ ему письмо и деньги. А онъ? Ну—а онъ—бапюшка, виновашъ. Ну что же онъ сдѣлалъ? Онъ возвратилъ мнѣ деньги и письмо, да сказалъ: спупай себѣ съ Богомъ, опдай это на почпу. Ну!—Бапюшка, виновашъ. Я съ шобою, голубчикъ,

управлюсь, сказалъ грозно генералъ. А вы, сударыня, прикажите обыскать сундукъ этого мошенника и отдайте его мнѣ на-руки, а я его проучу. Я догадалась, кто былъ его превосходительство; нечего мнѣ было съ нимъ толковать. Кучера привязали прикащика къ козламъ коляски; деньги нашли; генералъ у меня опобѣдалъ, попомъ попчасъ уѣхалъ и увезъ съ собою прикащика. Прикащика моего нашли на другой день въ лѣсу привязаннаго къ дубу и ободраннаго какъ липку.»

Всѣ слушали молча разсказъ Анны Савишны, особенно барышни. Многія изъ нихъ впайнѣ доброжелательствовали Дубровскому, видя въ немъ героя романическаго, особенно Марья Кириловна, пылкая мечпательница, напипанная шайнспвенными ужаами Радклифъ.

«И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя былъ самъ Дубровскій? спросилъ Кирила Пепровичъ. Очень же ты ошиблась. Не знаю кто былъ у тебя въ-госпяхъ, а только не Дубровскій.»

— Какъ, бапюшка, не Дубровскій? да кто же, какъ не онъ, выѣдетъ на дорогу и спанешъ оспанавливать прохожихъ, да ихъ осмапривать?

« Не знаю, а ужь вѣрно не Дубровскій. Я помню его ребенкомъ, не знаю почернѣли ль у него волосы, а тогда былъ онъ кудрявой, бѣлокуренькой мальчикъ; но знаю навѣрное, что Дубровскій пятью годами спарше моей Маши, и что, слѣдственно, ему не 55 лѣтъ, а около 25.

— Точно такъ, ваше превосходительство, провозгласилъ исправникъ, у меня въ карманѣ и примѣшны Владиміра Дубровскаго. Въ нихъ точно сказано, что ему опъ-роду 25 годъ.

« А! сказалъ Кирила Пепровичъ, кшапи: прощипше-ка, а мы послушаемъ: не худо намъ знашь его примѣшны; авось въ глаза попадешся, такъ не вывернешся.

Исправникъ вынулъ изъ кармана довольно замаранный листъ бумаги, развернулъ его съ важностію и спжалъ чипашъ на-распѣвъ. Примѣшны Дубровскаго, соспавленные по сказкамъ бывшихъ его дворовыхъ людей:

Опъ-роду 24 года, *роста* средняго, *лицомъ* чистъ, *бороду* брѣшъ, *глаза* имѣшъ каріе, *волосы* русые, *носъ* прямой. Примѣшны особья: паковыхъ не оказалось.

«И только? сказалъ Кирила Пепровичъ.

— Только; опивчалъ исправникъ, складывая бумагу.

«Поздравляю, г-нъ исправникъ. Ай да бумага! По эшимъ примѣшамъ не мудрено будетъ вамъ опыскашь Дубровскаго! Да кто же не средняго росна, у кого не русые волосы, не прямой носъ, да не каріе глаза? Бьюсь объ закладъ: при часа сряду будешь говорить съ самимъ Дубровскимъ, а не догадаешься, съ кѣмъ Богъ тебя свелъ. Нечего сказашь, умныя головушки приказныя.»

Исправникъ смиренно положилъ въ карманъ свою бумагу, молча принялся за гуся съ канусшой; между - пѣмъ слуги успѣли ужъ нѣсколько разъ обойти госпей, наливая каждому его рюмку. Нѣсколько бупымокъ горскаго и цымлянскаго громко были откупорены и приняты благосклонно подъ именемъ шампанскаго; лица начинали рдѣшь, разговоры спановились звонче, невняпнѣе и веселѣе.

«Нѣтъ, продолжалъ Кирила Пепровичъ, ужъ не видашь намъ шакого исправника, каковъ былъ покойникъ Тарасъ Алексѣвичъ! Эшошь былъ не

промахъ, не розиня. Жаль, что сожгли молодца, а по бы опъ него не ушелъ ни одинъ человекъ изъ всей шайки. Онъ всѣхъ бы до одинаго переловилъ, да и самъ Дубровскій бы не вывернулся. Тарасъ Алексѣевичъ деньги съ него взялъ-то бы взялъ, да и самого не выпустилъ. Таковъ былъ обычай у покойника. Дѣлашь нечего; видно, мнѣ вспуписья въ это дѣло, да пойди на разбойниковъ съ моими домашними. На первый случай опряжу человекъ двадцать, такъ они и очистишь воровскую роцу; народъ не прусливый, каждый въ - одиночку на медвѣдя ходишь; опъ разбойниковъ не попяпишься.»

— Здоровъ ли вашъ медвѣдь, бапиошка Кирила Пепровичъ? сказалъ Анпонъ Пафнушьичъ, вспомня при сихъ словахъ о своемъ космапомъ знакомцѣ и о нѣкопорыхъ шушкахъ, коихъ и онъ былъ когда-то жертвою.

« Миша приказалъ долго жить, опвѣчалъ Кирила Пепровичъ, умеръ славною смерщью опъ руки непріателя. Вонъ его побѣдипель! » Кирила Пепровичъ указалъ на учипеля Француза; « онъ опомспилъ за швою . . . , съ позволенія сказашь помнишь? »

— Какъ не помнишь? сказалъ Антонъ Пафнупьичъ, почесываясь, очень помню. Такъ Миша умеръ — жаль Миши, ей-Богу жаль! какой былъ забавникъ! какой умница! эпакова медвѣдя другова не сыщешь. Да зачѣмъ мусье убилъ его?

Кирила Пепровичъ съ великимъ удовольствіемъ спалъ рассказывать подвигъ своего Француза, ибо имѣлъ счастливую способность щцеславиться всѣмъ, что только ни окружало его. Госпи со вниманіемъ слушали повѣсть о Мишиной смерти, и съ изумленіемъ посмапривали на Дефоржа, копорый, не подозрѣвая, что разговоръ шель о его храброспи, спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и дѣлалъ нравспвенныя замѣчанія рѣзвому своему воспитаннику.

Обѣдъ, продолжавшійся около прехъ часовъ, кончился; хозяинъ положилъ салфетку на столъ, всѣ встали и пошли въ госпиную, гдѣ ожидалъ ихъ кофей, каршы и продолженіе попойки, столь славно начашой въ споловой.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

—

Около семи часовъ вечера, нѣкопорые госпи хопѣли ѣхашь, но хозяинъ, развеселясь опть пуншу, приказалъ заперешь воропа и объявилъ, что до слѣдующаго упра никого со двора не выпуспишъ. Скоро загремѣла музыка, двери въ залу опшворились—и балъ завязался. Хозяинъ и его приближенные сидѣли въ углу, выпивая спаканъ за спаканомъ и любуясь веселостію молодежи. Сшарушки играли въ каршы. Кавалеровъ, какъ и вездѣ, гдѣ не кваршируешъ какой-нибудь уланской бригады, было менѣе, нежели дамъ; всѣ мужчины, годные для шанцевъ, были завербованы. Учишель между всѣми опличался; всѣ барышни выбирали его, и находили, что съ нимъ очень ловко вальсировашь. Нѣсколько разъ кружился онъ съ Марьей Кириловною—и барышни насмѣшливо за ними примѣчали. Наконецъ, около полуночи, усталый

хозяинъ прекратилъ танцы, приказалъ давать ужинать, и самъ отправился спать.

Опсупствіе Кирилла Пепровича придало обществу болѣе свободы и живости; кавалеры осмѣлились занять мѣсто подлѣ дамъ; дѣвицы смѣялись и перешепывались съ своими сосѣдами; дамы громко разговаривали черезъ столъ. Мужчины пили, спорили и хохотали; словомъ, ужинъ былъ чрезвычайно веселъ, и оставилъ по себѣ много пріятныхъ воспоминаній.

Одинъ только человекъ не участвовалъ въ общей радости. Антонъ Пафнутичъ сидѣлъ пасмуренъ и молчаливъ на своемъ мѣстѣ, былъ разсѣянъ и казался чрезвычайно безпокоенъ. Разговоры разбойническіе взволновали его воображеніе. Мы скоро увидимъ, что онъ имѣлъ достаточную причину ихъ опасаться.

Антонъ Пафнутичъ, призывая Господа въ свидѣтели въ помъ, что красная шапка была пуста, не лгалъ и не согрѣшилъ; красная шапка точно была пуста: нѣкогда въ ней хранившіяся ассигнаціи перешли въ кожаную суму, которую носилъ онъ на груди подъ рубашкой. Ссю только предосторожностію успокаивалъ онъ

свою недовѣрчивость ко всѣмъ и вѣчную боязнь. Будучи принужденъ оспашься ночевать въ чужомъ домѣ, онъ боялся, чшобъ не опвели ему ночлега гдѣ-нибудь въ уединенной комнаѣ, куда легко могли забрашья воры; онъ искалъ глазами надежнаго поварища и выбралъ наконецъ Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбросшь, имъ оказавная при встрѣчѣ съ медвѣдемъ, о коемъ бѣдный Аншонъ Пафнушьичъ не могъ вспомнишь безъ содраганія, рѣшили его выборъ. Когда вспали изъ-за стола, Аншонъ Пафнушьичъ спалъ верпѣшься около молодаго Француза, покракивая и опкашливаясь, и наконецъ обратился къ нему съ изъясненіемъ.

«Гмъ, гмъ! нельзя ли, мусье, переночевать мнѣ въ вашей конуркѣ, пошому-чшо, изволишь видѣшь»

— *Que desire monsieur?* спросилъ Дефоржъ, учпиво ему поклонившись.

«Эхъ, бѣда! шы, мусье, по-Русски еще не выучился. *Je ve, муа ше ву куше, пѳнимаешь ли?*»

— *Monseur, vous n'avez qu' à ordonner,* опвѣчалъ Дефоржъ.

Анпонъ Пафнушьичъ, очень довольный своими свѣдѣніями во Французскомъ языкѣ, пошелъ пошчасъ распорядиться,

Госпи спали прощались между собою, и каждый отправился въ комнату, ему назначенную; а Анпонъ Пафнушьичъ пошелъ съ училемъ во флигель. Ночь была темная. Дефоржъ освѣщаль дорогу фонаремъ; Анпонъ Пафнушьичъ шелъ за нимъ довольно бодро, прижимая изрѣдка къ груди попаенную суму, дабы удостовѣриться, что деньги его еще при немъ.

Пришедъ во флигель, училель засвѣшилъ свѣчу, и оба спали раздѣваясь; между - тѣмъ Анпонъ Пафнушьичъ похаживалъ по комнатамъ, осматривая замки и окна, и качая головою при семъ неупѣшительномъ осмотрѣ. Двери запирались одною задвижкой, окна не имѣли еще двойныхъ рамъ. Онъ попытался-было жаловаться Дефоржу, но знанія его во Французскомъ языкѣ были слишкомъ ограничены для столь сложнаго объясненія. Французъ его не понялъ, и Анпонъ Пафнушьичъ принужденъ былъ оставить свои жалобы. Поспели ихъ спояли одна противъ другой; оба легли, и училель потушилъ свѣчу.

«Пуркуа ву шуше, пуркуа ву шуше? закричалъ Аншонъ Пафнушьичъ, спрягая съ грѣхомъ пополамъ Русскій глаголь шушу на Французскій ладъ. Я не могу dormire въ-попемкахъ.» Дефоржъ не понялъ его восклицанія и пожелалъ ему доброй ночи.

Проклятый басурманъ! проворчалъ Спицынъ, закушываясь въ одѣяло. Нужно ему было свѣчку пушишь. Ему же хуже. «Я спать не могу безъ огня. Мусье, мусье, продолжалъ онъ, же ве аевкъ ву парле.» Но Французъ не опвѣчалъ и вскорѣ захрапѣлъ.

«Храпиль беспїя Французъ, подумалъ Аншонъ Пафнушьичъ, а мнѣ-такъ и сонъ въ умъ нейдетъ. пого и гляди, воры войдутъ въ открытыя двери, или влѣзутъ въ окно, а его, беспїю, и пушками не добудишься. «Мусье! а мусье!— дьяволъ шебя поберя.»

Аншонъ Пафнушьичъ замолчалъ; уснулосшь и винные пары мало-по-малу превозмогли его боязливосшь; онъ спалъ дремалъ, и вскорѣ глубокій сонъ овладѣлъ имъ совершенно.

Странное гоповилось ему пробужденіе. Онъ чув-

спивоваль, сквозь сонъ, что кто-то пихонько дергалъ его за воротъ рубашки. Анпонъ Пафнушьичъ открылъ глаза, и при блѣдномъ свѣтѣ осенняго ушра увидѣлъ передъ собою Дефоржа: Французъ въ одной рукѣ держалъ карманный писмолепъ, а другою опспегивалъ завѣшную суму. Анпонъ Пафнушьичъ обмеръ. «Кесь ке се, мусье, кесь ке се?» произнесъ онъ препенущимъ голосомъ. Тише! молчать! опвѣчалъ учипель чистымъ Русскимъ языкомъ; молчать! или вы пропали. Я Дубровскій.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

—

Теперь попросимъ у чипапеля позволенія объяснить послѣднія происшествія повѣспи нашей предъидущими обспояпельспвами, кои не успѣли мы еще разсказапъ.

На спанціи * *, въ домъ смотрипеля, о коемъ уже мы упомянули, сидѣлъ въ углу провзжій съ видомъ смиреннымъ и терпѣливымъ, обличающимъ разночинца или иноспранца, п. е. человѣка, не имѣющаго голоса на почповомъ пракпѣ. Бричка его спояла на дворѣ, ожидая подмазки. Въ ней лежалъ маленькой чемоданъ, шощее доказпельспво не весьма доспашощчнаго соспоянія. Провзжій не спрашивалъ себѣ ни чаю, ни кофею, поглядывалъ въ окно и посвиспывалъ, къ великому неудовольспвію смотрипельши, сидѣвшей за перегородкою.

«Вопшь Богъ послалъ свиспуна, говорила она вполголоса; экъ посвиспываетъ; чшобъ онъ лопнулъ окалнный басурманъ.

— А чшо? 'сказалъ смопришелъ, чшо за бѣда? пускай себѣ свнщелъ.

«Чшо за бѣда? возразила сердитая супруга, а развѣ не знаешь примѣшы?»

— Какой примѣшы? Чшо свиспъ денежку выживаешъ? И! Пахомовна, у насъ, чшо свиспи, чшо нѣпшъ, а денегъ все нѣпшъ какъ нѣпшъ.

«Да оппусти ты его, Сидорычъ. Охота шебѣ его держашъ. Дай ему лошадей, да провались онъ къ чоршю.

— Подождешъ, Пахомовна; на конюшнѣ всего при пройки, четвершая опдыхаешъ. Того и гляди, подоспѣюшъ хорошіе проѣзжіе; не хочу своею шеей опвѣчашъ за Француза. Чу! такъ и еспъ! вонъ скачущъ! Эге, ге! и, да какъ шибко! ужъ не генераль ли?

Коллска оспановилась у крыльца. Слуга соскочилъ съ козелъ, опперъ дверцы и черезъ мину-

пу молодой человекъ, въ военной шинели и въ бѣлой фуражкѣ, вошелъ къ смотрителью; вслѣдъ за нимъ слуга внесъ шкапулку и поставилъ ее на окошко.

« Лошадей! » сказалъ офицеръ повелительнымъ голосомъ.

— Сейчасъ! отвѣчалъ смотритель; пожалуйста подождите.

« Нѣтъ у меня подорожной. Я ѣду въ спору. . . . Развѣ ты меня не узнаешь? »

Смотритель засуетился и кинулся поропишь ямщиковъ. Молодой человекъ спалъ расхаживавъ назадъ и впередъ по комнатамъ, зашелъ за перегородку и спросилъ тихо у смотрительши: кпо такой проѣзжій?

« Богъ его вѣдаешь, отвѣчала смотрительша, какой - то Французъ; вопъ ужъ пять часовъ, какъ дожидается лошадей, да свищеть. Надоѣлъ, прокляшій. »

Молодой человекъ заговорилъ съ проѣзжимъ по-Французски.

« Куда изволише вы ѣхать? спросилъ онъ его.

— Въ ближній городъ, опвѣчалъ Французъ; опшуда опсправлюсь къ одному помѣщику, копорый нанялъ меня за-глаза въ училищели. Я думалъ сегодня бышь уже на мѣспѣ, но г-нѣ смопришель, кажешся, судилъ иначе. Въ эпой землѣ спрудно доспашь лошадей, г-нѣ офицеръ.

« А къ кому изъ здѣшнихъ помѣщиковъ опредѣлились вы? спросилъ офицеръ.

— Къ Троекурову, опвѣчалъ Французъ.

« Къ Троекурову? Кто такой эпошь Троекуровъ?

Ma foi, monsieur. Я слыхалъ о немъ мало добраго. Сказываюпшь, что онъ баринъ гордый и своенравный, жестокій въ обращеніи съ своими домашними, что никшо не можешъ съ нимъ ужипсья, что всѣ спрепещупшь при его имени, что съ училищелиями (avec les Outschitels) онъ не церемонипсья.

« Помилуйше! и вы рѣшаешесь опредѣлипсья къ шакому чудовищу?

— Чшо жъ дѣлать, г-нъ офицеръ? Онъ предлагаешъ мнѣ хорошее жалованье, 5000 руб. въ годъ, и все гошовое. Бышь можешъ, я буду счастливѣе другихъ. У меня спаруха мать: половину жалованья буду опсылать ей на пропитаніе; изъ оспальныхъ денегъ въ пяшь лѣпъ могу скопиль маленькій капиталъ, достапочный для будущей моей независимости—и погда, *bon soir*, ѣду въ Парижъ, и пускаюсь въ коммерческіе обороты.

« Знаешъ ли васъ кто-нибудь въ домѣ Троскурова? спросилъ онъ.

— Никшо, опвѣчалъ учитель; меня онъ выписалъ изъ Москвы чрезъ одного изъ своихъ пріятелей, у коего поваръ мой соопечественникъ, и онъ меня рекомендовалъ. Надобно вамъ знашь, чшо я гошовился-было не въ учители, а въ кандидпоры; но мнѣ сказали, чшо въ вашей землѣ званіе учителя не въ примѣръ выгоднѣе.... »

Офицеръ задумался. «Послушайте, прервалъ онъ Француза: чшо, если бы, вмѣсто этой будущности, предложили вамъ 10:000 руб. чиспыми деньгами, съ шѣмъ, чшобъ сей же часъ вы опправились обратно въ Парижъ? »

Французъ посмотрѣлъ на офицера съ изумленіемъ, улыбнулся и покачалъ головою.

— Лошади готовы! сказалъ вошедшій смошрипель. Слуга подтвердилъ по же самое.

«Сейчасъ» отвѣчалъ офицеръ. Выдѣше вонъ на минушу. (Смошрипель и слуга вышли.) Я не шу-чу, продолжалъ онъ по-Французски; 10.000 руб. могу я вамъ дать; мнѣ нужно только ваше оп-существо и ваши бумаги.» При сихъ словахъ онъ отперъ шкапулку и вынулъ нѣсколько кипъ ас-сигнацій.

Французъ выпарачилъ глаза. Онъ не зналъ, что и думать. — Мое опсущество мои бумаги, повпорялъ онъ съ изумленіемъ. Вотъ мои бума-ги но вы шупите? зачѣмъ вамъ мои бу-маги?»

«Вамъ дѣла нѣтъ до того. Спрашиваю, согла-сны вы, или нѣтъ?»

Французъ, все еще не вѣря своимъ ушамъ, про-шянулъ бумаги свои молодому офицеру, который быстро ихъ пересмотрѣлъ.

«Вашъ пашпортъ хорошо; письмо реко-

мендапельное — посмотришь ; свидѣтельство о рожденіи — прекрасно. Ну, воптъ же вамъ ваши деньги, опсправляйтесь назадъ. Прощайте.

Французъ споялъ, какъ вкопанный. Офицеръ воровился. « Я-было забылъ самое важное : дай-ше мнѣ честное слово, что все это оспанешся между нами — честное ваше слово.

— Честное мое слово, опвѣчалъ Французъ. Но мои бумаги; что мнѣ дѣлать безъ нихъ?

« Въ первомъ городѣ объявите, что вы были ограблены Дубровскимъ. Вамъ повѣрятъ и дадутъ нужныя свидѣтельства. Прощайте, дай Богъ вамъ скорѣе добхать до Парижа, и найми машушку въ добромъ здоровьѣ.»

Дубровскій вышелъ изъ комнашы, сѣлъ въ коляску и поскакалъ.

Смотришель смотрѣлъ въ окошко, и когда коляска уѣхала, обратился къ женѣ съ восклицаніемъ : « Пахомовна! знаешь ли ты что? вѣдь эшо былъ Дубровскій.

Смотришельша опромешью кинулась въ окошко, но было ужъ поздно : Дубровскій былъ ужъ

далеко. Она принялась бранить мужа: «Бога ты не боишься, зачѣмъ ты не сказалъ мнѣ того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровскаго, а теперь жди, чшобъ онъ опять завернулъ. Безсовѣстный ты, право безсовѣстный!»

Французъ споялъ какъ вкопанный. Договоръ съ офицеромъ, деньги, все казалось ему сновидѣніемъ. Но кипы ассигнацій были тушь у него въ карманѣ и краснорѣчиво пвердили ему успешность удивительнаго происшествія.

Онъ рѣшился нанять лошадей до города. Ямщикъ повезъ его шагомъ и ночью допацился онъ до города.

Дубровскій, овладѣвъ бумагами Француза, смѣло явился, какъ мы ужъ видѣли, къ Троекурову и поселился въ его домѣ. Каковы ни были его шайныя намѣренія (мы ихъ узнаемъ послѣ), но въ его поведеніи не оказалось ничего предосудительнаго. Правда, онъ мало занимался воспитаніемъ маленькаго Саши, давалъ ему полную свободу повѣсничать, и не спрога взыскивалъ за уроки, задаваемые только для формы, за то съ большимъ прилежаніемъ слѣдовалъ за музыкальными успѣхами своей ученицы, и часпо по цѣ-

лымъ часамъ сиживалъ съ нею за фортепіано. Всѣ любили молодаго учителя: Кирила Пепровичъ за его смѣлое проворство на охотѣ, Марья Кириловна за неограниченное усердіе и рабскую внимательность, Саша за снисходительность къ его шалостямъ, домашніе за доброшу и за щедросць, повидимому несомвѣстную съ его соспояніемъ. Самъ онъ, казалось, привязанъ былъ ко всему семейству и почиалъ уже себя членомъ онаго.

Прошло около мѣсяца опъ его вспуления въ званіе учительское до доспомятнаго праздника, и никпо не подозрѣвалъ, что въ скромномъ молодомъ Французѣ таился грозный разбойникъ, коего имя наводило ужась на всѣхъ окрестныхъ владѣльцевъ. Во все это время Дубровскийъ не оплучался изъ Покровскаго, но слухъ о разбояхъ его не упихалъ, благодаря изобрѣпательному воображенію сельскихъ жипелей; но могло спашься и по, что шайка его продолжала свои дѣйствія и въ опсупспіе начальника. Ночуя въ одной комнапѣ съ человекомъ, коего могъ онъ почестъ личнымъ своимъ врагомъ и однимъ изъ главныхъ виновниковъ его бѣдствія, Дубровскийъ не могъ удержашься опъ искушенія. Онъ зналъ о существованіи сумки, и рѣшился ею

завладѣшь. Мы видѣли, какъ изумилъ онъ бѣднаго Антона Пафнушьича неожиданнымъ своимъ превращеніемъ изъ учителя въ разбойника.

Не доѣзжая до заспавы, у кошорой, вмѣсто часоваго, спояла развалившаяся будка, Французъ вельль оспановишься, выльъзъ изъ брички и пошелъ пѣшкомъ, объяснивъ знаками ямщику, что бричку и чемоданъ дарить ему на водку. Ямщикъ былъ въ такомъ же изумленіи опъ его щедрости, какъ и самъ Французъ опъ предложенія Дубровскаго. Но заключивъ изъ того, что Немець сошелъ съ ума, ямщикъ поблагодарилъ его усерднымъ поклономъ, и не разсудивъ за благо въѣхать въ городъ, опправился въ извѣстное ему увеселительное заведеніе, коего хозяинъ былъ ему пріятель. Тамъ провелъ онъ цѣлую ночь, а на другой день, упромъ, на порожней пройкѣ опправился во-своаи, безъ брички и безъ чемодана, съ пухлымъ лицомъ и красными глазами.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько дней и не случилось ничего достопримѣчательнаго. Жизнь обитателей Покровскаго была однообразна. Кирила Пепровичъ ежедневно выѣзжалъ на охоту; чтеніе, прогулки, музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, съ невольной досадою, что оно не было равнодушно къ достоинству молодого Француза. Онъ, съ своей стороны, не выходилъ изъ предѣловъ почтенія и снотой пристойности, и шѣмъ успокаивалъ ея гордость и боязливыя сомнѣнія. Она съ большей и большей довѣренностію предавалась увлекающей привычкѣ. Она скучала безъ Дефоржа; въ его присутствіи поминутно занималась имъ, обо всемъ хотѣла знать его мнѣніе и всегда съ нимъ соглашалась. Мо-

жеть бытъ, она не была еще влюблена; но, при первомъ случайномъ препяпспвіи, или внезапномъ гоненіи судьбы, пламя спраспи должно было вспыхнуть въ ея сердцѣ.

Однажды, пришедъ въ залу, гдѣ ожидалъ ее учитель, Марья Кириловна съ изумленіемъ замѣпила смущеніе на блѣдномъ его лицѣ. Она опкрыла форшепіано, пропѣла нѣскольго нощъ; но Дубровскій, подъ предлогомъ головной боли, извинился, прервалъ урокъ и, закрывая нощы, подалъ ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успѣвъ одуматься, приняла ее и раскаялась въ шу же минушу; но Дубровскаго не было уже въ залѣ. Марья Кириловна пошла въ свою комнацу, развернула записку и прочла слѣдующее :

« Будьпе сегодня въ семь часовъ въ бесѣдкѣ у ручья: мнѣ необходимо съ вами говорипь.»

Любопытство ся было сильно возбуждено. Она давно ожидала признанія, желая и опасаясь его. Ей пріятно было бы услышать подпвержденіе того, о чемъ она догадывалась; но она чувспвовала, что ей было бы неприлично слышать паковое объясненіе опъ человѣка, которій, по соспоянію своему, не долженъ былъ надѣяться ко-

гда-нибудь получишь ея руку. Она рѣшилась итти на свиданіе, но колебалась въ одномъ: какимъ образомъ приметъ она признаніе учителя, съ аристокрапическимъ ли негодованіемъ, съ увѣщаніемъ ли дружбы, съ веселыми шутками, или съ безмолвнымъ учасніемъ. Между-тѣмъ она поминупно поглядывала на часы. Смерклося; подали свѣчи; Кирила Петровичъ сълъ играшь въ боспонъ съ прѣвжими сосѣдами; споловые часы пробили прешью чешверть седьмаго — и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, оглядѣлась во всѣ спороны и побѣжала въ садъ.

Ночь была темна, небо покрыпо шучами, въ двухъ шагахъ опъ себя нельзя было ничего видѣшь; но Марья Кириловна шла въ шемнопъ по знакомымъ дорожкамъ, и черезъ минупу очупилась у бесѣдки; шупъ ошановилась она, дабы перевеспи духъ и явисья передъ Дефоржемъ съ видомъ равнодушнымъ и непоропливымъ. Но Дефоржъ споялъ ужъ передъ нею.

« Благодарю васъ, сказалъ онъ ей шихимъ и печальнымъ голосомъ, чшо вы не опказали мнѣ въ моей просьбѣ. Я былъ бы въ опчаяніи, если бъ вы на шо не согласились.

Марья Кириловна опвѣчала загоповленной фразой:— Надѣюсь, что вы не заставите меня раскапаться въ моей снисходительности.

Онъ молчалъ и, казалось, собирался съ духомъ. « Обспошпельспва пребуюпшь . . . я долженъ васъ оспавипшь, сказалъ онъ наконецъ, вы скоро, можешъ быпшь, услышите но передъ разлукой я долженъ съ вами самъ объяснипсья. »

Марья Кириловна не опвѣчала ничего. Въ эспихъ словахъ видѣла она предисловіе къ ожидаемому признанію.

« Я не шо, что вы предполагаеште, продолжалъ онъ, пошупя голову, я не Французъ Дефоржъ—я Дубровскій. »

Марья Кириловна вскрикнула. « Не бойпесь, ради Бога; вы не должны бояпсья моего имени. Да, я шопшь несчастпный, кошораго вапшь опецъ, лишивъ куска хлѣба, выгналъ изъ опеческаго дома и послалъ грабипшь на большихъ дорогахъ. Но вамъ не надобно меня бояпсья ни за себя, ни за него. Все кончено—я ему просшилъ; вы спасли его. Первый мой кровавый подвигъ долженъ былъ совершипсья надъ нимъ. Я ходилъ около

его дома, назначая, гдѣ вспыхнушь пожару, опкуда войпи въ его спальню, какъ пресѣчь ему всѣ пупи къ бѣгству; въ шу минупу вы прошли мимо меня, какъ небесное видѣніе, и сердце мое смирилось. Я понялъ, что домъ, гдѣ обитаете вы, священъ, что ни единое существо, связанное съ вами узами крови, не подлежащъ моему проклятію. Я отказался опъ мщенія, какъ опъ безумства. Цѣлые дни я бродилъ около садовъ Покровскаго, въ надеждѣ увидѣшь издали ваше бѣлое платье. Въ вашихъ неосторожныхъ прогулкахъ я слѣдовалъ за вами, прокрадывался опъ куста къ кусту, счастливымъ мыслию, что васъ охраняю, что для васъ нѣтъ опасности пать, гдѣ я присутствую тайно. Наконецъ случай предспавился—я поселился въ вашемъ домѣ. Эти три недѣли были для меня днями счастья; ихъ воспоминаніе будещъ опрадоу печальной моей жизни. . . . Сегодня я получилъ извѣстіе, послѣ кошораго мнѣ невозможно болѣе здѣсь оспаваться. Я разспажусь съ вами сегодня, сей же часъ. . . . Но прежде я долженъ былъ вамъ опкрыпьясь, чтобъ вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровскомъ. Знайте, что онъ рожденъ былъ для инаго назначенія, что душа его умѣла васъ любить, что никогда. . . .»

Тутъ раздаея сильный свистъ, и Дубровскій умолокъ. Онъ схватилъ ея руку и прижалъ къ пылающимъ устамъ. Свистъ повпорился. «Простите, сказалъ Дубровскій, меня зовуть; минута можетъ погубить меня.» Онъ ошошелъ... Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровскій воропился и снова взялъ ея руку. «Если когда несчастіе васъ постигнетъ, и вы ни опъ кого не будете ждашь ни помощи, ни покровительсва, въ такомъ случаѣ общаетесь ли вы прибгнущъ ко мнѣ, требовать опъ меня всего для вашего спасенія? Общаетесь ли вы не опвергнушь моей преданности?» Марья Кириловна плакала молча. Свистъ раздаея въ третій разъ.

«Вы меня губите! закричалъ Дубровскій; я не оставлю васъ, пока не дадите мнѣ опвѣта; общаетесь ли вы, или нѣтъ?»

— Общаюсь! прошептала бѣдная красавица.

Взволнованная свиданіемъ съ Дубровскимъ, Марья Кириловна возвращалась изъ саду. Ей показалось, что на дворѣ было много народу, у крыльца спояла шройка, люди разбѣгались, домъ былъ въ движеніи; издали слышала она голосъ Кирилы

Пепровича, и спѣшила войти въ комнапы, опасаясь, чтооь опсупешвіе не было замѣчено. Въ залѣ встрѣпилъ ее Кирила Пепровичъ; госпи окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправникъ, въ дорожномъ платьѣ, вооруженный съ ногъ до головы, опвѣчалъ имъ съ видомъ панспвеннымъ и суешливымъ. «Гдѣ ты была, Маша? спросилъ Кирила Пепровичъ; встрѣтила ли ты М-г Дефоржа?» Маша насилу могла опвѣчать оприцашельно. «Вообрази, продолжалъ Кирила Пепровичъ, исправникъ прѣхалъ его арестовать и увѣряетъ меня, что это самъ Дубровскій.» — Всѣ примѣты, ваше превосходительство, сказалъ почпительно исправникъ. «Охъ, брапецъ, прервалъ Кирила Пепровичъ, убирайся, знаешь куда, со своими примѣтами. Я тебѣ моего Француза не выдамъ, пока тебѣ самъ не разберу дѣла. Какъ можно вѣришь на - слово Антону Пафнушьичу, прусу и мужику: ему пригрѣзилось, что учитель хотѣлъ ограбить его. Зачѣмъ онъ въ то же упро не сказалъ мнѣ о томъ ни слова. . . .» — Французъ заспрацалъ его, ваше превосходительство, опвѣчалъ исправникъ, и взялъ съ него кляпву молчашь. — «Вранье, рѣшилъ Кирила Пепровичъ, сейчасъ я все выведу на чистую воду. Гдѣ же учитель? спросилъ онъ у вошедшаго слуги.—Ни

гдѣ не найдуться, опивчалъ слуга. «Такъ съскажь его!», закричалъ Троекуровъ, начинающій сомнѣваться. «Покажи мнѣ свои хваленныя примѣшны, сказалъ онъ исправнику, копорый попчасть и подашь ему бумагу. Гм! гм! 25 года и проч. Оно шакъ, да эшо еще ничего не доказываешъ. Чшо жъ училель?» Не найдуть, былъ опяпъ опившъ. Кирила Пепровичъ начиналъ безпокоиться; Марья Кириловна была ни жива, ни мертва. «Ты блѣдна, Маша, замѣшилъ ей ошець, шебя перепугали?» — Нѣшъ, папенька, опивчала Маша, у меня голова болишъ.— «Поди, Маша, въ свою комнапу и не безпокойся. Маша поцѣловала у него руку и ушла скорѣе въ свою комнапу; шамъ она бросилась на постель, и зарыдала въ исперическомъ припадкѣ. Служанки сбѣжались, раздѣли ее насилу, насилу успѣли ее успокоить холодной водой и всевозможными спиртами; ее уложили, и она впала въ усыплєніе.

Между - шѣмъ Француза не находили. Кирила Пепровичъ ходилъ взадъ и впередъ по комнапѣ, грозно насвиспывая: *Громъ побѣды раздавайся.* Госпи шепшались между собою; исправникъ казался въ-дуракахъ; Француза не нашли. Вѣрояшно, онъ успѣлъ скрышья, бивъ предупрежденъ. Но кѣмъ и какъ? эшо оспавалось шайною.

Било 11-ть часовъ, и никто не думалъ о снѣ. Наконецъ Кирила Пепровичъ сказалъ сердито исправнику: « Ну что? вѣдь не до свѣшу же шебѣ здѣсь оспавашься; домъ мой не харчевня. Не съ швоимъ проворшвомъ, брашець, поймашь Дубровскаго, если ужъ эшо Дубровскій. Ошправляйся - ко во-свосяси, да впередъ будь распоропнѣе. Да и вамъ пора домой, продолжалъ онъ, обрапясь къ госпямъ. Велише закладывашь, а я хочу спать. »

Такъ немилоспиво распался Троекуровъ съ своими госпями!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Прошло нѣсколько времени безъ всякаго замѣчательнаго случая. Но въ началѣ слѣдующаго лѣта произошло много перемѣнъ въ семействѣ быша Кирила Петровича.

Въ 30-ти верстахъ отъ него находилось богатое помѣстье князя Верейскаго. Князь долгое время находился въ чужихъ краяхъ; всѣмъ имѣніемъ его управлялъ опшавной маіоръ, и никакого сношенія не существовало между Покровскимъ и Арбаповомъ. Но въ концѣ мая мѣсяца князь возвратился изъ-за границы и пріѣхалъ въ свою деревню, копорой отъ-роду еще не видалъ. Привыкнувъ къ разсѣянности, онъ не могъ вынести уединенія, и на прешій день, по своемъ пріѣздѣ, опшавлся обѣдать къ Троекурову, съ копорымъ былъ нѣкогда знакомъ.

Князю было около 50-ти лѣтъ, но онъ казался гораздо спарѣе. Излишества всякаго рода изнурили его здоровье и положили на немъ свою неизгладимую печашь. Не смотря на то, наружность его была пріятна, замѣчательна, а привычка бытъ всегда въ обществѣ придавала ему нѣкоторую любезность, особенно съ женщинами. Онъ имѣлъ непреспанную нужду въ разсѣяніи, непрестанно скучалъ. Кирила Пепровичъ былъ чрезвычайно доволенъ его посѣщеніемъ, принявъ оное знакомъ уваженія опъ челоуѣка, знающаго свѣтъ. Онъ, по обыкновенію своему, спалъ угощашь его смопромъ своихъ заведеній и повелъ на псарной дворъ. Но князь чупъ не задохся въ собачьей атмосферѣ и спѣшилъ выпши вонъ, зажимая носъ платкомъ, опрысканнымъ духами. Спаринный садъ, съ его сприженными липами, чешвероугольнымъ прудомъ и правильными аллеями, ему не понравился; онъ любилъ Англійскіе сады и шакъ называемую природу; но хвалилъ и восхищался. Слуга пришелъ доложитъ, что кушанье поставлено. Они пошли обѣдашь. Князь прихрамывалъ, уславъ опъ своей прогулки и уже раскаявался въ своемъ посѣщеніи.

Но въ залъ встрѣшила ихъ Марья Кириловна—и спарый волокиша былъ пораженъ ся красошой.

Троекуровъ посадилъ госпя подлѣ нея. Князь былъ оживленъ ея присущствіемъ, былъ веселъ и успѣлъ нѣсколько разъ привлечь ея вниманіе любопытными своими разказами. Послѣ обѣда Кирилла Пешровичъ предложилъ ѣхать верхомъ, но князь извинился, указывая на свои бархашные сапоги и шупя надъ своею подагрой. Онъ предложилъ прогулку въ линѣйкѣ, съ шѣмъ, чшобъ не разлучашься съ милою своею сосѣдкою. Линѣйку заложили. Спарики и красавица съли впроемъ и поѣхали. Разговоръ не прерывался. Марья Кириловна съ удовольствіемъ слушала льспивыя и веселыя привѣщствія свѣтскаго челоуѣка, какъ вдругъ Верейскій, обращаясь къ Кириллу Пешровичу; спросилъ у него: чшо значилъ это погорѣлое спроеіе, и ему ли оно принадлежилъ? Кирилла Пешровичъ нахмурился; воспоминанія, возбуждаемыя въ немъ погорѣлой усадьбою, были ему непріятны. Онъ опвѣчалъ, чшо земля теперь его и чшо прежде принадлежала она Дубровскому. «Дубровскому? повшорилъ Верейскій; какъ, эшому славному разбойнику?» — Опцу его, опвѣчалъ Троекуровъ; да и опецъ-шо былъ порядочный разбойникъ.

«Куда же дѣвался нашъ Ринальдо? Схваченъ ли онъ, живъ ли онъ?»

— И живъ и на волѣ.

— Ксшапи, князь! Дубровскій побывалъ вѣдъ у тебя въ * * ?

« Да, прошлаго года ; онъ , кажется , что-то сжегъ или разграбилъ. Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче съ этимъ романическимъ героемъ? »

— Что любопытнаго! сказалъ Троекуровъ; она знакома съ нимъ. Онъ цѣлыя при недѣли училъ ее музыкѣ, да слава Богу, не взялъ ничего за уроки. Тупъ Кирила Пешровичъ началъ рассказывать повѣсть о мнимомъ Французѣ - учителѣ. Марья Кириловна сидѣла какъ на иголкахъ. Верейскій, выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ, нашелъ все это очень спраннымъ, и перемѣнилъ разговоръ. Возвращаясь, онъ велѣлъ подавать свою карепу, и не смотря на усиленныя просьбы Кирила Пешровича — оспаться ночевать, уѣхалъ тотчасъ послѣ чаю. Но прежде просилъ Кирила Пешровича пріѣхать къ нему въ-госпи съ Марьею Кириловной, и гордый Троекуровъ обѣщался; ибо, взявъ въ уваженіе княжеское достоинство, двѣ звѣзды и 5000 душъ родоваго имѣнія, онъ до нѣкошорой спешени почипалъ князя Верейскаго себѣ равнымъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

—

Два дня спустя послѣ сего посѣщенія, Кирила Пепровичъ отправился съ дочерью въ-госпи къ князю Вереискому. Подъѣзжая къ * *, онъ не могъ налюбоваться чистыми и веселыми избами крестьянъ, и каменнымъ господскимъ домомъ, выстроенымъ во вкусъ Англійскихъ замковъ. Передъ домомъ разстилался зеленый лугъ, на коемъ паслись Швейцарскія коровы, звеня своими колокольчиками. Просторный паркъ окружалъ домъ со всѣхъ сторонъ. Хозяинъ встрѣпилъ гостей у крыльца, и подаль руку молодой красавицѣ. Она вошла въ великолѣпную залу, гдѣ столъ былъ накрытъ на при прибора. Князь подвелъ гостей къ окну и имъ открылся прелесный видъ. Волга протекала передъ окнами, по коей шли нагруженные барки подъ напаянными парусами и мелькали рыбацьи лодки, столъ выразительно

названныя душегубками. За рѣкою тянулись холмы и поля; нѣсколько деревень оживляли окрестность. Попомъ они занялись разсмотрѣніемъ галереи картинъ, купленныхъ княземъ въ чужихъ краяхъ. Князь объяснялъ Марьѣ Кириловнѣ ихъ различныя достоинства, содержаніе, исторію живописцевъ; указывалъ на достоинства и недоспадки. Онъ говорилъ о картинахъ не на условленномъ языкѣ педагогическаго знапока, но съ чувствомъ и воображеніемъ. Марья Кириловна слушала его съ удовольствіемъ. Пошли за spoilъ. Троекуровъ отдавалъ полную справедливость винамъ своего Амфипріона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малѣйшаго замѣшательства или принужденія въ бесѣдѣ съ человекомъ, котораго видѣла она только во второй разъ опъ-роду. После обѣда хозяинъ предложилъ гостямъ пойти въ садъ. Они пили кофе въ бесѣдкѣ, на берегу широкаго озера, усѣяннаго островами. Вдругъ раздалась духовая музыка, и шеспивесельная лодка причалила къ самой бесѣдкѣ. Они поѣхали по озеру, около острововъ, посѣщали нѣкоторыя изъ нихъ; на одномъ находили мраморную спашую, на другомъ уединенную пещеру, на шрепьемъ памятникъ съ таинственной надписью, возбуждавшій въ Марьѣ Кириловнѣ дѣвическое любопытство, не вполне

удовлетворенное учпивыми недомолвками князя. Время прошло незамѣтно. Начало смеркашья. Князь, подѣ предлогомъ свѣжести и росы, спѣшилъ возвратиться домой; самоваръ ихъ ожидалъ. Князь просилъ Марью Кириловну хозяйничать въ домѣ холоспяка. Она разливала чай, слушающая неисповдимые рассказы любезнаго говоруна. Вдругъ раздался выстрѣлъ—и ракета освѣтила небо. . . . Князь подаль Марьѣ Кириловнѣ шаль, позваль ея и Троекурова на балконъ. Передъ домомъ, въ пемпопѣ, разноцвѣтные огни вспыхнули, завершѣлись, поднялись вверхъ колосьями, полились фонпанами, посыпались дождемъ, звѣздами—угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась, какъ дитя. Князь Верейскій радовался ея восхищенію, и Троекуровъ былъ чрезвычайно имъ доволенъ, ибо принималъ *tous les frais* князя, какъ знаки уваженія и желанія ему угодить.

Ужинъ въ своемъ достоинствѣ ничѣмъ не уступалъ обѣду. Госпи опсправились въ комнаты, для нихъ опшвененныя, и на другой день, поушпру, распались съ любезнымъ хозяиномъ, давъ другъ другу обѣщанія вскорѣ снова увидѣться.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Марья Кириловна сидѣла въ своей комнатѣ, вышивая въ пяльцахъ, передъ опкрытымъ окошкомъ. Она не пугалась шелками, подобно любовницѣ Конрада, копорая, въ любовной разсѣянности, вышила розу зеленымъ шелкомъ. Подъ ея иглой канва пѣвпоряла безошибочно узоры подлинника; не смолпя на то, ея мысли не слѣдовали за работой — онѣ были далеко.

Вдругъ въ окошкѣ пихонько пропшнулась рука, кто-то положилъ на дяльцы письмо и скрылся, прежде - нежели Марья Кириловна успѣла образумиться. Въ это самое время слуга къ ней вошелъ и позвалъ ее къ Кирилѣ Пешровичу. Она съ прелепомъ спряшала письмо за косынку, и поспѣшила къ опцу въ кабинетъ.

Кирила Петровичъ былъ не одинъ. Князь Верейскій сидѣлъ у него. При появленіи Марьи Кириловны князь вспалъ и молча поклонился съ замѣшательствомъ, для него необыкновеннымъ. «Подойди сюда, Маша, сказалъ Кирила Петровичъ. Скажу тебѣ новость, копорая, надѣюсь, тебя обрадуешъ. Вотъ тебѣ женихъ; князь за тебя сватася.

Маша осполбенѣла; смертная блѣдность покрыла ея лице. Она молчала. Князь къ ней подошелъ, взялъ ее руку и съ видомъ пронупымъ спросилъ: согласна ли она сдѣлать его счастье? Маша молчала.

«Согласна, конечно согласна, сказалъ Кирила Петровичъ; но знаешь, князь, дѣвушка трудно выговоритъ это слово. Ну, дыши, поцѣлуйшесь, и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцѣловалъ ея руку; вдругъ слезы побѣжали по ея блѣдному лицу. Князь слегка нахмурился.

«Пошла, пошла, пошла! сказалъ Кирила Петровичъ, осуши свои слезы, и воропись къ намъ веселѣшенька. Онъ всѣ плачущъ при помолвкѣ,

продолжалъ онъ, обращаясь къ Верейскому: это у нихъ ужъ пактъ заведено. Теперь, князь, поговоримъ о дѣлѣ, ш. е., о приданомъ.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволеніемъ удалиться. Она побѣжала въ свою комнату, заперлась и дала волю своимъ слезамъ, воображая себя женою спараго князя; онъ вдругъ показался ей опврапшительнымъ и ненавистнымъ... Бракъ пугалъ ее, какъ плаха, какъ могила!... Нѣтъ, нѣтъ! повпоряла она въ опчаяніи, лучше умереть, лучше въ монастырь, лучше пойду за Дубровскаго... Тутъ она вспомнила о письмѣ, и жадно бросилась его читать, предчувствуя, что оно было отъ него. Въ самомъ дѣлѣ оно было писано имъ, и заключало только слѣдующія слова:

« Вечеромъ, въ 10-ть часовъ, на прежнемъ мѣстѣ. »

Луна сіяла; сельская ночь была спокойна; звѣзда подымался въперокъ, и тихій шорохъ пробѣгалъ по всему саду.

Какъ легкая пѣнь, молодая красавица приближалась къ мѣсту назначеннаго свиданія. Еще ни-

кого не было видно, вдругъ изъ-за бесѣдки очутился Дубровскій передъ нею. «Я все знаю, сказалъ онъ ей тихимъ и печальнымъ голосомъ; вспомните ваше обѣщаніе.

— Вы предлагаете мнѣ свое покровительство? отвѣчала Маша; но не сердитесь: оно пугаетъ меня. Какимъ образомъ окажете вы мнѣ помощь?

«Я бы могъ избавить васъ отъ ненавистнаго чловѣка.

— Ради Бога, не прогайте его, не смѣйте его прогнать, если вы меня любите: я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса....

«Я не прощу его: воля ваша для меня священна. Вамъ обязанъ отъ жизнию. Никогда злодѣйство не будетъ свершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и въ моихъ пресупленіяхъ. Но какъ же спасеу васъ отъ жестокаго опца?

— Еще есть надежда: я надѣюсь пронуть его моими слезами и опчаяніемъ. Онъ упрямъ, но онъ такъ меня любитъ.

«Надѣшесь попустому: въ этихъ слезахъ уви-

дипть онъ полько обыкновенную боязливоспъ и опшращеніе, общее всѣмъ молодымъ дѣвушкамъ, когда идупть онѣ за-мужъ не по спраспи, а изъ благоразумнаго расчеша; но если возьмепть онъ себѣ въ голову сдѣлапъ счаспие ваше вопреки вамъ самимъ? если насильно повезупть васъ подѣ вѣнецъ, чшобъ на-вѣки предапъ судьбу вашу во власпъ хилаго мужа?...

— Тогда, погда дѣлапъ нечего — явивеспъ за мною — я буду вашею женою.

Дубровскій запрепешаль; блѣдное лице покрылось багровымъ румянцемъ, и въ шу же минушу спало блѣднѣе прежняго. Онъ долго молчалъ, пошупя голову.

« Соберипеспъ со всѣми силами души, умолайпше опца, бросьпеспъ къ его ногамъ; представьпше ему весь ужасъ будущаго, вашу молодоспъ, увядающую близъ хилаго и разврапнаго спарика; скажипше, чшо богашеспво не доспавиптъ вамъ и одной минушы счаспія; роскошь упѣшаептъ одну бѣдноспъ, и шо съ непривычки на одно мгновение; не опспавайпше опъ него, не пугайпеспъ ни его гнѣва, ни угрозъ, пока опспанеспся хопъ пѣнь надежды; ради Бога, не опспавайпше. Если жъ не

будетъ уже другаго средства—рѣшились на жестокое изъясненіе: скажите, что если онъ останется неумолимъ, то... то вы найдете ужасную защиту....

Тутъ Дубровскій закрылъ лице руками; онъ, казалось, задыхался. Маша плакала....

«Бѣдная, бѣдная моя участь! сказалъ онъ, горько вздохнувъ. За васъ отдасть бы я жизнь; видѣть васъ издали, касаться руки вашей, было для меня упоеніемъ; и когда открывался для меня возможность прижать васъ къ взволнованному моему сердцу и сказать: я твой на-вѣки; бѣдный! я долженъ осперегаться опъ блаженства, я долженъ опшпалкивать его опъ себя всѣми силами! Я не смѣю пастъ къ вашимъ ногамъ и благодарить Небо за непонятную, незаслуженную награду. О! какъ долженъ я ненавидѣть того... но чувствую, что теперь въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста ненависти.

Онъ тихо обнялъ спройный ея спанъ и тихо привлекъ ее къ своему сердцу. Довѣрчиво склонила она голову на плечо молодаго разбойника — оба молчали....

Время лепѣло. «Пора, сказала наконецъ Маша. Дубровскій какъ будто очнулся опъ усыпленія. Онъ взялъ ея руку и надѣлъ ей на палець кольцо. «Если рѣшишесь прибѣгнупъ ко мнѣ, сказалъ онъ, то принесите кольцо сюда, опустите его въ дупло этого дуба; я буду знать, что дѣлаетъ.»

Дубровскій поцѣловалъ ея руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Свадьба князя Верейскаго не было уже тайною для сосѣдства. Кирила Пепровичъ принималъ поздравленія; свадьба готовилась. Маша день-о-по-дня оплагала рѣшительное объявленіе. Между-тѣмъ обращеніе ея со старымъ женихомъ было холодно и принужденно. Князь о томъ не заботился—онъ о любви не хлопоталъ, довольный ея безмолвнымъ согласіемъ.

Но время шло. Маша наконецъ рѣшилась дѣйствовать, и написала письмо князю Верейскому. Она старалась возбудить въ его сердцѣ чувство великодушія; откровенно признавалась, что не имѣла къ нему ни малѣйшей привязанности; умоляла его отказатьсь отъ ея руки и самому защищать ее отъ власти родины. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому. Тотъ про-

цель его наединѣ и ни мало не былъ пронупть опкровенностию своей невѣспы. Напрошивъ, онъ увидѣлъ необходимость ускоришь свадьбою, и для того почель нужнымъ показашь письмо будущему шещю.

Кирила Пепровичъ взбѣсился; насилу князь могъ уговорить его не показывашь Машѣ и виду, что онъ увѣдомленъ о ея письмѣ. Кирила Пепровичъ согласился ей о томъ не говорить, но рѣшился не шрапить времени и назначилъ бышь свадьбѣ на другой же день. Князь нашель сіе весьма бла-разумнымъ, пошелъ къ своей невѣспѣ, сказалъ ей, что письмо очень его опечалило, но что онъ надѣется со-временемъ заслужить ея привязанность; что мысль опрѣчься опъ нея слишкомъ для него шяжела, и что онъ не въ-силахъ согласишь на свой смершній приговоръ. За симъ онъ почшишельно поцѣловалъ ея руку и уѣхалъ, не сказавъ ей ни слова о рѣшеніи Кирилы Пепровича.

Но едва онъ выѣхалъ со двора, какъ опецъ ея вошелъ, и напрямикъ велѣлъ ей бышь гошовой на завшрашній день. Марья Кириловна, уже взволнованная объясненіемъ князя Верейскаго, залилась слезами и бросилась къ ногамъ опца. «Папенька!

закричала она жалобнымъ голосомъ, наненька! не губите меня: я не люблю князя, я не хочу быть его женою.

— Это что значить? сказалъ грозно Кирила Петровичъ: до-сихъ-поръ ты молчала и была согласна; а теперь, когда все рѣшено, ты вздумала капризничать и опшекаешься. Не изволь дураться; эшимъ со мною ты ничего не выиграешь.

«Не губите меня! повпоряла бѣдная Маша; за-что гоните меня опъ себя прочь, и опдаете человекѣку нелюбимому? развѣ я вамъ надоѣла? Я хочу оспаться съ вами по-прежнему. Наненька! вамъ безъ меня будетъ грустно; еще грустнѣе, когда подумаете, что я несчастлива. Наненька! не принуждайте меня: я не хочу ниши за-мужъ.

Кирила Петровичъ былъ иронупъ, но скрылъ свое смущеніе и опполкнулъ ее, сказавъ сурово:

— Все это вздоръ, слышишь ли? Я знаю лучше швоего, что нужно для швоего счастья. Слезы шебъ не помогутъ; послѣзавпра будетъ швоя свадьба.

«Послѣзавпра! вскрикнула Маша. Боже мой!

Нѣшь, нѣшь, не возможно, этому не бышь! Папенька, послушайте: если уже вы рѣшились погубить меня, то я найду защитника, о которомъ вы и не думаете; вы увидите, вы ужаснетесь, до чего вы меня довели.

— Чшо? чшо? сказалъ Троекуровъ, угрозы! мнѣ угрозы? дерзкая дѣвчонка! Да знаешь ли ты, чшо я съ побою сдѣлаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смѣешь меня спрацать, негодница! Посмотримъ, кто будетъ эпопъ защитникъ?

«Владиміръ Дубровскій, отвѣчала Маша въ опчаяніи.

Кирила Пѣтровичъ подумалъ, чшо она сошла съ ума, и глядѣлъ на нее съ изумленіемъ.—Добро! сказалъ онъ ей, послѣ нѣкопорого молчанія, жди себѣ, кого хочешь, въ избавишени, а покамѣспѣ сиди въ эпой комнапѣ — ты изъ нея не выйдешь до самой свадьбы. Съ эспимъ словомъ Кирила Пѣтровичъ вышелъ и заперъ за собою двери.

Долго плакала бѣдная дѣвушка, воображая все, чшо ожидало ее; но бурное объясненіе облегчило ея душу, и она спокойнѣе могла разсуждать о своей участи и о томъ, чшо надлежало ей дѣлать. Главное было для нея: избавишься опѣ

ненавистнаго брака; участь супруги разбойника казалась для нея расмъ въ сравненіи съ жребіемъ, ей установленнымъ: Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровскимъ. Пламенно желала она увидѣться съ нимъ наединѣ, и еще разъ передъ рѣшишельной минушой долго посовѣшовавъся. Предчувствіе сказывало ей, что вечеромъ найдетъ она Дубровскаго въ саду, близъ бесѣдки; она рѣшилась пойти ожидать его тамъ. Какъ только стало смеркаться, Маша приготавилась; но дверь ея заперта на-ключъ. Горничная отвѣчала ей изъ-за двери, что Кирилла Пепровичъ не приказалъ ее выпускать. Она была подъ арестомъ. Глубоко оскорбленная, она сѣла подъ окошко, и до глубокой ночи сидѣла не раздваяясь, неподвижно глядя на темное небо. На разсвѣтъ она задремала; но спонкой сонъ ея былъ сопревоженъ печальными видѣніями, и лучи восходящаго солнца уже разбудили ее.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Она проснулась, и съ первою мыслию предсавился ей весь ужась ея положенія. Она позвонила, дѣвка вошла и на вопросы ея отвѣчала, что Кирила Пепровичъ вечеромъ ѣздилъ въ ** и возвратился поздно; что онъ далъ строгое приказаніе не выпускать ее изъ ея комнаты и смолчать за стѣною, чтобъ никто съ нею не говорилъ; что, впрочемъ, не видно никакихъ особенныхъ приготовленій къ свадьбѣ, кромѣ того, что велѣно было попу не оплутаться изъ деревни ни подъ какимъ предлогомъ. Послѣ сихъ извѣстій дѣвка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Ея слова ожесточили молодую заповорницу. Голова ея кипѣла, кровь волновалась; она рѣшилась дасть знать обо всемъ Дубровскому и спа-

ла искашь способа опсправить кольцо въ дупло завѣшнаго дуба. Въ это время камушекъ ударился въ окно ея, стекло зазвенѣло и Марья Кириловна взглянула на дворъ и увидѣла маленькаго Сашу, дѣлающаго ей знаки. Она знала его привязанность и обрадовалась ему. «Здравствуй, Саша; зачѣмъ ты меня зовешь?—Я пришелъ, сестрица, узнать опъ васъ, не надобно ли вамъ чего-нибудь. Папенька сердитъ и запретилъ всему дому васъ слушаться; но велише мнѣ сдѣлать, что вамъ угодно, и я для васъ все сдѣлаю.

« Спасибо, милый мой Сашенька. Слушай, ты знаешь старый дубъ съ дупломъ, что у бесѣдки?

— Знаю, сестрица.

« Такъ, если ты меня любишь, сбѣгай шуда поскорѣй, и положи вопъ это кольцо въ дупло; да смотри же, чтобъ никто тебя не видалъ.

Съ этимъ словомъ она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчикъ поднялъ кольцо, во весь духъ пустился бѣжать и въ при минуты очутился у завѣшнаго дерева. Тутъ онъ остановился, задыхаясь,

оглянулся во всё спороны и положилъ колечко въ дупло. Окончивъ дѣло благополучно, хопѣлъ онъ поспѣ же часъ донести о томъ Марьѣ Кириловнѣ, какъ вдругъ рыжій и полуоборванный мальчишка мелькнулъ изъ-за бесѣдки, кинулся къ дубу и запустилъ руку въ дупло. Саша быспрѣ бѣлки бросился къ нему и зацѣпился обѣими руками.

«Что ты здѣсь дѣлаешь?» сказалъ онъ грозно.

— Тебѣ какое дѣло? опвѣчалъ мальчишка, спараясь опъ него освободиться.

«Осыпавъ это кольцо, рыжій, кричалъ Саша, или я проучу тебя по-свойски.

Вмѣсто опвѣта, поспѣ ударилъ его кулакомъ по лицу; но Саша его не выпустилъ, и закричалъ во-все горло: воры, воры! сюда, сюда!

Мальчишка силился опъ него опдѣлаться. Онъ былъ, по-видимому, двумя годами спарѣ Саши, и гораздо его сильнѣе, но Саша былъ увершливѣе. Они боролись нѣсколько минушь; наконецъ рыжій мальчикъ одолѣлъ. Онъ повалилъ Сашу на-земь и схватилъ его за горло. Но въ это время

сильная рука вцѣпилась въ его рыжіе и щепи-
ниспые волосы и садовникъ Степанъ приподнялъ
его на полъ-аршина опъ земли.

«Ахъ, шы рыжая беспія, говорилъ садовникъ,
да какъ шы смѣешь бить маленькаго барина?»

Саша успѣлъ вскочить и оправиться.—Ты ме-
ня схватилъ подъ мышки, сказалъ онъ, а по бы
никогда меня не повадилъ. Опдай сейчасъ коль-
цо и убирайся.

— Какъ не шакъ, отвѣчалъ рыжій, и вдругъ
перевернувшись на одномъ мѣспѣ, освободилъ
свои щепины опъ руки Степановой. Тупъ онъ
пустился-было бѣжать, но Саша догналъ его,
шолкнулъ въ спину, и мальчикъ упалъ со всѣхъ
ногъ. Садовникъ снова его схватилъ, и связалъ
кушакомъ.

« Опдай кольцо! кричалъ Саша.

— Погоди, баринъ, сказалъ Степанъ, мы све-
демъ его на расправу къ прикацику.

Садовникъ повелъ плѣнника на барской дворъ,
а Саша его сопровождалъ, съ непокойствомъ

поглядывая на свои паровары, разорващія и замаранныя зеленью. Вдругъ всѣ шрое очутились передъ Кирилою Пепровичемъ, идущимъ осматривать свою конюшню.

«Эпо чпо? спросилъ онъ Степана.

Степанъ въ короткихъ словахъ описалъ все происшествіе.

Кирила Пепровичъ выслушалъ его со вниманіемъ.

«Ты, повѣса, сказалъ онъ, обращай къ Сашѣ, за-чпо ты съ нимъ связался?

— Онъ укралъ изъ дупла кольцо, папенька; прикажише опдашь кольцо.

«Какое кольцо? изъ какого дупла?

— Да мнѣ Марья Кириловна... да по кольцо... Саша смутился, спужался. Кирила Пепровичъ нахмурился и сказалъ, качая головою: шупшь замѣшалась Марья Кириловна. Признавайся во всемъ, или шакъ опдеру тебѣя розгою, чпо ты и своихъ не узнаешь.

— Ей-Богу, папенька, я... папенька... Мнѣ Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

« Спепанъ! спупай-ка, да сръжь мнѣ хорошенькую, свѣжую, березовую розгу.

— Поспойте, папенька, я все вамъ расскажу. Я сегодня, бѣгалъ по двору, а сесприца Марья Кириловна открыла окошко, и я подбѣжалъ, и сесприца ненарочно уронила кольцо, а я спряпалъ его въ дупло, и... и... эпопъ рыжій мальчикъ хопѣлъ кольцо украспъ.

« Ненарочно уронила, пы хопѣлъ спряпашъ... Спепанъ! спупай за розгами.

— Папенька, погодите, я все расскажу. Сесприца Марья Кириловна велѣла мнѣ сбѣгашъ къ дубу и положишь кольцо въ дупло, я и сбѣгалъ и положилъ кольцо, а эпопъ скверный мальчикъ...

Кирила Пепровичъ обратился къ скверному мальчику и спросилъ его грозно: чей пы?

— Я дворовой человекъ господъ Дубровскихъ, опшѣчалъ онъ.

Лицо Кирила Пепровича омрачилось. Ты, кажешся, меня господиномъ не признаешь — добро. А что ты дѣлалъ въ моемъ саду?

— Малину кралъ.

«Ага! слуга въ барина; каковъ попъ, шаковъ и приходишь; а малина развѣ распешъ у меня на дубахъ? слыхалъ ли ты это?»

Мальчикъ ничего не отвѣчалъ.

— Папенька, прикажише ему опдай кольцо, сказалъ Саша.

«Молчи, Александръ! отвѣчалъ Кирила Пепровичъ; не забудь, что я собираюсь съ шобою раздѣлаться. Спупай въ свою комнапу. Ты, ко-сой, ты мнѣ кажешься малый не-промахъ; если ты мнѣ во всемъ признаешься, такъ я шебя не выську и дамъ еще пяпакъ на орвхи. Опдай кольцо и спупай.» Мальчикъ разжалъ кулакъ и показалъ, что въ его рукѣ не было ничего. «Не по, я съ шобою сдѣлаю шо, чего ты не ожидаешь. Ну!»

Мальчикъ не отвѣчалъ ни слова и споялъ пошупя голову, принявъ на себя видъ настоящаго дурака.

«Добро! сказалъ Кирила Пепровичъ, запереть его куда-нибудь, да смопрѣшь, чпобъ онъ не убѣжалъ, или со всего дома шкуру спущу.

Степанъ отвелъ мальчика на голубяшню, заперъ его шамъ и приспавилъ смопрѣшь за нимъ старую пшичницу Агаею.

Тупъ нѣтъ никакого сомнѣнiя — она сохранила сношенiя съ проклятымъ Дубровскимъ. Но если и въ самомъ дѣлѣ она звала его на помощь, думалъ Кирила Пепровичъ, расхаживая по комнатамъ и сердито насвистывая громъ побѣды раздавайся. Я по-крайней-мѣрѣ нашелъ на его горячiе слѣды, и онъ опъ насъ не увернется. Мы воспользуемся этимъ случаемъ... Чу! колокольчикъ; слава Богу, эпо исправникъ. Привести сюда мальчишку пойманнаго.

Между-тѣмъ пележка въѣхала на дворъ, и знакомый намъ исправникъ вошелъ въ комнату весь запыленный.

«Славная вѣсть! сказалъ Кирила Пепровичъ: я поймалъ Дубровскаго.

— Слава Богу, ваше превосходительство! сказалъ исправникъ съ видомъ обрадованнымъ. Гдѣ же онъ?

«То естъ , не Дубровскаго, а одного изъ его шайки. Сейчасъ его приведуть. Онъ намъ пособишь поймашъ самого апамана. Вопшь его и привели.

Исправникъ, ожидавшій грознаго разбойника, былъ изумлень, увидѣвъ 13-ти-лѣтняго мальчи-ка, довольно слабой наружности. Онъ съ недоу-мвнїемъ обратился къ Кирилъ Пепровичу и ждалъ объясненїя. Кирила Пепровичъ спалъ шупшь же рассказываетъ, не упоминая однако жъ о Марьѣ Кириловнѣ, упреннее происшествїе.

Исправникъ выслушалъ его со вниманїемъ, по-минушно взглядывая на маленькаго негодяя, ко-порый, прскинувшись дуракомъ, казалось, не об-рацалъ никакого вниманїя на все, что дѣлалось около него.

«Позвольте, ваше превосходительство, перего-ворить съ вами наединѣ, сказалъ наконецъ ис-правникъ. Кирила Пепровичъ повелъ его въ дру-гую комнашу и заперъ за собою дверь.

Черезъ полчаса они вышли опяшь въ залу, гдѣ невольникъ ожидалъ рѣшенїя своей учаспи.

«Баринъ хоптъль, сказалъ ему исправникъ, по-

садить себя въ городской оспрогъ, выспегать плешми и сослать потомъ на поселеніе; но я вспунимся за себя и выпросилъ себя прощеніе. Развязать его!

Мальчика развязали.

«Благодари же барина, сказалъ исправникъ. Мальчикъ подошелъ къ Кирилъ Пепровичу и поцѣловалъ у него руку.

«Сступай себя домой, сказалъ ему Кирила Пепровичъ, да впередъ не крадь малины по дупламъ.

Мальчикъ вышелъ, весело спрыгнулъ съ крыльца и пустился бѣгомъ, не оглядываясь, черезъ поле къ Киспеневу. Добѣжавъ до деревни, онъ оспановился у полу-развалившейся избушки, первой съ краю и постучалъ въ окошко. Окошко поднялось и старуха показала. «Бабушка, хлѣба! сказалъ мальчикъ, я съ ушра ничего не ѣлъ, умираю съ голоду.—Ахъ! это ты, Мипя; да гдѣ жъ пропадалъ, бѣсепокъ? отвѣчала старуха.

«Послѣ разскажу, бабушка; ради Бога хлѣба!— Да войди въ избу. «Не-когда, бабушка; мнѣ надо сбѣгать еще въ одно мѣсто. Хлѣба, ради Христа,

хлѣба. — Экой непосѣдъ, проворчала спаруха; на, вопъ шебъ ломопъ — и сунула въ окно ломопъ чернаго хлѣба. Мальчикъ жадно его прикусилъ и, жуя, шагомъ опсправился далѣе.

Начинало смеркапья; Мипя пробирался овинами и огородами въ Киспеневскую роцу. Дошедши до двухъ сосень, споящихъ передовыми спражами роци, онъ оспановился, оглядѣлся во всѣ спороны, свѣснулъ свиспомъ пронзительнымъ и опривиспо — и спалъ слушати; легкой и продолжительный свиспъ посышался ему въ опвѣпъ; кто-шо вышелъ изъ роци и приблизился къ нему.

ГЛАВА ОСЬМНАДЦАТАЯ.

Кирила Петровичъ ходилъ взадъ и впередъ по залу, громче обыкновеннаго насвистывая свою пѣсню. Весь домъ былъ въ движеніи; слуги бѣгали, дѣвки суешились. На дворъ полнился народъ. Въ уборной барышни, передъ зеркаломъ, дама, окруженная служанками, убирала блѣдную, неподвижную Марью Кириловну; голова ея помно клонилась подъ тяжестью брилліантовъ; она слегка вздрагивала, когда неосторожная рука укалывала ее, но молчала, бессмысленно глядясь въ зеркало. «Скоро ли? раздастся у дверей голосъ Кирилы Петровича.—Сію мину! оповѣчала дама. Марья Кириловна, вспаньте, посмотрипесь, хорошо ли? Марья Кириловна вспала и не оповѣчала ничего. Двери опворились.—Нсвѣста гопова, сказала дама Кирилъ Петровичу, прикажите подавать карету. «Съ Богомъ! оповѣчалъ Кирила Псп-

ровичъ, и взявъ со спола образъ — подойди ко мнѣ, Маша, сказалъ онъ ей пронупымъ голосомъ, благословляю тебѣя... Бѣдная дѣвушка упала ему въ-ноги и зарыдала. Папенька.... папенька.... говорила она въ-слезахъ, и голосъ ея замиралъ. Кирила Пепровичъ спѣшилъ ее благословишь; ее подняли и почши понесли въ карешу. Съ нею съла посаженная машь и одна изъ служанокъ. Они поѣхали въ церковь. Тамъ женихъ ужъ ихъ ожидалъ. Онъ вышелъ навспрѣчу невѣспы, и былъ пораженъ ея блѣдноспію и спраннымъ видомъ. Они вмѣспѣ вошли въ холодную, пусшую церковь; за ними заперли двери. Священникъ вышелъ изъ алпаря и пошчасъ же началъ. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала; думала объ одномъ съ самага упра: ждала Дубровскаго; надежда ни на минушу ея не покидала. Но когда священникъ обрапила къ ней съ обычнымъ вопросомъ, она содрогнулась и обмерла, но еще медила, еще ожидала. Священникъ, не дождавшипъ ея ошвѣща, произнесъ невозвращимыя слова.

Обрядъ былъ конченъ, она чувспвовала холодный поцѣлуй немилаго супруга; она слышала льспивыя поздравленія присущспвующихъ, и все еще не могла повѣришь, что жизнь ея была на-

вѣки окована, что Дубровскій не прилепль освободить ее. Князь обратился къ ней съ ласковыми словами — она ихъ не поняла; они вышли изъ церкви; на паперни толпились крестьяне изъ Покровскаго. Взоръ ея быспро ихъ обѣжалъ и снова оказалъ прежнюю безчувственность. Молодые сѣли вмѣстѣ въ карету и поѣхали въ * *, куда уже Кирилла Пепровичъ отправился прежде, дабы воспрѣпить память молодыхъ. Наединѣ съ молодою женой князь нимало не былъ смущенъ ея холоднымъ видомъ. Онъ не смалъ докучасть ей припорными изъясненіями и смѣшными воепоргами; слова его были проспы и не пребовали опвѣшовъ. Такимъ образомъ проѣхали они около десяти верспъ; лошади неслись быспро по кочкамъ проселочной дороги, и карета почти не касалась на своихъ Англійскихъ рессорахъ. Вдругъ раздались крики погони; карета остановилась и толпа вооруженныхъ людей окружила ее. Человѣкъ, въ полу-маскѣ, отворилъ дверцы со стороны, гдѣ сидѣла молодая княгиня, и сказалъ ей: «вы свободны! выходите.—Что это значить? закричалъ князь; кто ты такой? ... Это Дубровскій, отвѣчала княгиня. Князь, не шеря присутствія духа, вынулъ изъ боковаго кармана дорожный пистолеть и выстрѣлилъ въ маскироващаго разбойника. Княгиня вскрикнула, и съ

ужасомъ закрыла лицо обѣими руками. Дубровскій былъ раненъ въ плечо, — кровь поблилась. Князь, не теряя ни минушы, вынулъ другой пистолешъ. Но ему не дали времени выспрѣлишь: дворцы распворились и нѣсколько сильныхъ рукъ выпасили его изъ карешы и выхватили у него пистолешъ. Надъ нимъ засверкали ножи. «Не прогашь его! закричалъ Дубровскій, и мрачные его сообщники опспутили. «Вы свободны! продолжалъ Дубровскій, обращаясь къ блѣдной княгинѣ.— Нѣтъ! отвѣчала она, поздно, я обвѣчана, я жена князя ***. «Что вы говорише! закричалъ съ опчаяніемъ Дубровскій; нѣтъ! вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласишься. . . .— Я согласилась, я дала кляпву, возразила она съ пвердоспю. Князь мой мужъ, прикажише освободишь его, и оспавыше меня съ нимъ. Я не обманывала, я ждала васъ до послѣдней минушы. . . . но шеперь, говорю вамъ, шеперь поздно. Пуспшите насъ. — Но Дубровскій уже ее не слыхалъ; боль раны и сильныя волненія души лишили его силы. Онъ упалъ у колеса; разбойники окружили его. Онъ успѣлъ сказашь имъ нѣсколько словъ; они посадили его верхомъ, двое изъ нихъ его поддерживали, шрепшій взялъ лошадь подъ успцы — и всѣ поѣхали въ-спорону,

оставя карешу посреди дороги, людей связанныхъ, лошадей оппряженныхъ, но не разграбя ничего и не проливъ ни единой капли крови, въ отмщєніе за кровь своего ашамана.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Посреди дремучаго лѣса, на узкой лужайкѣ, возвышалось маленькое земляное укрѣпленіе, состоящее изъ вала и рва, за коими находилось нѣсколько шалашей и землянокъ. На дворѣ множество людей, коихъ, по разнообразію одежды и по общему вооруженію, можно было поспѣшь признать за разбойниковъ, обѣдало, сидя безъ шапокъ, около брашскаго кошла. На валу, подлѣ маленькой пушки, сидѣлъ караульный, поджавъ подъ себя ноги. Онъ вспавлялъ заплашку въ нѣкоторую часть своей одежды, владея иголкою съ искусствомъ, обличающимъ опышнаго поршняго, и поминутно посмапривалъ на всѣ спороны.

Хотя нѣкопорый ковшикъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, спранные молчаніе царствовало въ сей полѣ; разбойники отобѣ-

дали; одинъ послѣ другаго вснавалъ и молился Богу; пѣвконюрые разошлись по шалахамъ, а другіе разбрелись по лѣсу или прилегли соснуть, по Русскому обыкновенію.

Караульщикъ кончилъ свою работу, опряхнулъ свою рухлядь, полюбовался заплашою, приколотъ къ рукаву иголку, сѣлъ на пушку верхомъ и запѣлъ во все горло меланхолическую спаривную пѣсню :

Не шуми ты, мать зелена дубровушка.

Въ это время дверь одного изъ шалапей опворилась, и старуха въ бѣломъ чепцѣ, опряжно и чопорно одѣтая, показала у порога. « Полно тебѣ, Спенка, сказала она сердито; барниѣ почиваетъ, а ты знай горланишь; нѣтъ у васъ ни совѣсти, ни жалости.—Виноватъ, Пешровна, ошвѣчалъ Спенка; ладно, больше не буду, пусть онъ себѣ, нашъ бапюшка, почиваетъ да выздоравливаетъ. Старушка ушла, а Спенка спалъ расхаживать по валу.

Въ шалапѣ, изъ котораго вышла старуха, за перегородкой, рапечій Дубровскій лежалъ на холодной кровати. Передъ нимъ, на столикѣ, лежали его инструменты, а сабля висѣла въ головаль.

Землянка усплана и обвѣшана была богатыми коврами; въ углу находился женскій серебряный шуалепъ и прюмо. Дубровскій держалъ въ рукѣ открытую книгу, но глаза его были закрышы. И спарушка, поглядывающая на него изъ-за цегрегородки, не могла знашь, заснулъ ли онъ или полько задумался.

Вдругъ Дубровскій вздрогнулъ. Въ укрѣпленіи сдѣлалась преревога, и Спенка просунулъ къ нему голову въ окошко. Батюшка, Владиміръ Андреевичъ! закричалъ онъ, наши знакъ подаюшь, насъ ищущъ. Дубровскій вскочилъ съ кровати, схватилъ оружіе и вышелъ изъ шалаша. Разбойники съ шумомъ толпились на дворѣ; при его появленіи настало глубокое молчаніе. «Всѣ ли здѣсь?» спросилъ Дубровскій.— Всѣ, кромѣ дозорныхъ, опвѣчали. «По мѣспамъ! закричалъ Дубровскій, и разбойники заняли каждый опредѣленное мѣспо. Въ сіе время шрое дозорныхъ прибѣжали къ воропамъ. Дубровскій пошелъ къ нимъ навспрѣчу. «Что шакое?» спросилъ онъ. — Солдашы въ лѣсу, опвѣчали они, насъ окружаюшь. Дубровскій велѣлъ заперешъ воропа и самъ пошелъ освидѣтельствовашъ пушку. По лѣсу раздалось нѣсколько голосовъ, и спаи приближашься. Разбойники ожидали въ безмолвіи. Вдругъ при или чепыре

солдапа показались изъ лѣсу, и пошчасъ подались назадъ, выспрѣлами давъ знашь поваричамъ. «Гоповишься къ бою! сказалъ Дубровскій, и между разбойниками сдѣлался шорохъ; снова все утихло. Тогда слышали шумъ приближающейся команды, оружія блеснули между деревьями, человекъ полпораспа солдапъ высыпало изъ лѣсу и съ крикомъ успремились па валъ. Дубровскій приспавилъ фишиль: выспрѣлъ былъ удаченъ—одному опорвало голову, двое были ранены. Между солдапами произошло смяненіе; но офицеръ бросился впередъ, солдапы за нимъ послѣдовали и сбѣжали въ ровъ. Разбойники выспрѣлили въ нихъ изъ ружей и пистолетовъ, и спали съ попорами въ рукахъ защищашь валъ, на которъ лѣзли оспервенѣлые солдапы, оспавя во рву человекъ двадцать раненыхъ поваричей. Рукопашный бой завязался. Солдапы уже были на валу—разбойники начали успупашъ; но Дубровскій подошелъ къ офицеру, приспавилъ ему пистолетъ къ груди и выспрѣлилъ. Офицеръ грянулся навзничъ, нѣсколько солдапъ подхватали его на руки и спѣшили унести въ лѣсъ; прочіе, лишасъ начальника, оспановились. Ободренные разбойники воспользовались сей минушю недоумѣнія, смяли ихъ, спѣсни въ ровъ; осаждающіе побѣжали; разбойники съ крикомъ успре-

мились за ними. Побѣда была рѣшена. Дубровскій, полагаясь на совершенное разспройство непріятеля, оспановилъ своихъ, и заперся въ крепости, удвоилъ караулы и никому не велѣлъ оплучаться, приказавъ подобрать раненыхъ.

Послѣднія происшествія обрапили уже не на шушку вниманіе правительства на дерзновенные разбои Дубровскаго. Собраны были свѣдѣнія о его мѣстопребываніи. Осправлена была рота солдатъ, дабы взять его мертваго или живаго. Поймали нѣсколько человекъ изъ его шайки и узнали опъ нихъ, что уже Дубровскаго между ними не было. Нѣсколько дней послѣ, онъ собралъ всѣхъ своихъ сообщниковъ, объявилъ имъ, что намѣренъ навсегда ихъ оспавить; совѣщывалъ и имъ переменить образъ жизни. «Вы разбогачили подѣ моимъ начальствомъ, каждый изъ васъ имѣетъ видъ, съ которымъ безопасно можетъ пробраться въ какую-нибудь опдаленную губернію и тамъ провести опальную жизнь въ честныхъ трудахъ и въ изобиліи. Но вы всѣ мошенники, и вѣроятно не захопите оспавить ваше ремесло. Послѣ сей рѣчи онъ оспавилъ ихъ, взявъ съ собою одного * *. Никто не зналъ куда онъ дѣвался. Сначала сомнѣвались въ истинѣ сихъ показаній — приверженность разбой-

никовъ къ ашаману была извѣстна: полагали, что они старались о его спасеніи; но послѣдствія ихъ оправдали. Грозныя посѣщенія, пожары и грабежи прекратились; дороги стали свободны. По другимъ извѣстіямъ узнали, что Дубровскій скрылся за границу.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

« Quel est cet homme? » На, c'est un bien grand talent: il fait de sa voix tout ce qu'il veut. « Il devrait bien, madame, s'en faire une culotte. »

Чарскій былъ одинъ изъ коренныхъ жителей Пепербурга. Ему не было еще тридцати лѣтъ; онъ не былъ женатъ; служба не обременяла его. Покойный дядя его, бывшій вице-губернаторомъ въ хорошее время, оставилъ ему порядочное имѣніе. Жизнь его была очень пріятна; но онъ имѣлъ несчастіе писать и печатать стихи. Въ журналахъ звали его поэпомъ, а въ лакейскихъ сочинилелемъ.

Не смотря на великія преимущества, коими пользуются стихотворцы (признаться: кромѣ

права ставитъ винительный падежъ вмѣсто родительнаго, и еще кой-какихъ, шакъ называемыхъ поэтическихъ вольноспей, мы никакихъ особенныхъ преимуществъ за Русскими стихотворцами не вѣдаемъ), какъ-бы по ни было, не смотря на всевозможныя ихъ преимущества, эти люди подвержены большимъ невыгодамъ и непріятностямъ. Зло самое горькое, самое нестерпимое для стихотворца есть его званіе и прозвище, копорымъ онъ заклеименъ и копорое никогда отъ него не отпадаетъ. Публика смотритъ на него какъ на свою собственность; по ея мнѣнію, онъ рожденъ для ея *пользы и удовольствія*. Возвратился ли онъ изъ деревни, первый встрѣчный спрашиваетъ его: не привезли ли вы намъ чего-нибудь новенькаго? Задумается ли онъ о разсироенныхъ своихъ дѣлахъ или о болѣзни милаго ему чловѣка, попчасть пошлая улыбка сопровождаетъ пошлое восклицаніе: вѣрно что-нибудь сочиняетъ! Влюбился ли онъ: красавица его покупаетъ себѣ альбомъ въ англійскомъ магазинѣ и ждетъ ужъ элегіи. Пріѣдетъ ли онъ къ чловѣку, почти съ нимъ незнакомому поговорить о важномъ дѣлѣ: пошь уже кличетъ своего сына и заставляетъ читать стихи шакого-по; и мальчишка угощаетъ стихотворца его же изуродованными стихами. А это еще цвѣшны ремесла!

Каковы же должны быть ягоды? Чарскій признавался, что привѣшпвія, запросы, альбомы и мальчишки такъ ему надоѣдали, что поминутно онъ принужденъ былъ удерживаться отъ какой-нибудь грубости.

Чарскій употреблялъ всевозможныя старанія, чтобы сгладить съ себя несносное прозвище. Онъ избѣгалъ общества своей бражки-липерашпоровъ и предпочипалъ имъ свѣшскихъ людей, даже самыхъ проспыхъ; но это не помогало ему. Разговоръ его былъ самый пошлый и никогда не касался липерашпурь. Въ своей одеждѣ онъ всегда наблюдалъ самую послѣднюю моду съ робостію и суевѣріемъ молодаго Москвича, въ первый разъ отъ-роду пріѣхавшаго въ Пспербургъ. Въ кабинетѣ его, убранномъ какъ дамская спальня, ничто не напоминало писателя: книги не валялись по споламъ и подъ сполами; диванъ не былъ обрызганъ чернилами; не было того безпорядка, кошорый обличаетъ присутствіе музы и отсупствіе мешлы и щепки. Чарскій былъ въ отчаяніи, если кто-нибудь изъ свѣшскихъ его друзей заспавалъ его съ перомъ въ рукахъ. Трудно повѣришь, до какихъ мелочей могъ доходить человекъ, одаренный впрочемъ талантомъ и душою. Онъ прикидывался по спраснымъ охот-

никомъ до лошадей, по опчаяннымъ игрокомъ, по самымъ тонкимъ гаспрономомъ, хошя никакъ не могъ различить горской породы отъ арабской, никогда не помнилъ козырей и вшайнъ предпочипалъ печеный картофель всевозможнымъ изобрѣшеніямъ Французской кухни. Онъ велъ жизнь самую разсѣянную; порчалъ на всѣхъ балахъ, объѣдался на всѣхъ дипломатическихъ объѣдахъ, и былъ на всякомъ званомъ вечерѣ такъ же неизбѣжимъ, какъ Резановское мороженое. Однако жъ онъ былъ поэтъ, и страсть его была неодолима. Когда находила на него такая *дрянь* (такъ называлъ онъ вдохновеніе), Чарскій запирался въ своемъ кабинетѣ и писалъ съ утра до поздней ночи. Онъ признавался искреннимъ своимъ друзьямъ, что только тогда и зналъ истинное счастье. Остальное время онъ гулялъ, чинясь и припворяясь, и слыша поминутно славный вопросъ: не написали ли вы чего-нибудь новенькаго?

Однажды упрямъ Чарскій чувствовалъ по годовашнее расположеніе духа, когда мечтанія явственнo рисуются передъ вами, и вы обрѣщаете живыя, неожиданныя слова для воплощенія ихъ видѣній, когда стихи легко ложатся подъ перо ваше, и звучныя рифмы бѣгутъ навстрѣчу спройной мысли. Чарскій погруженъ былъ душою

въ сладосное забвеніе... и свѣпъ, и мелочи свѣпа, и его собешвенныя причуды для него не существовали. Онъ писалъ стихи.

Вдругъ дверь его кабинета скрипнула, и незнакомая голова челоѡка показалась. Чарскій вздрогнулъ и нахмурился. *Кто тамъ?* спросилъ онъ съ досадою, проклиная въ душѣ своихъ слугъ, никогда не сидѣвшихъ въ передней.

Незнакомецъ вошелъ. Онъ былъ высокаго роспу, худоцавъ и казался лѣпъ придцапи. Черпы смуглага его лица были выразительны: блѣднѣй, высокій лобъ, осѣнненнѣй черными клоками волосъ, черные сверкающіе глаза, орлиный носъ и густая борода, окружающая впалыя желтосмуглыя щеки, обличали въ немъ иностранца. На немъ былъ черный фракъ, побѣлѣвшій уже по швамъ; панталоны лѣпнія (хотя на дворъ спояла уже глубокая осень); подъ исперпымъ чернымъ галспухомъ на желтоватой манишкѣ блестялъ фальшивѣй алмазъ; шершавая шляпа, казалось, видала и ведро и ненастье. Вспрѣшясь съ эшимъ челоѡкомъ въ лѣсу, вы приняли бы его за разбойника; въ общеспвѣ за полипическаго заговорщика; въ передней за шарлапана, шоргующаго элексирами и мышьякомъ.

«Что вамъ надобно?» спросилъ его Чарскій на Французскомъ языкѣ.

— *Signor*, отвѣчалъ по-Ипальянски иноспрянецъ съ низкими поклонами, просните меня великодушно, если

Чарскій не предложилъ ему спуга и вспалъ самъ; разговоръ продолжался на Ипальянскомъ языкѣ.

— Я Ипальянской художникъ, говорилъ незнакомый; обстоятельство принудили меня оставить отечество; я прѣхалъ въ Россію въ надеждѣ на свой талантъ.

Чарскій подумалъ, что Ипальянецъ собирается дать нѣсколько концертовъ на віолончели и развозить по домамъ свои билеты. Онъ уже хотѣлъ вручить ему свои двадцать пять рублей и скорѣе отъ него избавиться, но незнакомецъ прибавилъ: Надѣюсь, *signor*, что вы сдѣлаете дружеское вспоможеніе своему собрату и введете меня въ дома, въ которые сами имѣете доступъ.

Невозможно было нанести пицеславію Чарска-

го оскорбленія болѣе чувствительнаго. Онъ съсиво взглянулъ на того, кто назывался его собратомъ. «Позвольте спросить, кто вы такой, и за кого вы меня принимаете?» спросилъ онъ, съ прудомъ удерживая свое негодованіе.

Ипальянецъ замѣшилъ его досаду.

— *Signor*, отвѣчалъ онъ, запинаясь, я осмѣлился думать, что... ваше превосходительство не сочтете дерзоспкію...

«Что вамъ угодно?» повпорилъ сухо Чарскій.

— Я много слыхалъ о вашемъ удивительномъ талантѣ; я увѣренъ, что здѣшніе господа спавяптъ за честь оказываптъ всевозможное покровительство, такому превосходному поэпу, отвѣчалъ Ипальянецъ, и попому я осмѣлился къ вамъ явиться...

«Вы ошибаешься, *signor*, прервалъ его Чарскій. Званіе поэповъ у насъ не существуетъ. Наши поэпы не пользуются покровительствомъ господъ; наши поэпы сами господа, и если наши меценаты (чортъ ихъ побери!) этого не знаютъ, пѣмъ хуже для нихъ. У насъ нѣтъ обор-

ванныхъ аббашовъ, копорыхъ музыкантъ бралъ бы съ улицы для сочиненія libretto. У насъ поэты не ходятъ пѣшкомъ изъ дому въ домъ, выпрашивая себѣ вспоможенія. Впрочемъ, върояпно вамъ сказали въ - шутку, будто я великій стиховорець. Правда, я когда-то написалъ нѣсколько плохихъ эпиграммъ; но, слава Богу, съ господами стиховорцами ничего общаго не имѣю и имѣть не хочу.

Бѣдный Ишальянецъ смутился. Онъ поглядѣлъ вокругъ себя. Картины, мраморныя статуи, бронзы, дорогія игрушки, расплавленные на гошическихъ эпажеркахъ, поразили его. Онъ понималъ, что между надменнымъ dandy, стоящимъ передъ нимъ въ парчевой скуфейкѣ, въ золотистомъ Кипайскомъ халатѣ, опоясанномъ Турецкой шалью, и имъ, бѣднымъ кофующимъ арпистомъ, въ испертомъ галстухѣ и поношенномъ фракѣ—ничего не было общаго. Онъ проговорилъ нѣсколько невнятныхъ извиненій, поклонился и хотѣлъ выпши. Жалкій видъ его пронузъ Царскаго, копорый, вопреки мелочамъ своего характера, имѣлъ сердце доброе и благородное. Онъ успыдился раздражительности своего самолюбія.

«Куда жъ вы?» сказалъ онъ Ишальянцу. По-

спойте. . . Я долженъ былъ опклонить опъ себя незаслуженное шило и признаюсь вамъ, что я не поэтъ. Теперь поговоримъ о вашихъ дѣлахъ. Я готовъ вамъ услужить, въ чемъ только будетъ возможно. Вы музыкантъ?»

— Нѣтъ, Ессезенза! оптѣчалъ Ипальянецъ я бѣдный импровизаторъ.

«Импровизаторъ! вскрикнулъ Чарскій, почувствовавъ всю жестокость своего обхожденія. Зачѣмъ же вы прежде не сказали, что вы импровизаторъ?» и Чарскій сжалъ ему руку съ чувствомъ искренняго раскаянія.

Дружескій видъ его ободрилъ Ипальянца. Онъ просподушно разговорился о своихъ предположеніяхъ. Наружность его не была обманчива. Ему нужны были деньги: онъ надѣялся въ Россіи кое-какъ поправить свои домашнія обспояпельства. Чарскій выслушалъ его со вниманіемъ.

«Я надѣюсь, сказалъ онъ бѣдному художнику, что вы будете имѣть успѣхъ: здѣшнее общепство никогда еще не слыхало импровизатора. Любопытство будетъ возбуждено. Правда, Ипальянскій языкъ у насъ не въ употребленіи: васъ

не поймушь; но эшо не бѣда; главное, чшобъ вы были въ модѣ.»

— Но если у васъ никшо не понимаетъ Ипальянскаго языка, сказалъ призадумавшись импровизаторъ, кто жъ поѣдетъ меня слушать?

«Поѣдушь, не опасайшесь, иные изъ любителейшва, другіе, чшобъ провести вечеръ какъ-нибудь, шретьи, чшобъ показашь, чшо понимаютъ Ипальянскій языкъ; повшоряю, надобно шолько, чшобъ вы были въ модѣ; а вы ужъ будете въ модѣ — вошъ вамъ моя рука.

Чарскій ласково разспался съ импровизаторомъ, взявъ себѣ его адресъ, и въ шощъ же вечеръ поѣхалъ за него хлопошашь.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ.
Державинъ.

На другой день Царскій въ темномъ и нечистомъ корридорѣ трактира опыскиваетъ 55-й номеръ. Онъ оспановился у двери и постучался. Вчерашній Ипальянецъ отворилъ ее. «Побѣда! сказалъ ему Царскій, ваше дѣло въ шляпѣ. Княгиня * * даетъ вамъ свою залу; вчера на раупѣ я успѣлъ завербовать половину Петербурга; печатайте билеты и объявленіе. Ручаюсь вамъ, если не за триумфъ, по - крайней - мѣрѣ за башпъ . . . »

— А это главное, вскричалъ Ипальянецъ, изъясняя свою радость живыми движеніями, свойственными южной его породѣ. Я зналъ, что вы

мнѣ поможете. *Согро ді Вассо!* Вы поэтъ, такъ же какъ и я; а, что ни говори, поэмы славныя ребята! Какъ изъясню вамъ мою благодарность? Постойте хлопните ли выслушавъ импровизацію? —

«Импровизацію! . . . развѣ вы можете обойтись и безъ публики, и безъ музыки, и безъ грома рукоплесканій?»

— Пустое, пустое! гдѣ найши мнѣ лучшую публику? Вы поэтъ, вы поймете меня лучше ихъ — и ваше тихое одобреніе дороже мнѣ цѣлой бури рукоплесканій. . . . Садитесь гдѣ-нибудь и задайте мнѣ пему.

Чарскій сѣлъ на чемоданъ (изъ двухъ спульевъ, находившихся въ пѣсной конуркѣ, одинъ былъ сломанъ, другой заваленъ бумагами и бѣльемъ). Импровизаторъ взялъ со спѣсны гитару и спалъ передъ Чарскимъ, перебирая струны коспливыми пальцами и ожидая его заказа.

«Вошъ вамъ шема, сказалъ ему Чарскій: *Поэтъ самъ избираетъ предметы для своихъ пьесъ; толпа не имѣетъ права управлять его вдохновеніемъ.*»

Глаза Ипальянца засверкали; онъ взялъ нѣсколько акордовъ; гордо поднялъ голову, и пылкіе спихи — выраженія мгновеннаго чувства — спройно излепали изъ устъ его. Вопль они, вольно переданные однимъ изъ нашихъ пріятелей со словъ, сохранившихся въ памяти Чарскаго *

Ипальянецъ умолкъ. . . . Чарскій молчалъ, изумленный и распротаный.

— Ну, что? спросилъ импровизаторъ.

Чарскій схватилъ его руку и сжалъ ее крѣпко.

— Что? спросилъ импровизаторъ, каково?

«Удивительно! отвѣчалъ поэтъ. «Какъ! чужая мысль чуть коснулась вашего слуха, и уже спала вашею собственностію, какъ будто вы съ нею носились, лелѣли, развивали ее беспрепятственно. И пакъ, для васъ не существуетъ ни труда, ни охлажденія, ни этого безпокойства, коцорое предшествуетъ вдохновенію? Удивительно, удивительно! . . . »

* Этого перевода не нашлось въ рукописи.

Импровизаторъ отвѣчалъ: «Всякой талантъ неизъяснимъ. Какимъ образомъ ваятель въ кускѣ каррарскаго мрамора видитъ сокрытаго Юпитера, и выводитъ его на свѣтъ рѣзцемъ и молотомъ, раздробляя его оболочку? Почему мысль изъ головы поэта выходитъ уже вооруженная чешырьмя рифмами, размѣренная спройными, однообразными стопами? Неизъяснимо! Никто, кромѣ самого импровизатора, не можетъ понять эту быспропу впечатлѣній, эту тѣсную связь между собственнымъ вдохновеніемъ и чуждой внешней волей; но и самъ онъ щепотно хопѣлъ бы высказать шайну свою словами. Однако... надобно подумать о моемъ первомъ вечерѣ. Какъ вы полагаете? Какую цѣну можно будетъ назначить за билетъ, чтобы публикѣ не слишкомъ было тяжело, и чтобы я между-тѣмъ не оспался въ накладѣ? Говорятъ, *la Signora Catalani* брала по 25 рублей? Цѣна хорошая...

Непріятно было Чарскому съ высоты поэзіи вдругъ упасть подъ лавку конпорщика; но онъ очень хорошо понималъ житейскую необходимость, и пустился съ Ипальянцемъ въ меркантильные расчеты. Ипальянецъ при семъ случаѣ обнаружилъ такую простодушную любовь къ прибыли, что онъ опрокинулъ Чарскому, копо-

рый поспѣшилъ его оставить, чтобы не совсемъ утратить чувство восхищенія, произведенное въ немъ блестящею импровизаціею. Озабоченный Испальянецъ не замѣтилъ этой перемены, и проводилъ Царскаго по корридору и по лестницѣ, съ глубокими поклонами и увѣреніями въ вѣчной благодарности.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Цѣна за билетъ 10 рублей; начало въ 7 часовъ.

Афишка.

—

Зала княгини * * отдана была въ распоряженіе импровизатора; подмостки были сооружены; спулья расплавлены въ двенадцать рядовъ. Въ назначенный день, съ семи часовъ вечера, зала была освѣщена; у дверей, передъ сполникомъ, для продажи и приѣма билетовъ, сидѣла старая долгоногая женщина, въ сѣрой шляпкѣ съ надломленными перьями и съ перстнями на всѣхъ пальцахъ. У подъѣзда спояли жандармы. Публика начала собираться. Царскій прѣѣхалъ изъ первыхъ. Онъ принималъ большое участіе въ успѣхахъ представленія, и хотѣлъ видѣть импровизатора, чпобъ узнать, всѣмъ ли онъ доволенъ? Онъ нашелъ Ипальянда въ боковой комнатѣ, съ непер-

пѣніемъ посмащривающаго на часы. Ппальянецъ одѣтъ былъ ппеапрально. Онъ былъ въ черномъ съ ногъ до головы. Кружевной воропникъ его рубашки былъ ошкинутъ; голая шея своею спранной бѣлизною ярко ошдѣлялась опѣ густой и черной бороды; волоса оппущенными клоками ошняли ему лобъ и брови. Все это очень не понравилось Чарскому, копорому неприяпно было видѣтъ поѣша въ одеждѣ заѣзжаго фигляра. Онъ, послѣ коропкаго разговора, возврапился въ залу, копорая болѣе и болѣе наполнялась. Вскорѣ всѣ ряды кресель были заняты блестящими дамами; мужчины спѣсенной рамою спали у подмоспковъ, вдоль спѣнъ; за послѣдними спульями музыканты, съ своими пюпипрами, занимали обѣ спороны подмоспковъ. Посреди спояла на споль фарфоровая ваза; публика была многочисленна. Всѣ съ неперпѣніемъ ожидали начала; наконецъ въ половинѣ осьмаго музыканты засутились, пригоповили смычки и заиграли увершюру изъ Танкреда. Все усѣлось и примолкло. Послѣдніе звуки увершюры прогремѣли. . . . Импровизаторъ, вспрѣченнѣй оглушипельнымъ плескомъ, поднявшимся со всѣхъ споронъ, съ низкими поклонами приблизился къ самому краю подмоспковъ.

Чарскій съ безпокойспвомъ ожидалъ, како

впечатлѣніе произведенія первая минуша; но онъ замѣнилъ, что нарядъ, которій показался ему такъ неприличенъ, не произвелъ того же дѣйствія на публику: самъ Чарскій не нашелъ ничего смѣшнаго въ Ипальянецѣ, когда увидѣлъ его на подмосткахъ, съ блѣднымъ лицомъ, ярко освѣщеннымъ множествомъ лампъ и свѣчъ. Плескъ ушихъ; говоръ умолкъ. . . . Ипальянецъ, изъясняясь на плохомъ Французскомъ языкѣ, просилъ господъ посѣпшителей назначить нѣсколько темъ, написавъ ихъ на особыхъ бумажкахъ. При этомъ неожиданномъ приглашеніи, всѣ молча поглядѣли другъ на друга, и никто ничего не отвѣчалъ. Ипальянецъ, подождавъ немного, повторилъ свою просьбу робкимъ и смиреннымъ голосомъ. Чарскій стоялъ подъ самыми подмостками; имъ овладѣло безпокойство; онъ предчувствовалъ, что дѣло безъ него не обойдется и что онъ принужденъ будетъ написать свою тему. Въ самомъ дѣлѣ нѣсколько дамскихъ головокъ обратилось къ нему и стали вызывать его сперва въ-полголоса, потомъ громче и громче. Услыша имя его, импровизаторъ опыскалъ его глазами у своихъ ногъ, и подаль ему карандашъ и клочекъ бумаги съ дружескою улыбкою. Играше роль въ этой комедіи казалось Чарскому очень непріятно, но дѣлать было нечего; онъ взялъ карандашъ и бу-

магу изъ рукъ Ишальянца, и написалъ нѣсколько словъ; Ишальянецъ, взявъ со сполы вазу, сошелъ съ подмоспковъ, поднесъ ее Чарскому, которьй бросилъ въ нее свою шему. Его примѣръ подѣйствоваль; два журналиста, въ качествѣ литераторовъ, почли обязанностію написать каждый по шемъ; секретарь Неаполиспанскаго посольства, и молодой человекъ, недавно возвращившійся изъ пупсшествія, брѣдя о Флоренці, положили въ урну свои свернутыя бумажки. Наконецъ одна некрасивая дѣвица, по приказанію своей мапери, со слезами на глазахъ, написала нѣсколько строкъ по - Ишальянски, и покраснѣвъ по-уши, опдала ихъ импровизатору, между-шѣмъ, какъ дамы смопрѣли на нее молча, съ едва замѣпною усмѣшкой. Возвращаясь на свои подмоспки, импровизаторъ поставилъ урну на споль, и спалъ вынимать бумажки одну за другой, читая каждую вслухъ.

Семейство Ченчи. (*La famiglia del Cenci*).
L'ultimo giorno di Pompeia. Cleopatra e i suoi amanti. La primavera veduta d'una prigione. Il trionfo di Tasso.

«Что прикажетъ почтенная публика?» спросилъ смиренный Ишальянецъ; назначилъ ли мнѣ

сама одинъ изъ предложенныхъ предметовъ, или предоспавившъ рѣшить это жребію? . . . »

Жребій! сказалъ одинъ голосъ изъ толпы; жребій, жребій! повторила публика.

Импровизаторъ сошелъ опять съ подмостковъ, держа въ рукахъ урну, и спросилъ: кому угодно будетъ вынуть шему? Импровизаторъ обвелъ умоляющимъ взоромъ первые ряды спульевъ. Ни одна изъ блестящихъ дамъ, шупъ сидѣвшихъ, не пронулась. Импровизаторъ, не привыкшій къ сѣверному равнодушію, казалось, спрадалъ. . . . Вдругъ замѣпилъ онъ въ споронѣ подняшуюся ручку въ бѣлой маленькой перчаткѣ: онъ съ живостію оборотился и подошелъ къ молодой величавой красавицѣ, сидѣвшей на краю вшораго ряда. Она встала безо всякаго смущенія и со всевозможною простопою опустила въ урну аристокрапическую ручку, и вынула свершокъ. «Извольте развернуть и прочипашъ» сказалъ ей импровизаторъ. Красавица развернула бумажку и прочла вслухъ: *Cleopatra e i suoi amanti.* Эти слова произнесены были тихимъ голосомъ, но въ залѣ царшвовала такая пишина, что все ихъ услышали. Импровизаторъ низко поклонился прекрасной дамѣ съ видомъ глу-

бокой благодарности, и возвратился на свои подмошки. «Господа! сказалъ онъ обращаясь къ публикѣ, жребій назначилъ мнѣ предметомъ импровизаціи Клеопатру и ея любовниковъ. Покорно прошу особу, избравшую эту тему, пояснить мнѣ свою мысль: о какихъ любовникахъ здѣсь идетъ рѣчь, *perche la grande regina ha véva molto?* . . .»

При сихъ словахъ многіе мужчины громко засмѣялись. Импровизаторъ немного смутился. «Я желалъ бы знать, продолжалъ онъ, на какую историческую черту намекала особа, избравшая эту тему? . . . Я буду весьма благодаренъ, если угодно ей будетъ изъясниться.»

Никто не спорился отвѣчать. Нѣсколько дамъ оборотили взоры на некрасивую дѣвушку, написавшую тему по приказанію своей мащери. Бѣдная дѣвушка замѣшила это неблагоклонное вниманіе, и такъ смутилась, что слезы повисли на ея рѣсницахъ. . . . Царскій не могъ этого вынести, и обращаясь къ импровизатору, сказалъ ему на Испальянскомъ языкѣ: тема предложена мною. Я имѣлъ въ виду показаніе Аврелія Виктора, копорый пишетъ, будно бы Клеопатра назначила смерть цѣною своей любви, и что

нашлись обожатели, копорыхъ такое условіе не испугало и не отвратило.... Мнѣ кажется, однако, что предметъ немного затруднителенъ.... Не выберете ли вы другаго?...

Но уже импровизаторъ чувствовалъ приближеніе бога.... онъ далъ знакъ музыкантамъ играть. Лице его страшно поблѣднѣло; онъ зашепталъ какъ въ лихорадкѣ; глаза его засверкали чуднымъ огнемъ; онъ приподнялъ рукою черные свои волосы, оперъ плашкомъ высокое чело, покрытое каплями пота... и вдругъ шагнулъ впередъ, сложилъ крестомъ руки на грудь.... музыканты умолкли.... импровизація началась.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
 Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ;
 Царица голосомъ и взоромъ
 Свой пышный оживляла пиръ.
 Сердца неслись къ ея престолу;
 Но вдругъ надъ чашей золотой
 Она задумалась, и долу
 Поникла дивною главой...

И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
 Безмолвны гости; хоръ молчитъ.
 Но вновь она чело подымлетъ
 И съ видомъ яснымъ говоритъ:

Въ моей любви для васъ блаженство;
 Блаженство можно вамъ купить . . .
 Внемлите мнѣ: могу равенство
 Межъ вами я возстановишь.
 Кто къ торгу страстному приступишь?
 Свою любовь я продаю;
 Скажите: кто межъ вами купить
 Цѣною жизни почъ мою?

Рекла — и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
 И страстью дрогнули сердца — —
 Она смущенный ропотъ внемлетъ
 Съ холодной дерзостью лица,
 И взоръ презрительный обводитъ
 Кругомъ поклонниковъ своихъ. . . .
 Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
 Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
 Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
 Она навстрѣчу имъ встаетъ.
 Свершилось: куплены три ночи,
 И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
 Теперь изъ урны роковой
 Предъ неподвижными гостями
 Выходятъ жребіи чредой:
 И первый — Флавій, воинъ смѣлый,
 Въ дружинахъ Римскихъ посядѣлый;
 Снести не могъ онъ отъ жены
 Высокомѣрнаго презрѣнья;
 Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
 Какъ принималъ во дни войны
 Онъ вызовъ яраго сраженья.

За нимъ Критонъ, молодой мудрецъ,
 Рожденный въ рощахъ Эпикура,
 Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
 Харитъ, Киприды и Амура.
 Любезный сердцу и очамъ,
 Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
 Послѣдній имени вѣкамъ
 Не передалъ. Его ланиты
 Пухъ первый нѣжно отбнялъ;
 Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
 Страстей неопытная сила
 Кипѣла въ сердцѣ 'молодомъ. . . .
 И съ умиленіемъ на немъ
 Царица взоръ остановила.

Клянусь о, мать наслажденій,
 Тебѣ неслыханно служу:
 На ложе страстныхъ искушеній
 Простой наемницей схожу.
 Вземли же, мощная Киприда,
 И вы, подземные цари
 И боги грознаго Аида,
 Клянусь, до утренней зари
 Моихъ властителей желанья
 Я сладострастно утолю,
 И всѣми тайнами лобзанья
 И дивной нѣгой утомлю.
 Но только утренней порфирой
 Аврора вѣчная блеснетъ,
 Клянусь, подъ смертною съкирой
 Глава счастливецъ отпадетъ.

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампы,
Курится легкій ѳиміамъ:
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ:
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блится ложе золотое.

.

С Ц Е Н Ы

ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

С Ц Е Н Ы

ИЗЪ РЫЦАРСКИХЪ ВРЕМЕНЪ.

І.

МАСТЕРСКАЯ МАРТЫНА.

МАРТЫНЪ.

Послушай, Францъ! въ послѣдній разъ говорю тебѣ, какъ отецъ: я долго шерпѣлъ швой проказы, но долѣе шерпѣшь не намѣренъ. Уймись, или худо будешь.

ФРАНЦЪ.

Помилуй, отецъ! зачщо ты на меня сердишься? Я, кажешся, ничего не дѣлаю.

МАРТЫНЪ.

Ничего не дѣлаю! по-шо и худо, что ничего не дѣлаешь. Ты, лѣнивещъ, даромъ хлѣбъ ѣшь, да небо копшишь. Начшо ты надѣнешься? На мое

богатство? Да развѣ я разбогатѣлъ, сложа руки и сочиняя глупыя пѣсни? Какъ минуло мнѣ 14 лѣтъ, покойный отецъ далъ мнѣ два крейцера въ руки, да два полчка въ спину, да при-
 молвилъ: сшупай-ка, Мартынъ, самъ кормишься, а мнѣ и безъ тебя тяжело. Съ той поры мы ужъ и не видались. Слава Богу, нажилъ я себѣ и домъ и деньги и честное имя — а чѣмъ? бережливостію, терпѣніемъ, прудолобіемъ. Вопь ужъ мнѣ и за 50, и пора бы ужъ отдохнуть, да тебѣ передашь и счетныя книги и весь домъ. А могу ли о томъ и подумать? Какую могу имѣть къ тебѣ довѣренность? Тебѣ бы только гулять съ господами, которые насъ презирають, да забирають въ долгъ повары. Я знаю тебя: ты стыдишься своего соспожня. Но слушай, Францъ, если ты не перемѣнишься, не опспанешь опъ дворянъ, да не примешься порядкомъ за свое дѣло, то, видишь Богъ, выгоню тебя изъ дому, а своимъ наследникомъ назначу Карла Герца; моего подмасперья.

ФРАНЦЪ.

Твоя воля, отецъ! дѣлай, какъ хочешь.

МАРТЫНЪ.

То-то же, смотри.

(*Входитъ братъ Бертольдъ*).

МАРТЫНЪ.

Вопшь и другой сумасбродъ. Зачьмъ пожаловаль?

БЕРТОЛЬДЪ.

Здравсплуй, сосѣдъ. Мнѣ до тебя нужда.

МАРТЫНЪ.

Нужда! Опяшь денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Да . . . не можешь ли одолжить полтораспа гульденовъ?

МАРТЫНЪ.

Какъ не шакъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? Я вѣдь не кладъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Пожалуй, не скупись. Ты знаешь, что эти деньги для тебя не пропадшія.

МАРТЫНЪ.

Какъ не пропадшія? Мало ли я тебѣ передавалъ? Куда онѣ дѣлись?

БЕРТОЛЬДЪ.

Въ дѣло пошли; но теперъ прошу тебя ужъ въ послѣдній разъ.

МАРТЫНЪ.

Объ энихъ послѣднихъ разяхъ я слышу ужъ не въ первый разъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Нѣтъ, право. Последній мой опытъ не удался опть бездѣлицы; теперь ужъ я все рассчиталъ: опытъ мой не можетъ не удался.

МАРТЫНЪ.

И это я слышу не впервые.

БЕРТОЛЬДЪ.

Сосѣдъ! не будь самъ себѣ врагомъ. Не поперай случая сдѣлаться первымъ изъ земныхъ богачей.

МАРТЫНЪ.

Эхъ! Бертольдъ, Бертольдъ! Если бы ты не побросалъ въ алхимическій огонь всѣхъ денегъ, которыя прошли чрезъ твои руки, то былъ бы богатъ. Ты сулишь мнѣ сокровища, а самъ приходишь ко мнѣ за милосердіемъ. Какой путь смѣль?

БЕРТОЛЬДЪ.

Золото мнѣ не нужно, я ищу одной истины.

МАРТЫНЪ.

А мнѣ чортъ ли въ истинѣ? мнѣ нужно золото.

БЕРТОЛЬДЪ.

Такъ ты не хочешь повѣрить мнѣ еще?

МАРТЫНЪ.

Не могу и не хочу.

БЕРТОЛЬДЪ.

Такъ прощай же, сосѣдъ.

МАРТЫНЪ.

Прощай.

БЕРТОЛЬДЪ.

Пойду къ барону Раулю: авось дасшь онъ мнѣ денегъ.

МАРТЫНЪ.

Баронъ Рауль? Да гдѣ взяшь ему денегъ? Вассалы его разорены. А, слава Богу, нынче по большимъ дорогамъ не шакъ - по легко наживашься.

БЕРТОЛЬДЪ.

Я думаю, у него деньги ешь, пошому - что у герцога запѣваешь шурниръ, и баронъ туда опправляешься. Прощай.

МАРТЫНЪ.

И ты думаешь, дасшь онъ тебѣ денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Можешь бышь, и дасшь.

МАРТЫНЪ.

И ты упошребишь ихъ на послѣдній опышь?

БЕРТОЛЬДЪ.

Непремѣнно.

МАРТЫНЪ.

А если опытъ не удастся?

БЕРТОЛЬДЪ.

Нечего будетъ дѣлать. Если и эпопѣ опытъ не удастся, по алхиміи вздоръ.

МАРТЫНЪ.

А если удастся?

БЕРТОЛЬДЪ.

Тогда я возвращу тебѣ съ лихвой и благодарностію всѣ суммы, копорыя занялъ у тебя, а барону Раулю открою великую тайну.

МАРТЫНЪ.

Зачѣмъ барону, а не мнѣ?

БЕРТОЛЬДЪ.

И радъ бы, да не могу: ты знаешь, что я общаюсь Пресвятой Богородицѣ раздѣливъ мою тайну съ тѣмъ, кто поможетъ мнѣ при послѣднемъ и рѣшительномъ моемъ опытѣ.

МАРТЫНЪ.

Эхъ, ошецъ Бертольдъ, охота тебѣ разоряться. Куда же ты? Постой: ну, такъ и будь, на эпопѣ разъ дамъ тебѣ денегъ въ-зай-

мы. Богъ съ побою! Но смопри жъ, сдержи свое слово: пусшь эпошь опышь будешъ послѣднимъ и рѣшителнымъ.

ВЕРТОЛЬДЪ.

Не бойся, другаго ужъ не понадобится.

МАРТЫНЪ.

Погоди же здѣсь; сейчасъ тебѣ вынесу.. сколько бишь тебѣ надобно?

ВЕРТОЛЬДЪ.

Полпораста гульденовъ.

МАРТЫНЪ.

Сто пятьдесятъ гульденовъ... Боже мой! и еще въ какія крупныя времена!

ВЕРТОЛЬДЪ И ФРАНЦЪ.

ВЕРТОЛЬДЪ.

Здравствуй, Францъ, о чемъ ты задумался?

ФРАНЦЪ.

Какъ мнѣ не задуматься? Сейчасъ отецъ грозился меня выгнать и лишитъ наслѣдства.

БЕРТОЛЬДЪ.

За чшо это?

ФРАНЦЪ.

За шо, чшо я знакомство веду съ рыцарями.

БЕРТОЛЬДЪ.

Онъ не совсѣмъ правъ, да и не совсѣмъ виноватъ.

ФРАНЦЪ.

Развѣ мѣщанинъ не достоинъ дышать однимъ воздухомъ съ дворяниномъ? Развѣ не всѣ мы произошли отъ Адама?

БЕРТОЛЬДЪ.

Правда, правда. Но видишь, Францъ, уже это-му давно: Каинъ и Авель были родные братья, а Каинъ не могъ дышать однимъ воздухомъ съ Авелемъ, и они были равны передъ Богомъ. Въ первомъ семействѣ уже мы видимъ неравенство и зависъ.

ФРАНЦЪ.

Виноватъ ли въ шомъ, чшо не люблю своего соспоянiя, чшо чешъ для меня дороже денегъ?

БЕРТОЛЬДЪ.

Всякое соспоянiе имѣетъ свою чешъ и свою выгоду; мы мѣшаемъ шой и другой, когда оспавляемъ шо соспоянiе, въ кошоромъ родились: дво-

рянинъ воюешъ и красуешся, мѣщанинъ прудишся и богащѣешъ; рыцарь на конѣ почпенъ и въ замкѣ за рѣшеткою своей башни; но ему неприлично считашъ барыши. Купца почитаешъ народъ въ его лавкѣ, но онъ былъ бы смѣшонъ на турнирѣ.

МАРТЫНЪ (*входитъ*).

Воинъ тебѣ полпораспа гульденовъ; смопри же, пѣшу себя въ послѣднй разъ.

БЕРТОЛЬДЪ.

Благодаренъ, очень благодаренъ, не будешъ раскаявашся.

МАРТИНЪ.

Ну, а если опытъ пвой тебѣ удастся, и у тебя будешъ и золопа и славы вдоволь, будешъ ли ты спокойно наслаждашся жизнью?

БЕРТОЛЬДЪ.

Займусь еще однимъ изслѣдованiемъ: мнѣ кажешся, еспь средство отккрыть *perpetuum mobile*.

МАРТЫНЪ.

Что такое *perpetuum mobile*?

БЕРТОЛЬДЪ.

Perpetuum mobile *вѣчное движенiе*. Если найду вѣчное движенiе, то я не вижу границъ пвор-

честиву человѣческому... Видишь ли, добрый мой Мартынь: дѣлашь золопо — задача заманчивая, опкрытіе можешь быть любопытное, и выгодное; но найми *perpetuum mobile*... о!...

МАРТЫНЬ.

Убирайся къ чорпу съ своимъ *perpetuum mobile*... Ей-Богу, отецъ Бертольдъ, ты хоть кого изъ шерпѣвнїа выведешь. Ты пребуешь денегъ на дѣло, а говоришь Богъ знаетъ что.

БЕРТОЛЬДЪ.

Экой онъ брюзга.

МАРТЫНЬ.

Экой онъ сумасбродъ.

III.

ФРАНЦЪ (одинъ).

Чортъ побери наше состояніе! опець у меня богашъ, а мнѣ какое дѣло? Дворянинъ, у котораго нѣтъ ничего, кромѣ зазубреннаго меча, да заржавѣвшаго шлема, счаспливѣе и почешнѣе опца моего: опецъ мой сываетъ передъ нимъ шляпу, а попъ и не сморигъ на него. Деньги! Попому-что деньги доспались ему не дешево, такъ онъ и думаетъ, что въ деньгахъ вся и сила. Какъ не такъ! Если онъ такъ силенъ, попробуй опець ввеси меня въ баронскій замокъ? Деньги! Деньги рыцарю не нужны, на по ешь мѣщане. Какъ прижмешь ихъ, такъ у нихъ и забрызжетъ кровь червонцами. Чортъ побери наше состояніе! Да по-мнѣ лучше бытъ послѣднимъ минспрелемъ: эпого, по-крайней-мѣрѣ въ замкъ принимающъ; госпожа слушаетъ его пѣс-

ни, наливаєшь ему чашу и подносишь изъ своихъ рукъ.

Купецъ, сидя за своими книгами, счищаетъ, счищаетъ, клянется передъ всякимъ покупщикомъ: «*Ей-Богу, сударь, самый лучший товаръ, дешевле нигдѣ не найдете.*—Врешь пы, жидъ.—«*Никакъ нѣтъ, честію васъ увѣрляю . . . Чеспью! Хороша честь. А рыцарь? Онъ воленъ какъ соколъ, онъ никогда не горбился надъ счесами, онъ идешь прямо и гордо; онъ скажетъ слово—ему вѣряшь.*

Да развѣ это жизнь? Чортъ се побери! Пойду лучше въ минспрели. Однако что это сказалъ баронъ? Турниръ въ . . и шуда ѣдетъ баронъ . . ахъ, Боже мой! памъ будетъ и Клопильда. Дамы обсядутъ кругомъ, шрепеща за своихъ рыцарей; шрубы зашрубятъ, выступятъ герольды, рыцари, объѣдутъ поле, преклонятъ копы предъ благосклонной красавицей. Трубы опятъ зашрубятъ, рыцари разѣдутся, помчатся другъ на друга . . дамы ахнутъ. Боже мой! и никогда не подыму я пыи на шурниръ, никогда герольдъ не возгласитъ моего имени, презрѣннаго мѣщанскаго имени, никогда Клопильда не ахнетъ . . Деньги! кабы зналъ онъ, какъ ры-

цари презирають насъ, не смотря на наши деньги...

АЛЬБЕРТЪ (*входитъ*).

А! эшо Францъ, на кого ты раскричался?

ФРАНЦЪ.

Ахъ, господинъ рыцарь, вы меня слышали. Я самъ съ собою разсуждалъ.

АЛЬБЕРТЪ.

А о чемъ ты разсуждалъ самъ съ собою?

ФРАНЦЪ.

Я думалъ, какъ бы мнѣ попасшь на турниръ.

АЛЬБЕРТЪ.

Ты хочешь попасшь на турниръ?

ФРАНЦЪ.

Точно шакъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Ничего нѣтъ легче. У меня умеръ мой конюшій — хочешь ли на его мѣспо?

ФРАНЦЪ.

Какъ! бѣдный вашъ Яковъ умеръ! Опъ чего жъ онъ умеръ?

АЛЬБЕРТЪ.

Ей-Богу не знаю. Въ пяпницу онъ былъ здо-

ровѣшенекъ; вечеромъ ворошился я поздно (я былъ въ-госпяхъ и порядочно подпилъ), Яковъ сказалъ что-то... я разсердился и ударилъ его, помнился, по щекъ, а можешъ - бышь и въ високъ, однако нѣшь: точно по щекъ; Яковъ повалился, да ужъ и не вспалъ. Я легъ не раздѣвшись, а на другой день узнаю, что мой бѣдный Яковъ — умрѣ.

ФРАНЦЪ.

Ай, рыцарь! видно пощечины ваши тяжелы.

АЛЬБЕРТЬ.

На мнѣ была желѣзная рукавица. Ну, что же, хочешъ бышь моимъ конюшимъ?

ФРАНЦЪ (*почесывается*).

Вашимъ конюшимъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Что жъ ты почесываешься? соглашайся. Я возьму тебя на турниръ, ты будешь жить у меня въ замкѣ. Бышь оруженосцемъ у такого рыцаря какъ я, не шушка. Со-временемъ, какъ знашь, тебя посвясимъ и въ рыцари; многіе такъ начинали.

ФРАНЦЪ.

И я буду жить у васъ въ замкѣ?

АЛЬБЕРТЪ.

Конечно. Ну, согласенъ чпо ли?

ФРАНЦЪ.

Вы не будеше давашь мнѣ пощечинъ?

АЛЬБЕРТЪ.

Нѣшъ, нѣшъ, не бойся; а хошя и случится такой грѣхъ, чпо за бѣда? не всѣ жъ конюшіе убишы до смерти.

ФРАНЦЪ.

И то правда: коли случится такой грѣхъ, посмошримъ, кшо кого...

АЛЬБЕРТЪ.

Чпо.. чпо шы говоришь? я тебя не понялъ.

ФРАНЦЪ.

Такъ, я думаю самъ про себя.

АЛЬБЕРТЪ.

Ну, чпо же? соглашайся!

ФРАНЦЪ.

Извольте, согласенъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Нечего было и думаешь. Доспанъ же себѣ лошадь и приходи ко мнѣ.

III.

ЗАМОКЪ РЫЦАРЯ АЛЬБЕРТА.

—

БЕРТА И КЛОТИЛЬДА.

КЛОТИЛЬДА.

Берта, мнѣ скучно; скажи мнѣ что-нибудь.

БЕРТА.

О чемъ же я буду вамъ говорить? Не о нашемъ ли рыцарѣ?

КЛОТИЛЬДА.

О какомъ рыцарѣ?

БЕРТА.

О томъ, который осмѣлся побѣдипелемъ на турнирѣ.

КЛОТИЛЬДА.

О Рошенфельдѣ! Нѣтъ, я не хочу говорить о

немъ; вошь уже двѣ недѣли, какъ мы возврапились, а онъ и не думалъ прѣѣхать къ намъ; эшо съ его спороны неучпивость.

БЕРТА.

Погодише; я увѣрена, что онъ будетъ завпра.

КЛОТИЛЬДА.

Почему ты такъ думаешь?

БЕРТА.

Попому - что я его во снѣ видѣла.

КЛОТИЛЬДА.

И, Боже мой! Эшо ничего не значить; я всякую ночь вижу его во снѣ.

БЕРТА.

Эшо совсѣмъ другое дѣло, вы въ него влюблены.

КЛОТИЛЬДА.

Я влюблена! Прошу пуспяковъ не выдумывать. Говори мнѣ о комъ-нибудь другомъ.

БЕРТА.

О комъ же? О конюшемъ брапца, объ Францѣ?

КЛОТИЛЬДА.

Пожалуй, говори мнѣ хошь о Францѣ.

БЕРТА.

Вообразите, сударыня, что онъ опъ васъ безъ ума.

КЛОТИЛЬДА.

Францъ опъ меня безъ ума? Кто тебѣ это сказалъ?

БЕРТА.

Никто, я сама замѣтила: когда вы садитесь верхомъ, онъ всегда держитъ вамъ стремя; когда служитъ за споломъ, онъ не видитъ никого кромѣ васъ; если вы уроните плапокъ, онъ всѣхъ проворнѣе его подыметъ, а на насъ и не смотритъ.

КЛОТИЛЬДА.

Или ты дура, или Францъ предерзкая шварь.
(*Входятъ: Альбертъ, графъ Ротенфельдъ и Францъ.*)

АЛЬБЕРТЪ.

Сестра! представляю тебѣ своего рыцаря; графъ пріѣхалъ ночевать въ нашемъ замкѣ.

ГРАФЪ.

Позвольте, благородная дѣвица, недостойному вашему рыцарю еще разъ поцѣловать эту прекрасную руку, изъ кошорой получилъ онъ драгоценную награду.

КЛОТИЛЬДА.

Графъ! я рада, что имѣю честь принимать васъ у себя. Братецъ! я буду васъ ожидать въ сѣверной башнѣ. (*Уходитъ*).

ГРАФЪ.

Какъ она прекрасна!

АЛЬБЕРТЪ.

Она предобрая дѣвушка. Графъ! что же вы не раздѣваетесь? гдѣ ваши слуги? Французъ! разуй графа. (*Французъ медлитъ*). Французъ! развѣ ты глухъ?

ФРАНЦЪ.

Я не всемірный слуга, чтобы всякаго разубавать.

ГРАФЪ.

Ого, какой удалый!

АЛЬБЕРТЪ.

Грубіанъ! (*замахивается*) я тебя прогоню.

ФРАНЦЪ.

Я самъ готовъ оставить замокъ.

АЛЬБЕРТЪ.

Мужикъ, подлая шварь. Извините, графъ, я

съ нимъ управляюсь. — Вонъ!... (*Толкаетъ его въ спину*) чшобы духу швоего здѣсь не было.

ГРАФЪ.

Пожалуйспа, оставь этого дурака; онъ, право, не спóишь.

IV.

КЛОТИЛЬДА.

Брашець! мнѣ до тебѣ просьба.

АЛЬБЕРТЬ.

Чего ты хочешь?

КЛОТИЛЬДА.

Пожалуйста, прогони своего конюшаго, Франца; онъ осмѣлился мнѣ наглубить...

АЛЬБЕРТЬ.

Какъ! и тебѣ?... Жаль же, что я ужъ его прогналъ; онъ опъ меня шакъ скоро бъ не опдѣлался. Да что же онъ сдѣлалъ?

КЛОТИЛЬДА.

Такъ, ничего. Если ты ужъ его прогналъ, шакъ нечего и говорить. Скажи, брашець, долго ли графъ пробудетъ у насъ?

АЛЬБЕРТЬ.

Думаю, сестра, что это будетъ зависѣшь
отъ себя. Что жъ ты краснѣешь?...

КЛОТИЛЬДА.

Ты все шутишь, а онъ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Не думаетъ? о чемъ же?

КЛОТИЛЬДА.

Ахъ, братецъ, какой ты несносный! Я гово-
рю, что графъ обо мнѣ и не думаетъ.

АЛЬБЕРТЬ.

Посмотримъ, посмотримъ. Что будетъ, то
будетъ.

У.

ФРАНЦЪ.

Вотъ нашъ домикъ... зачѣмъ было мнѣ ос-
павлять его для гордаго замка? Здѣсь я былъ
хозяинъ, а шамъ слуга — и для чего? Для гор-
дыхъ взоровъ наглоѣ, благородной дѣвицы. Я пе-
реносилъ униженіе, я унизился въ собеспвенныхъ
глазахъ моихъ; я сдѣлался слугою того, кто
былъ моимъ поварищемъ; я привыкъ сносить
дѣпскія обиды глупаго, избалованнаго повѣсы, я
не примѣчалъ ничего... Я, копорый не хопѣлъ
зависѣть опъ опца, я спалъ зависимъ опъ чу-
жаго. И чѣмъ все эпо кончилось? Боже! кровь
кидаешся въ лице, кулаки мои сжимающся... О,
я самъ опмщу, опмщу... Какъ - по примешъ
меня опецъ? (*Стушится*).

КАРЛЪ (*выходитъ*).

Кпо шамъ шакъ спучишь? А! Францъ, эпо
пы. (*про себя*) Вотъ чоршъ принесъ!

ФРАНЦЪ.

Здравспвуй, Карль; опецъ дома?

КАРЛЬ.

Ахъ, Францъ! давно же ты здѣсь не былъ. Опецъ швой съ мѣсяць какъ ужъ померъ.

ФРАНЦЪ.

Опецъ мой умеръ! Невозможно!

КАРЛЬ.

Такъ-шо возможно, что его и схоронили.

ФРАНЦЪ.

Бѣдный, бѣдный спарикъ!... И мнѣ не дали знашь, что онъ боленъ; можеть бышь, онъ умеръ съ гореспи: онъ меня любилъ, онъ чувспвовалъ сильно. Карль! и ты не могъ послапъ за мною? Онъ меня бы благословилъ.

КАРЛЬ.

Онъ осердился на прикащика и выпилъ сто-ряча при бупымки пива, опъ того и умеръ. Знаешь ли что еще, Францъ? Вѣдь онъ лишилъ тебя наслѣдсва, а опдалъ все свое имѣнiе...

ФРАНЦЪ.

Кому?

КАРЛЪ.

Не смѣю тебѣ сказать . . ты такой вспыльчивый.

ФРАНЦЪ.

Знаю : тебѣ . . .

КАРЛЪ.

Богъ видить, я не виноватъ. Я готовъ былъ бы тебѣ все отдать . . . потому - что, видишь ли, хоть законъ и на моей сторонѣ, однако вошь по совѣсти чувствую, что все-таки сынъ наследникъ отца, а не подмасперье . . . Но видишь, Францъ . . . я ждалъ тебя, а ты не приходилъ, я и женился; а вошь теперь какъ женашъ, ужъ я и не знаю что дѣлать . . . и какъ быть.

ФРАНЦЪ.

Владѣй себѣ моимъ наследствомъ, Карлъ; я у тебя его не пребую. На комъ ты женился?

КАРЛЪ.

На Юліи Фуршъ, мой добрый Францъ, на дочери Томаса Фурша, нашего сосѣда; я тебѣ ее покажу. Если хочешь оспаться, то у меня есть порожній уголокъ . . .

ФРАНЦЪ.

Нѣтъ, благодарствую, Карлъ, кланяйся Юліи

и вошь опдай ей эту серебряную цѣпочку опъ меня, на память.

КАРЛЪ.

Добрый Францъ! Хочешь съ нами опобѣдать?
Мы шолько-чшо съли за шшоль.

ФРАНЦЪ.

Не могу, я снѣшу...

КАРЛЪ.

Куда же?

ФРАНЦЪ.

Такъ, самъ не знаю, прощай.

КАРЛЪ.

Прощай, Богъ тебѣ помоги. (*Францъ уходитъ.*) А какой онъ добрый мальшй, и какъ жаль, чшо онъ шакой безпушный! Ну, шеперь я совершенно спокоснѣ: у меня не будешъ ни шяжбы, ни хлопощъ.

VI.

Вассалы, вооруженные косами и дубинами.

ФРАНЦЪ.

Они прѣдупѣть черезъ эту лужайку: смоприше же, не робѣшь; подпустише ихъ какъ можно ближе, продолжая косить. Рыцари на васъ гаркнушъ и наскочушъ; шушъ вы размахнишесь косами по лошадинымъ ногамъ, а мы изъ лѣсу и пріударимъ... Чу! Вопшъ они. (*Францъ съ частію вассаловъ скрывается за лѣсъ. Нѣсколько рыцарей, между ними Альбертъ и Ротенфельдъ*).

РЫЦАРИ.

Гей, вы! долой съ дороги.

(*Вассалы съмаютъ шляпы и не трогаются*).

Долой, говоряшъ вамъ... Чшо это значишъ, Ротенфельдъ? Они ни съ мѣспа.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

А вопшь, пришпоримъ лошадей, да попопчсмъ ихъ порядкомъ.

КОСАРИ.

Ребяша, не робѣшь . . .

(Лошади раненыя падаютъ съ слѣдоками, другія бѣсятъ).

ФРАНЦЪ *(бросается изъ засады).*

Впередъ, ребяша! У! у!

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Плохо, брапъ, ихъ болѣе спа человекъ.

ДРУГОЙ.

Ничего, насъ еще пятеро верхами.

РЫЦАРИ.

Подлецы, собаки, вопшь мы васъ!

(Сраженіе. Всѣ рыцари падаютъ одинъ за другимъ. Вассалы ихъ бьютъ дубинами и косами).

У! у! у! Наша взяла! . . . Теперь вы въ нашихъ рукахъ. . . Кровопійцы! разбойники! гордецы поганые.

ФРАНЦЪ.

Копорый изъ нихъ Ротенфельдъ? Друзья! подымите забрага, гдѣ Альбертъ?

(Идетъ другая толпа рыцарей).

ОДИНЪ ИЗЪ НИХЪ.

Господа! посмотрише, что эшо значить? здѣсь дерушся.

ДРУГОЙ.

Эшо бунтъ; подлый народъ бѣеишь рыцарей.

РЫЦАРИ.

Господа! господа! копя въ упоръ! пришпоривай!...

(Наѣхавшіе рыцари нападаютъ на вассаловъ.)

ВАССАЛЫ.

Бѣда! бѣда! Эшо рыцари!...

ФРАНЦЪ.

Куда вы? оглянитесь, ихъ нѣтъ и десяти человекъ!... *(Онъ раненъ; рыцари хватаютъ его за воротъ).*

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Поспой, брашъ, опоможи свою проповѣдь.

ДРУГОЙ.

И эши подмыя твари могли побѣдить благородныхъ рыцарей! Смоприше, одинъ, два, при... девять рыцарей убишо. Да эшо ужась!

(Лежащіе рыцари встаютъ одинъ за другимъ.)

РЫЦАРИ.

Какъ! вы живы?

АЛБЕРТЬ.

Благодаря желѣзнымъ лапамъ... (*Встѣ смѣются*). Ага! Францъ, это ты, дружокъ? Очень радъ, что встрѣчаю тебя. Гг. Рыцари! благодаримъ за великодушную помощь.

ОДИНЪ ИЗЪ РЫЦАРЕЙ.

Не за что; на нашемъ мѣспѣ вы бы сдѣлали то же самое.

АЛБЕРТЬ.

Смѣю ли просить васъ въ мой замокъ дня на три, отдохнуть послѣ сраженія, и на досугъ попировать?

РЫЦАРИ.

Извините, что не можемъ воспользоваться вашимъ благороднымъ госпепринимомъ: мы спѣшимъ на похороны Эльсбергскаго принца и боимся опоздать.

АЛБЕРТЬ.

По-крайней-мѣрѣ сдѣлайте мнѣ честь у меня опужинашь.

РЫЦАРИ.

Съ удовольствіемъ. Но у васъ нѣтъ лошадей;

позвольте предложить вамъ нашихъ; мы сядемъ за вами, какъ освобожденныя красавицы (*сидятся*). А этого молодца, шагъ и бышь, довеземъ ужъ до первой висѣлицы. Господа, помогите его привязать къ хвосту моей лошади.

VII.

ЗАМОКЪ РОТЕНФЕЛЬДА.

—

(Рыцари ужинаютъ).

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Славное вино!

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Ему болѣе спа лѣпъ... Прадѣдъ мой посшавиль его въ погребѣ, опправляясь въ Палестину, гдѣ и оспался. Эпопѣ походѣ ему спониль двухъ замковъ и Ротенфельдской роци, копорую продалъ онъ за безцѣнокъ какому-шо епископу.

РЫЦАРИ.

Славное вино! За здоровье благородной хозяйки.

КЛОТИЛЬДА.

Благодарю васъ, рыцари. За здоровье вашихъ дамъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

За здоровье нашихъ избавишелей.

ОДИНЪ ИЗЪ РЫЦАРЕЙ.

Ротенфельдъ! праздникъ вашъ прекрасенъ; но ему чего-то не доспаетъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Знаю, Кипрскаго вина; что дѣлать—все вышло на прошлой недѣлѣ.

РЫЦАРЬ.

Нѣтъ, не Кипрскаго вина, не доспаетъ пѣснь миннезингера.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Правда, правда... Нѣтъ ли въ сосѣдствѣ миннезингера? Спупайше-ка въ госпинницу.

АЛЬБЕРТЪ.

Да чего же намъ лучше? Вѣдь Францъ еще не повѣшенъ: кликнущъ его сюда.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

И въ самомъ дѣлѣ, кликнушь сюда Франца.

- РЫЦАРЬ.

Кто эпокъ Францъ?

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Да топъ самый негодяй, котораго вы взяли сегодня въ плѣнъ.

РЫЦАРЬ.

Такъ онъ еще и миннезингеръ?

АЛЬБЕРТЪ.

О! все, что вамъ угодно. Вотъ онъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Францъ! рыцари хопяпъ послушапъ швоихъ пѣсень, если спрахъ не опшибъ у тебя памя-пи, а голось еще не пропалъ.

ФРАНЦЪ.

Чего мнѣ болясья? Пожалуй, я вамъ спою пѣсню моего сочиненія. Голось мой не дрожишъ, и языкъ поворачиваешся.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Посмопримъ, посмопримъ. Ну, начинай.

ФРАНЦЪ (*поетъ*).

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный,
Молчаливый и простой,
Съ-виду сумрачный и блѣдный,
Духомъ смѣлый и прямой.

Онъ имѣлъ одно видѣнье,
Непостижное уму —
И глубоко впечатлѣнье
Въ сердце врезалось ему.

Съ той поры, сторгнувъ душою,
Онъ на женщинъ не смотрѣлъ,
Онъ до гроба ни съ одною
Молвить слова не хотѣлъ.

Онъ себѣ на шею четки
Вмѣсто шарфа навязалъ,
И съ лица стальной рѣшетки
Ни предъ кѣмъ не подымалъ.

Полонъ чистою любовью,
Взрень сладостной мечтѣ,
А. М. Д. своею кровью
Начерталъ онъ на щитѣ.

И въ пустыняхъ Палестины,
Между-тѣмъ какъ по скаламъ
Мчались въ битву паладины,
Именуя громко дамъ,

Lumen coeli, sancta Rosa!
Восклицалъ онъ, дикъ и рьянъ,
И какъ громъ его угроза
Поражала Мусульманъ.

Возвратясь въ свой замокъ дальный,
 Жилъ онъ, строго заключенъ,
 Все безмолвный, все печальный,
 Какъ безумецъ умеръ онъ.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Славная пѣсня! да она слишкомъ заунывна.
 Нѣтъ ли чего повеселѣе?

ФРАНЦЪ.

Извольте, есть и повеселѣе.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Люблю за то, что не унываешь. Вотъ тебѣ
 кубокъ вина.

ФРАНЦЪ.

Воротился ночью мельникъ . . .
 Жонка! Что за сапоги? —
 Ахъ, ты, пьяница, бездѣльникъ!
 Гдѣ ты видишь сапоги?
 Иль мутить тебя лукавой?
 Это ведра. — Ведра? Право?
 Вотъ ужъ сорокъ лѣтъ живу,
 Ни во снѣ, ни наяву
 Не видалъ до этихъ поръ
 Я на ведрахъ мѣдныхъ шпоръ.

РЫЦАРИ.

Славная пѣсня! прекрасная пѣсня! Ай да Францъ!

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

А все-таки себя повѣшу.

РЫЦАРИ.

Конечно; пѣсня пѣснію, а веревка веревкой: одно другому не мѣшаетъ.

КЛОТИЛЬДА.

Рыцари! я имѣю просьбу до васъ; общайтесь не опказавъ.

РЫЦАРИ.

Что изволише приказавъ?

ОДИНЪ.

Мы гошovy во всемъ повиновамся.

КЛОТИЛЬДА.

Нельзя ль помиловать этого бѣднаго человѣка? Онъ уже довольно наказанъ и раной и спрахомъ висѣлицы.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Помиловать его!... Да вы не знаете подлаго народа. Если не пугнушь ихъ порядкомъ, да пощадишь ихъ предводителя, то они завтра же взбунтуются опять.

КЛОТИЛЬДА.

Нѣтъ, я ручаюсь за Франца. Францъ! не правда ли, что если себя помилюють, то уже болѣе бунтовать не спанешь?

ФРАНЦЪ (*въ чрезвычайномъ смущеніи*)

Сударыня... сударыня...

ОДИНЪ РЫЦАРЬ.

Ну, Ротенфельдъ, чего дама пребуесть, въ помъ рыцарь опказать не можесть. Надобно его помилуваць.

ВСЪ РЫЦАРИ.

Надобно его помилуваць.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Такъ и бысть: мы его не повѣсимъ, но запремъ его въ шюрму, и даю мое честное слово, что онъ до пѣхъ поръ изъ нея не выйдеть, пока снѣжны замка моего не подымутся на воздухъ и не разлетятся.

РЫЦАРИ.

Быть такъ....

КЛОТИЛЬДА.

Однако....

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Клопильда! я далъ честное слово.

ФРАНЦЪ.

Какъ! вѣчное заключеніе! Да по мнѣ лучше умереть.

РОТЕНФЕЛЬДЪ.

Твоего мнѣнія не спрашиваютъ. Опведите его въ башню... (*Франца ведутъ*).

ФРАНЦЪ (*уходя*).

Однако жъ я ей обязанъ жизнию.

КОНЕЦЪ ДЕСЯТАГО ТОМА.